

Латвийский ордена Трудового Красного Знамени
государственный университет им. П.Стучки

На правах рукописи

ГАВРИЛИН Александр Валентинович

ПЕРЕХОД ПРИВАЛТИЙСКИХ КРЕСТЬЯН В ПРАВОСЛАВИЕ
В 40-х ГОДАХ XIX ВЕКА, КАК ФОРМА КЛАССОВОЙ
БОРЬБЫ КРЕСТЬЯНСТВА

07.00.02 - история СССР

Д и с с е р т а ц и я
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель :
доктор исторических наук,
профессор СТРОДС Х.П.

Рига - 1987

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	с. 3-13
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА	с.13-32
ГЛАВА I. Классовая борьба латышского и эстонского крестьянства в 1841 году и попытки перехода в православие..	с.33-88
I.1. Социально-экономическое положение прибалтийских крестьян в 30-40-х годах XIX века	с.33-42
I.2. Крестьянские выступления в Прибалтике весной-летом 1841 года	с.42-53
I.3. Появление новой формы крестьянского движения - попыток перехода в православие	с.54-72
I.4. Отношение царского правительства к крестьянскому движению 1841 года в Прибалтике	с.72-80
I.5. Подавление выступлений латышского и эстонского крестьянства 1841 года	с.80-88
ГЛАВА II. Борьба латышского и эстонского крестьянства в 1845-1848 годах - массовый переход в православие...	с.89-163
2.1. Углубление классовых противоречий в Прибалтике..	с.89-100
2.2. Царизм и переход латышского и эстонского крестьянства в православие	с.101-116
2.3. Массовый переход латышских и эстонских крестьян в православие в 1845-1848 годах	с.116-158
2.4. Результаты массового перехода латышских и эстонских крестьян в православие в 1845-1848 годах	с.159-163
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	с.164-168
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	с.169-186

В В Е Д Е Н И Е

В истории антагонистических обществ особое место принадлежит крестьянству, которое является одним из самых многочисленных из когда-либо существовавших общественных классов. История классовой борьбы крестьянства, внесшего огромный вклад в экономическое, социальное и культурное развитие общества, неразрывно связана с общим ходом исторического развития и является его органической составной частью. Классовая борьба крестьянства пронизывает весь период феодализма, будучи движущей силой исторического прогресса¹. Особенно важно выявление роли и места классовой борьбы крестьянства в период возникновения, развития и смены общественно-экономических формаций, когда наиболее ярко проявляется объективный характер исторического процесса, обнаруживается решающая роль в нем борьбы нового и старого².

Среди проблем истории классовой борьбы крестьянства России периода перехода от феодальной формации к капиталистической важное место занимает вопрос о религиозно-оппозиционных движениях. Эти движения облекались в самые различные формы, в них принимали участие широкие массы крестьянства, они были сравнительно длительными, играли значительную роль в экономической, социальной, идеологической жизни страны. Они достаточно ярко характеризуют социальный протест народных крестьянских масс, их общественное сознание, назревшие объективные социально-экономические потребности жизни крестьянства, улучшения которой крестьянство так настойчиво добивалось и в столь осложненной форме борьбы. Эта форма, несмотря на формальный характер, который она носила, часто скрывала объективное содержание

¹ Буганов В.И., Пресбраженский А.А., Тихонов Ю.А. Эволюция феодализма в России. Социально-экономические проблемы. — М., 1980. — с.270.

² Ковальченко И.Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX века. М., 1967. — с.3.

выступлений крестьянства под религиозной оболочкой и тем самым нередко затрудняла историческое исследование подобных движений. Между тем, основной подход к изучению крестьянских религиозно-опозиционных течений был предложен в 1850 г. Ф.Энгельсом в его работе "Крестьянская война в Германии". Ф.Энгельс не только дал определение крестьянским движениям под религиозной оболочкой, но и предложил четкую методологию изучения этих движений. Он подчеркивал: "... и во времена так называемых религиозных войн ... речь шла прежде всего о весьма определенных материальных классовых интересах; эти войны также были борьбой классов... Если эта классовая борьба протекала тогда под знаком религии, если интересы, нужды и требования отдельных классов скрывались под религиозной оболочкой, то это несколько не меняет дело и легко объясняется условиями времени"¹. Существование же религиозной оболочки классовой борьбы было обусловлено тем положением, "... которое занимала церковь в качестве наиболее общего синтеза и наиболее общей санкции существующего феодального строя"². При всем хронологическом несовпадении существовавших в России движений социального протеста в религиозной форме с подобными движениями в Западной Европе и их своеобразии, анализ Ф.Энгельса сущности религиозной оппозиции вполне применим и для нашей страны. В.И.Ленин отмечал, что "выступление политического протеста под религиозной оболочкой есть явление, свойственное всем народам, на известной стадии развития, а не одной России"³. Тем самым он подчеркивал типологическую общность религиозно-оппозиционных движений в России и других странах. Следует

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, 2-е изд.- Т.7.-С.360.

² Там же.- С.360-361.

³ Ленин В.И. Проект программы нашей партии // Полн.собр.соч.- Т.4.-С.228.

отметить, что несмотря на кажущиеся внешние различия в лозунгах крестьянских движений, в религиозной тематике, все народные антифеодальные движения под религиозной оболочкой роднит их общее объективное содержание - все эти движения по сути своей были направлены против усиления феодальной эксплуатации. По словам В.И. Ленина, до 60-х годов XIX века в России "все общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками"¹. Именно поэтому при изучении религиозно-оппозиционных движений религиозную оболочку сравнительно легко можно отделить от их гражданского содержания и последнее изучать обособленно². Однако достоверное научное изучение объективного содержания крестьянского движения под религиозной оболочкой предполагает и анализ его субъективной формы, так как без такого анализа историческое исследование будет не до конца последовательным, а социально-экономическое и политическое содержание крестьянского движения будет доказано не полностью. Таким образом, под основным требованием к научному изучению крестьянских движений под религиозной оболочкой понимается рассмотрение их как формы классовой борьбы крестьянства, а главной целью этого изучения должно быть исследование социально-экономического и политического содержания крестьянского движения. Причем такое исследование должно опираться на анализ конкретных исторических условий, в которых происходило это движение, его причин и тех социально-экономических и политических изменений, которых крестьянство добивалось, а подтверждаться ^{анализом} субъективных целей крестьянства, т.е. религиозной

¹ Ленин В.И. От какого наследства мы отказываемся? // Полн. собр. соч. - Т. 2. - С. 520.

² Рындзевский П.Г. Идеальная сторона крестьянских движений 1770-1850-х годов и методы ее изучения // Вопросы истории. - 1983. - № 5. - С. 13

оболочки движения. При этом, учитывая, что "церковь была в крепостной зависимости от государства"¹, изучать подобное движение необходимо в тесной связи с внутренней политикой самодержавия вообще и в области религии - в частности.

Рассматриваемое в настоящем исследовании десятилетие падает на особый период в истории России, основными чертами социально-экономического развития которого В.И. Ленин считал все более усугубляющееся разложение феодально-крепостнических форм хозяйства, с одной стороны, и складывание предпосылок, развитие капиталистических отношений, - с другой². Во второй четверти XIX века значительно увеличилось число крестьянских волнений, вызванных крайним обострением классовых противоречий в результате нарастающего кризиса феодально-крепостнической системы³. В рассматриваемый период особо выделяется такая форма крестьянской классовой борьбы как массовое самовольное переселение в другие районы страны, в поисках земли и воли⁴, однако заметно увеличивается и количество религиозно-оппозиционных выступлений⁵. В 1834-1835 годах поднялось широкое движе-

¹ Ленин В.И. Социализм и религия // Полн. собр. соч. - Т. 12. - С. 144

² Ленин В.И. "Крестьянская реформа" и пролетарски-крестьянская революция // Полн. собр. соч. - Т. 20. - С. 173

³ Дружинин Н.М. Массовое антикрепостническое движение и внутренняя политика царизма в 1826-1852 гг. // История СССР с древнейших времен до наших дней, т. IV. - М., 1967. - С. 282

⁴ Линков Я.И. Очерки истории крестьянского движения в России в 1825-1861 гг. - М., 1952, с. 58; Кабузан В.М. Крепостное крестьянство России в XVIII-50-х годах XIX века. Численность, состав и размещение // История СССР. - 1982. - №3. - С. 74

⁵ Линков Я.И. Очерки истории ... , М., 1952. - С. 89.

ние государственных крестьян Пермской и Оренбургской губернии против передачи их в "удел" частным владельцам, к которому примкнули также татары, встревоженные слухами о принудительном обращении их в православие¹. В ноябре-феврале 1834 года развернулось волнение государственных крестьян-униатов /960 человек/ в Витебской губернии в связи с переводом их в православие². В 1841-1843 годах поднялось широкое волнение крестьян-старообрядцев в Приуралье³, в мае 1841 года крестьяне-старообрядцы Резицкого (Резекненского) и Динабургского (Даугавпилсского) уездов Витебской губернии попытались бежать за границу, встревоженные слухами об обращении их в православие⁴. В этот же период массовое движение за возврат к язычеству развернулось среди крестьян-чувашей⁵. Следует отметить, что среди узников Шлиссельбургской крепости, заключенных в 1840-х годах за выступления против официальной религии, большинство составляли крестьяне⁶.

Крестьянские массы обращали свои взоры к церкви потому, что чувствовали свою беспомощность, неорганизованность, распыленность в борьбе с угнетателями⁷. Казалось, что религия как будто давала крестьянству именно то, что ему так остро недоставало: общую задачу, единство, преодоление разрозненности. Однако на самом деле

¹ Дружинин Н.М. Массовое антикрепостническое... - В кн.: История СССР с древнейших времен до наших дней, т. IV. М., 1967. - С. 284

² Крестьянское движение в России в 1826-1849 гг. Сб. документов. /Под ред. А.В. Предтеченского/. - М., 1961. - С. 730

³ Клибанов А.И. Народная утопия в России. XIX век. М., 1978. - С. 20

⁴ Крестьянское движение в России в 1826-1849 гг. Сб. док. - С. 766

⁵ Браславский Л. Ю. История религиозных движений среди населения Чувашского края (процессы секуляризации и трансформации религиозного сознания). Диссертация на соиск. уч. степ. канд. ист. наук. - Горький, 1983. - С. 26-28

⁶ Крестьянское движение в России в 1826-1849 гг. Сб. док. - С. 766

⁷ Поршнев Б.Ф. Феодализм и народные массы. - М., 1964. - С. 395

религия только парализовала ^{ВН} революционную решимость народных масс, отваживала их от революционных действий, подрывала их революционное настроение¹. Именно поэтому церковь, даже поощряя народное сопротивление, давала ему ложное направление, ложное руководство и таким путем отводила удар от аппарата насилия².

Несмотря на то, что прибалтийское крестьянство в 40-х годах выступило за переход в православие, то есть не в оппозиции к господствующей в то время в царской России конфессии, а, наоборот, в ее поддержку, это движение тесно смыкается с религиозно-оппозиционными движениями в России в 30-40-х годах XIX века. Их объединяет прежде всего антифеодальное содержание и классовый характер. Кроме того, лютеранская церковь в прибалтийских губерниях в рассматриваемый период являлась основным орудием идеологического господства прибалтийско-немецких помещиков³. Как писал в 1890 году анонимный апологет остзейского дворянства, характеризуя положение лютеранской церкви в Прибалтике в 40-х годах XIX века, "... вероисповедание стало тождественным с национальностью, а церковь превратилась в правительственное учреждение"⁴. Поэтому переход в православие, кроме того, что он преследовал надежды на улучшение социально-экономического положения, был попыткой крестьян вырваться не только из-под духовного влияния местных пасторов, ближайших духовных агентов землевладельцев⁵, но и самих остзейских помещиков. Как подчер-

¹ Ленин В.И. Крах II Интернационала // Полн. собр. соч. - Т.26.-С.237.

² Поршнев Б.Ф. Феодализм ... - С.417

³ Духанов М.М. Остзейцы. Явь и вымысел.- Рига, 1970.- С.17

⁴ Православие и лютеранство в России. - Лейпциг, 1890.- С.3

⁵ Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д.Киселева.- Т. II.-М., 1958.- С.501

кивал академик Я.Зутис, первый болезненный удар лютеранской церкви как опоре феодализма в Прибалтике был нанесен распространением герингтерства, вторым, более сильным ударом по привилегиям прибалтийско-немецких помещиков в области идеологии, был массовый переход латышских и эстонских крестьян в православие в 40-х годах XIX века^I.

Целью настоящей работы является изучение проблемы массового перехода латышских и эстонских крестьян в православие в 40-х годах XIX века как движения социального протеста в период разложения феодализма и генезиса капитализма.

Для достижения этой цели необходимо решение следующих задач : выяснить конкретно-историческую роль рассматриваемого движения; его особенности; присущие ему внутренние противоречия, возникающие в специфических условиях социально-экономического развития Прибалтики и в связи с внутренней политикой самодержавия в данный период; рассмотреть политические маневры царского самодержавия и прибалтийско-немецких помещиков, предпринимаемые в ответ на классовую борьбу крестьян; определить место массового перехода латышских и эстонских крестьян в православие в 40-х годах XIX века как движения социального протеста среди других форм классовой борьбы прибалтийского крестьянства в изучаемое время. Решение этих задач тесно смыкается с изучением характера антифеодальной идеологии прибалтийского крестьянства в 40-х годах XIX века, эволюции требований, выдвигаемых крестьянами в ходе антифеодальной борьбы. Более пристальное внимание в диссертационной работе обращено на политику царского самодержавия, а также политику православной церкви по отношению к движению латышских и эстонских крестьян в православие в 40-х годах XIX века. Этот вопрос был наиболее спорным в дворян-

I

Zutis J. Vidzemes un Kurzemes zemnieku brīvlaišana XIX gadsimta 20.gados. - R., 1956.- 224.lpp.

кой и буржуазной историографии, недостаточно затрагивался советской историографией, между тем как без изучения политики господствующих классов анализ движения народных масс будет не до конца объективным.

Как уже было рассмотрено, классики марксизма-ленинизма, исходя из материалистических позиций, не отрицая религиозной формы крестьянских движений, доказали, что под религиозной оболочкой скрывались глубинные классовые противоречия, являющиеся следствием конкретных материальных и социальных условий жизни общества. Однако, в силу того, что аграрная политика правящих классов в 40-х годах XIX века в Прибалтике может служить предметом специального исследования, настоящая работа не задается целью дать глубокий анализ аграрного положения в Прибалтике в рассматриваемый период, а основывается на выводах, уже разработанных советской историографией по данному вопросу. Так как проблема экономических, национальных и социально-психологических аспектов взаимоотношений латышского и эстонского крестьянства и прибалтийско-немецких помещиков в 40-х годах XIX века также может служить темой самостоятельного исследования, эти вопросы в настоящей работе рассматриваются только в рамках движения за переход в православие.

Хронологические рамки исследования определяются периодом 40-х годов XIX века. Основное внимание уделяется 1841, 1845-1848 годам, то есть периодам кульминации крестьянских волнений в Прибалтике.

Территориальные границы темы - губернии, населенные латышским и эстонским народами, то есть Лифляндская, Курляндская и Эстляндская^I, однако, в силу того, что массовый характер движения за переход в православие приняло только в Лифляндской губернии, основ-

^I Восточную Латвию, входившую в этот период в состав Витебской губернии, движение за переход в православие не затронуло.

ное внимание в настоящей работе уделяется латышским и эстонским уездам последней.

Научная новизна и практическая значимость исследования определяется прежде всего тем, что оно является одной из первых в советской историографии попыткой на основе ранее не введенных в научный оборот архивных источников системно изучить и конкретизировать проблему перехода латышских и эстонских крестьян в православие в 40-х годах XIX века как форму социального протеста крестьянства. В диссертации впервые детально осуществлен исторический обзор крестьянских волнений 40-х годов XIX века в Прибалтике, принявших форму массового перехода в православие. Результаты исследования, обобщенные в опубликованных работах и в диссертации вносят уточнение в анализ хода движения за переход в православие в 40-х годах XIX века в Прибалтике, а также могут использоваться при написании обобщающих работ по истории Латвийской ССР и Эстонской ССР.

Исследование состоит из введения, двух глав и заключения. Содержание основных глав диссертации обусловлено анализом хода крестьянского движения за переход в православие. В первой главе "Классовая борьба латышского и эстонского крестьянства в 1841 году и попытки перехода в православие" рассматриваются попытки перехода прибалтийских крестьян в православие в рамках крестьянского движения 1841 года, когда они не носили самостоятельного характера, а тесно переплетались с другими формами социального протеста крестьянства Прибалтики. Во второй главе "Борьба латышского и эстонского крестьянства в 1845-1848 годах - массовый переход в православие", рассматривается период, когда переход в православие стал основной формой социального протеста прибалтийского крестьянства и принял массовый характер.

Теоретической и методологической основой исследования являются положения классиков марксизма-ленинизма, которые в своих трудах неоднократно отмечали социально-экономическую природу, истоки и ис-

торическую роль антифеодальных движений крестьянства. По рассматриваемой в диссертационной работе проблеме особенно важное значение имеют труды В.И.Ленина, который, обращаясь к вопросу об отмене крепостного права в России¹, дал глубоко верную оценку не только самому содержанию крестьянских антифеодальных движений, но и раскрыл сущность роли церкви в эксплуататорском обществе². Опровергая клерикальный тезис об извечной аполитичности церкви, В.И.Ленин отмечал, что "на деле духовенство всегда участвовало в политике"³. Исходя из марксистско-ленинского определения крестьянских движений под религиозной оболочкой как проявления классовой борьбы при феодализме, как антифеодальных по своей сути, особое значение имеет исследование этик движений и политики самодержавия по отношению к ним в тот период, когда возникает и развивается капиталистический уклад. В.И.Ленин указывал, что характерной чертой "эпохи краха феодализма и абсолютизма" является прежде всего участие в народных движениях "крестьянства, как наиболее многочисленного и наиболее "тяжелого на подъем" слоя населения"⁴. В свою

¹ Ленин В.И. Пятидесятилетие падения крепостного права // Полн. собр.соч. - Т.20.-С.139-142; Ленин В.И. По поводу юбилея//Полн. собр.соч. - Т.20.- С.167-170; Ленин В.И. "Крестьянская реформа" и пролетарски-крестьянская революция // Полн.собр.соч. - Т.20.- с.171-180; Ленин В.И. Аграрный вопрос в России к концу XIX века // Полн.собр.соч.- Т.17.- С.57-137 и др.

² Ленин В.И. Социализм и религия // Полн.собр.соч.- Т.12.-С.142-147; Ленин В.И. Об отношении рабочей партии к религии // Полн. собр.соч.- Т.17.-С.415-426; Ленин В.И. Крах II Интернационала// Полн.собр.соч.- Т.26.- С.237 и др.

³ Ленин В.И. Духовенство и политика // Полн.собр.соч. - Т.22.- С.81.

⁴ Ленин В.И. О праве наций на самоопределение // Полн.собр.соч.- Т.25.- С.264.

очередь, характеризуя классовую борьбу крестьянства в пореформенный период, В.И. Ленин писал: "С одной стороны, века крепостного гнета и десятилетия форсированного пореформенного разорения накопили горы ненависти, злобы и отчаянной решимости... С другой стороны, крестьянство, стремясь к новым формам общезития, относилось очень бессознательно, патриархально, по-продивому к тому, каково должно быть это общезитие, какой борьбой надо завоевать себе свободу, какие руководители могут быть у него в этой борьбе ... Вся прошлая жизнь крестьянства научила его ненавидеть барина и чиновника, но не научила и не могла научить где искать ответа на все эти вопросы"¹. Это крайне важное ленинское определение целиком подходит и для характеристики мировоззрения прибалтийского крестьянства 40-х годов XIX века.

Источники. Богатый обширный материал о крестьянских волнениях в 40-х годах XIX века в Прибалтике находится в фондах ЦГИА СССР и ЦГАОР СССР и, в частности, в фондах канцелярии Синода /ф.796/, канцелярии обер-прокурора Синода /ф.797/, совета министра МВД /ф.1281/, департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД /ф.821/ и других фондах ЦГИА СССР, а также в фондах III отделения собственной е.и.в. канцелярии ЦГАОР СССР. Этот материал позволяет определить расстановку основных политических сил в России и в Прибалтике по вопросу о волнениях прибалтийских крестьян в 40-х годах XIX века, принявших форму перехода в православие, причем именно этот материал дает возможность изучения рассматриваемой проблемы со всех аспектов. Между тем материал из фондов ЦГИА СССР и ЦГАОР СССР по рассматриваемой в настоящей работе теме до настоящего времени был сравнительно мало изучен. В свою очередь, материал из

¹ Ленин В.И. Лев Толстой, как зеркало русской революции // Полн. собр.соч. - Т.17.- С.210-211.

фондов ЦГИА Латв.ССР - канцелярии лифляндского, курляндского и эстляндского генерал-губернатора /ф.1/, канцелярии лифляндского губернатора /ф.3/, лифляндского губернского правления /ф.4/, лифляндской евангелически-лютеранской консистории /ф.233/, канцелярии рижского и митавского православного епископа /ф.7462/, архива лифляндского рыцарства /ф.214/ и др. - позволяет выяснить лишь отдельные вопросы рассматриваемой темы, однако значительно глубже и обширнее. Сохранилось значительное число официальных документов : донесений приходских и уездных органов власти в лифляндское губернное правление и в канцелярию лифляндского гражданского губернатора Е.Ф.Фелькерзама, лифляндского гражданского губернатора прибалтийскому генерал-губернатору с 1830 по 1845 годы М.И.Палену и генерал-губернатору в 1845-1848 годах Е.А.Головину, чиновников особых поручений при прибалтийском генерал-губернаторе и его адъютантов (Бригера, А.Адеркаса, Толстого, Ланге, С.Головина, П.А.Валуева, Рейнгардта и др.), донесения генерал-губернаторов в вышестоящие органы власти, донесения царских чиновников в различные центральные учреждения (М.Каниевского, Я.В.Ханыкова, К.Ф.Опочинина, И.Г.Сенявина, Крузенцтерна, М.Розенберга, Штакельберга и др.). К ним тесно примыкают разнообразные материалы, составленные в центральных учреждениях на основе местных донесений и судебных приговоров : заключения министерских департаментов и советов, резолюции управляющего МВД с 1839 по 1841 годы А.Г.Строганова, министра внутренних дел в 1841-1852 годах Л.А.Перовского, шефа жандармов с 1826 по 1844 годы А.Х.Бенкендорфа и шефа жандармов в 1844-1856 годах А.Ф.Орлова, обер-прокурора Синода в 1836-1855 годах Н.А.Протасова, переписка между МВД и III отделением собственной е.и.в. канцелярии, МВД и Синодом, Синода и III отделения, всеподданнейшие доклады МВД, Синода и III отделения. К материалу, представленному в этих документах, необходимо подходить критически,

так как решающим фактором содержания документа и трактовки фактов, изложенных в нем, всегда являлась классовая принадлежность автора, а также его политическая позиция. Именно поэтому официальные документы сплошь и рядом изображают волнения крестьян в извращенном виде^I, однако они дают богатый фактический материал и помогают при сопоставлении сведений, поступивших из ведомств одного уровня найти правильное понимание событий. Например, часто кардинально противоположную трактовку событий давали прибалтийское православное духовенство и лютеранское духовенство, однако сведения, поданные духовенством, проверялись канцелярией генерал-губернатора или же ливонским губернским правлением и канцелярией рижского православного епископа. Если же духовенство подавало сведения сразу же в центральные учреждения, минуя губернские органы власти, то проверку предпринимали в МВД (в департаменте духовных дел иностранных исповеданий) и в Синоде (канцелярии Синода). Таким образом, для выяснения достоверного описания событий необходимо, во-первых, сопоставить сведения, поданные православным духовенством, со сведениями лютеранского духовенства и, во-вторых, сделать анализ результатов проверок, предпринятых губернским правлением и канцелярией рижского православного епископа или же МВД и Синодом.

Особенно интересный материал найден в 109 фонде ЦГАОР СССР, так как в силу особого положения III-го отделения в николаевской России, как верховного контролирующего и распорядительного органа политического сыска, жандармские офицеры (Эрстальн, Кирш, Гильдебрандт, Шербачев), наблюдавшие за порядком в прибалтийских

^I См. напр. рапорт эзельского (с. Саарема) ордуунгсрихтера П.В. Буксгеадена Е.А. Головину от 10 июня 1846 г. о том, что зачинщики волнений призывают крестьян бить немецких помещиков и захватывать их земля. При проверке это не подтвердилось. - (ЦГА СССР, ф. 821, оп. 5, д. 190, л. 110-111, л. 133-134).

губерниях в 40-х годах XIX века, позволяли себе не только давать оценку действиям местных уездных и губернских властей, но и самого генерал-губернатора. Однако и при работе над этими источниками нужно постоянно учитывать политическую позицию автора, а также основную цель составления документа: жандармы, как правило, старались доказать беспомощность местных органов власти и преувеличивали свои собственные заслуги.

Для выявления реального положения вещей, искаженного в донесениях царских чиновников, неоценимое значение имеет другая категория источников, авторами которых были сами крестьяне: разнообразные жалобы и прошения, поступавшие через православное духовенство рижским епископам Иринарху /Попову/ /с 1836 по 1841 годы/ и Филарету /Гумилевскому/ /с 1841 по 1848 годы/^I и далее, — обер-прокурору Синода Протасову, а через него, нередко, и к Николаю I; прошения, которые крестьяне подавали на имя прибалтийских генерал-губернаторов М.И.Палена и Е.А.Головина, а через них в свою очередь, они поступали в МВД и III отделение. Они ярко рисуют обстановку в прибалтийской деревне в 40-х годах XIX века и проливают свет на настоящие причины происшедших событий.

В 1895-1896 годах православное духовенство Прибалтики по поручению императорского археологического общества подготовило историческое описание православных церквей и приходов Лифляндской и Курляндской губерний. Этот материал, хранящийся в рукописном архиве ЛОИА АН СССР, помогает в определении социального состава православных приходов Прибалтики, который практически не фиксировался в 40-х годах XIX века. Кроме того, доискиваясь причин перехода прибалтийских крестьян в православие, православное духовенство 90-х годов XIX века обращалось за помощью к старожилам приходов, то есть

^I Наиболее полно они представлены в фонде канцелярии рижского и елгавского православного епископа /ф.7462/ ЦГИА Латв.ССР

к непосредственным участникам волнений 40-х годов. И эти воспоминания участников и очевидцев рассматриваемых событий из крестьянской среды имеют, несомненно, огромную историческую ценность, так как по прошествию почти полувека крестьяне, уже не боясь наказаний со стороны местных помещиков, рассказывали о причинах, побудивших их переменить вероисповедание, видимо, вполне откровенно.

Работу исследователя над рассматриваемой темой осложняет то обстоятельство, что при обилии различного рода источников, которые могут быть использованы, источниковая база не содержит многих необходимых данных. Так, например, статистика перешедших в православие крестьян была полностью передана в руки православного духовенства, которое вело ее не всюду единообразно и последовательно. Кроме того, учет велся по православным приходам, а не по административно-территориальным единицам Прибалтики. Между тем, православные приходы в период своего образования в Прибалтике были очень растянуты, простирались по территории двух или даже трех уездов. Это в значительной мере осложняет исследовательскую работу, так как о распространении перешедших в православие крестьян по уездам и волостям Прибалтики можно судить только условно. В целом, следует отметить, что большинство источников вводится в научный оборот впервые.

Социально-экономическое развитие Прибалтики в первой половине XIX века, крестьянские волнения этого периода и политика маневрирования царизма привлекали внимание многих исследователей. В 60-х-70-х годах появился ряд фундаментальных работ советских историков по аграрной истории Прибалтики середины XIX века^I, которые

^I Svarāne M. Saimnieks un kalps Kurzemē un Vidzemē XIX gadsimta vidū. R., 1971. - 286. lpp.; Latvijas agrārā vēsture. - R., 1966. - 188. lpp.; Strods H. Lauksaimniecība Latvijā pārejas periodā no feodālisma uz kapitalismu /18. gs. 80. gadi-19. gs. 60. gadu sākums/. - R., 1972. - 433. lpp.; Козин М.И. Латвийская деревня в 50-е-70-е годы XIX века. - Рига, 1976. - 372 с. и др.

делают возможным детально разобраться в социально-экономической подоплеке крестьянского движения 40-х годов XIX века. Однако специальных исследований, посвященных непосредственно классовой борьбе прибалтийских крестьян в 40-х годах XIX века или же примыкающих к этому периоду десятилетиях у советских историков до настоящего времени сравнительно мало^I, монографические же труды по рассматриваемой теме отсутствуют.

Подавляющее количество работ о крестьянском движении 40-х годов XIX века написано до Великой Октябрьской социалистической революции. Определяющую роль в интерпретации волнений прибалтийского крестьянства в 1841 и 1845-1848 годах дворянской и буржуазной историографией играла классовая принадлежность автора, его идеологическая позиция. По вопросу о переходе латышских и эстонских крестьян в православие в 40-х годах XIX века в дореволюционной историографии четко прослеживается два направления - прибалтийско-немецкой историографии и историографии апологетов православия в Прибалтике. Прибалтийско-немецкая историография, в целом, склонялась к мысли о пропаганде православного духовенства, как основной

^I Какх Ю. Крестьянское движение и крестьянский вопрос в Эстонии в конце XVIII и в первой четверти XIX века.- Таллин, 1962.- 475 с.; Zutis J. Cīpa par agrārām reformām XIX gadsimta pirmā pusē.- R., 1945.- 44 lpp. ; Степране И.Я. Крестьянское движение в Лифляндии в 40-х годах XIX века. Автореф. канд. дисс.- Рига, 1966.- 27 с.; Козин М.И. Латвийская деревня в 50-е-70-е годы XIX века.- Рига, 1976.- 372 с.; Kozins M. Zemnieku kustība Latvijā XIX gs. 60. gados.- R., 1958.- 270 lpp.; Svarāne M. Saimnieks un kalps Kurzemē un Vidzemē ... - 286. lpp. u.c.

причине движения прибалтийских крестьян в 40-х годах XIX века. И в этом нет ничего удивительного : отрицание роли народных масс в истории, проповедь "социального мира" в Прибалтике, патриархальных отношений, которые якобы существовали между местными помещиками и крестьянами, всегда была основополагающей концепцией апологетов "прибалтийского" пути развития¹. Так, например, по мнению Ю.Эккардта непосредственно перед крестьянскими волнениями 40-х годов XIX века в Прибалтике царил мир и спокойствие². Вторая четверть XIX века, в трактовке таких авторов, как А.Тобин и А.Гернет, - период завершения планмерного и, в конечном итоге, удавшегося переустройства отношений местным дворянством при помощи аграрных реформ³. Истинные причины, заставившие дворянство пойти на пересмотр аграрных отношений в прибалтийской деревне и фактически господствующим в этот период социально-экономические отношения этих авторов не интересовали. Непосредственный очевидец событий 40-х годов XIX века генерал-суперинтендант лютеранской церкви Ф.Вальтер, отрицая наличие в Прибалтике социальных и национальных противоречий, утверждал, что в Лифляндии жили не латыши, эстонцы и немцы, а лифляндцы, просто говорящие на разных языках⁴. Этой же задаче проповеди "социального мира" служила концепция "культуркампф" -

¹ Зутис Я. Основные направления в историографии народов Восточной Прибалтики (XIX-XX вв). М., 1955.-С.13.

² Eckardt I. Die baltischen Provinzen Russlands. Leipzig, 1868, S.433.

³ Tobien A. Agrargesetzgebung Livlands im 19. Jahrhundert. Bd.I. Berlin, 1899, Bd.II, Riga, 1911; Gernet A. Geschichte und System des bäuerlichen Agrarrechts in Estlands. Bd.I.Reval, 1901.

⁴ См. - Bischof Dr.Ferdinand Walter, seine Landtagspredigten und sein Lebenslauf. Nach Briefen und Aufzeichnungen. I.Leipzig, 1891, S.359.

культурной миссии прибалтийской-немецких помещиков¹, в которой немалая роль отводилась лютеранской церкви². Отвечая этой концепции, прибалтийско-немецкая историография, говоря о крестьянском движении 40-х годов XIX века, сводила все к конфликту в "верхах", к столкновению российской государственности с немецкой культурой³. Такая позиция тоже была выгодна: она уводила в сторону от исследования социально-экономических проблем прибалтийской деревни 40-х годов XIX века, сводила на нет аграрный вопрос и игнорировала крестьянское движение. Объективный анализ причин крестьянских волнений 40-х годов XIX века неизбежно приводил к выводу о социально-экономической его сущности, то есть о несовершенстве аграрных отношений в Прибалтике. Именно поэтому прибалтийско-немецкая историография, как правило, такой анализ упустила, ограничиваясь просто заявлениями о пропаганде православного духовенства. Так, например, в откровенно апологетичной анонимной работе, изданной в Лейпциге в 1890 году, автор, не скрывая своей ненависти к латышским и эстонским крестьянам, утверждал, что переход прибалтийских крестьян в православие в 40-х годах XIX века - это результат "темной пропаганды православия": "В 1841 году, после ряда неурожаев, приведших крестьян в уныние, незаметно появились среди них неизвестные личности, волновавшие народ рассказами о благополучии православных и распускавшие слух, будто для всех, принимающих "веру

¹ Зутис Я. Очерки по историографии Латвии. Ч. I. // Прибалтийско-немецкая историография. Рига, 1949. - С. 159.

² Bucholtz A. / Deutsch-protestantische Kämpfe in den Baltischen Provinzen Russlands. Leipzig, 1888; Shirren C. Lävlandische Antworten Herrn Juri Samarin. Leipzig, 1869; Stael-Holstein R. Fürst Paul Iken als Landmarschall von Lävland. Riga, 1906, S. 8; Tobien A. Die livländische Ritterschaft in ihrem Verhältnis zum Zarismus und russischen Nationalismus, Bd. I, S. XII и др.

³ Rothfels H. Reich, Staat und Nation im deutschbaltischen Denken. - Schriften der Königsberger gelehrten Gesellschaft. Geisteswissenschaftliche Klasse. 7. Jahr, H. 4, 1930, S. 221, 236.

царя" имеются другие "теплые земли"... Не успели еще крестьяне оправиться от последних невзгод, как наступил столь тяжкий для них 1844 год. Неминуемый голод приводил их в отчаяние и подготовил почву для возобновления пропаганды с большою надеждою на успех"¹.

Виднейшее место в прибалтийско-немецкой историографии, посвященной вопросам экономического положения прибалтийского крестьянства, принадлежит двухтомной монографии начальника статистического комитета ливляндского рыцарства А.Тобина². Говоря о крестьянских волнениях в 40-х годах XIX века, Тобин называет их "печальными событиями", вызванными голодом и слухами³. Тобин считал, что переход прибалтийских крестьян в православие в 1845-1848 годах был организован поддержанной царизмом агитацией православного духовенства, которое использовало в свою пользу пассивность лютеранской церкви⁴: "Так же как и в 1841 году, но еще лучше подготовлено и более систематично бросалось православное духовенство на встревоженных нуждой крестьян, чтобы заставить их перейти в православие. Завлеченные обещаниями о разделе земли и подогреты призывами агитаторов о том, что царь требует принадлежности к государственной церкви, вначале отдельные крестьяне, а позднее тысячи были переkreщены в православие"⁵. Нужно отметить, что работа А.Тобина пользовалась неоспоримым авторитетом среди прибалтийско-немецких исто-

¹ Православие и лютеранство в России.- Лейпциг, 1890.- С.11.

² Тобин А. Ливляндское аграрное законодательство в 19 столетии.- Т.1.-Рига, 1900.-445 с.; Tobien A. Die Agrargesetzgebung Livlands im 19.Jahrhundert. Bd.II.R., 1911, 461 S.

³ Tobien A. Die Agrargesetzgebung Livlands im 19.Jahrhundert. Bd.II. R., 1911, S.48.

⁴ Там же,- С.41-47.

⁵ Там же.- С.67.

риков, поэтому его точку зрения об агитации православного духовенства, как основной причине крестьянского движения 40-х годов XIX века, в целом, разделяла вся последующая прибалтийско-немецкая историография¹. Таким образом, действуя в угоду апологетики существующих местных аграрных порядков, прибалтийско-немецкая историография, говоря о крестьянском движении 40-х годов XIX века, как правило, ограничивалась констатацией самого факта перехода нескольких тысяч латышских и эстонских крестьян в православие, не вдаваясь в детальное исследование социально-экономических причин и самого хода этого явления, так как подобное исследование могло привести к несовсем выгодным для остзейских помещиков выводам².

Продолжателями традиций прибалтийско-немецкой историографии являются работы "остфюршеров" наших дней. Субъективизм этих работ прослеживается прежде всего в их попытках изучения только истории прибалтийских немцев, без учета истории местных народов, живущих на территории Прибалтики³. Исходя из этого, движение латышских и эстонских крестьян в православие в XIX веке изображается в работах "остфюршеров" опять же как результат конфликта в "верхах", то есть

¹ Арбузов Л.А. Очерк истории Лифляндии, Эстляндии и Курляндии. Спб., 1912; Prutz H. Der Kampf um die Leibeigenschaft in Livland. Sitzungsberichte der königliche Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-philologische und historische Klasse, Jahrgang 1916, I. Abhandlungen. München, 1916 и др.

² Критический разбор прибалтийско-немецкой историографии дан в монографиях: Зутис Я. Основные направления в историографии народов Восточной Прибалтики (XIX-XX вв.). - М., 1955, - С. 7-13; Зутис Я. Очерки по историографии Латвии. Ч. I. // Прибалтийско-немецкая историография. - Рига, 1949. - 257 с.

³ Рукопись статьи Х.П. Строда "Прибалтийская эмигрантская историография и остфюршунг в 1970-80 гг. (общее, отличительное, их сотрудничество)", С. 4, любезно предоставленная автором.

попытки центральной власти насильственно русифицировать прибалтийские губернии, как начало борьбы между "Востоком" и "Западом"¹. При этом "остфоршеры" утверждают, что в середине XIX века в Прибалтике происходила постепенная естественная ассимиляция местных народов с немецкой культурой, в ходе которой одна из основных ролей принадлежала лютеранской церкви². В лучшем случае, отдельные авторы сводят причины перехода латышских и эстонских крестьян в православие к недостаточно внимательному отношению лютеранских пасторов 40-х годов XIX века к своим обязанностям. Так, например, Х. Гарве, хотя и отмечает, что в 40-х годах XIX века в Прибалтике происходит "кризис социальных отношений", тем не менее считает, что основная причина перехода крестьян в православие - во внутрицерковных разногласиях лютеранской церкви³. Работам "остфоршеров" характерна крайняя апологетика прибалтийско-немецких привилегий, отстаивание германской экспансии в Прибалтике⁴.

¹ Wittram R. Rückkehr ins Reich. Vorträge und Aufsätze aus den Jahren 1393-1940. Posen, 1942, S.38, 150.

² Rothfels H. Reich, Staat und Nation..., S.230-235; Foelkersahm H. Baltischer Adel und lettische und estnische Landbevölkerung in ihren gegenseitigen Beziehungen.- "Baltische Hefte", Bd.II, 1965, S.33; Stökl G. Osteuropa und die Deutschen. Geschichte und Gegenwart einer spannungsreichen Nachbarschaft. Oldenburg und Hamburg, 1967, S.148; Rauch G. Der deutsche Orden und die Einheit des baltischen Landes. Hamburg, 1961, S.16; Krogger G. Die evangelische lutherische Landkirche und das Griechisch-orthodoxe Stadtkirch^{en}thum 1840-1918. Baltische Kirchengeschichte R.Wittram, Göttingen, 1956, S.177-205 и др.

³ Garve H. Konfession und nationalität. Ein Betrag zum Verhältnis von Kirche und Gesellschaft in Livland im 19. Jahrhundert. I.G.Herder - Institut. Marburg-Lahn, 1978, S.42-43.

⁴ Всесторонний анализ современной прибалтийско-немецкой историографии дан в монографии: Духанов М.М. Остзейцы. Явь и вымысел.- Рига, 1970.- 379 с.

Работы апологетов православия, касающиеся вопросов крестьянского движения 40-х годов XIX века в Прибалтике, условно можно разделить на две группы: публикации воспоминаний, статьи и высказывания представителей местного православного духовенства¹ и исторические исследования авторов, выступавших за распространение православия в Прибалтике². Во главе второй группы, несомненно, стоял известный славянофил Ю.Ф.Самарин, который с мая 1846 года по 1848 год работал в составе ревизионной комиссии Я.В.Ханыкова по изучению городского устройства и хозяйства Риги и со второй половины 60-х годов XIX века до 1876 года опубликовал целый ряд научных исследований и публицистических работ, посвященных прибалтийскому вопросу. Славянофилы, отстаивая свою концепцию о самобытности царской России, относились крайне враждебно ко всем проявлениям сепаратизма в стране, поэтому, яростно нападая на привилегии прибалтийско-немецких сословий, попытались выступить в роли защитни-

¹ Лейсман Н. Судьба православия в Лифляндии с 40-х до 60-х годов XIX столетия. - Рига, 1908. - 124 с.; Страумит И. Записки православного латыша // Самарин Ю. Окраины России. - Прага, 1868. - Вып. II. - С. I-122; Записки священника Полякова об эйкенангерском приходе // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. - Рига, 1880. - Т. III. - С. 516-564; Преображенский В. И. Открытие Римского викариатства. Пресвященный Иринарх, первый викарий Римский // Историко-статистическое описание церквей и приходов Римской епархии. - Рига, 1894. - Вып. II. - 218 с. и др.

² Самарин Ю. Ф. Православные латыши. Период первый. Соч. - Т. 8. - М., 1890. - С. 419-622; Самарин Ю. Ф. Православные латыши. Период второй 1845-1848 гг. Соч. - Т. 10. - М., 1890. - С. 409-480; Высоцкий И. И. Очерки по истории объединения Прибалтики с Россией (1710-1910 гг.). - Рига, 1894. - Вып. III, ч. II. - 43 с.; Движение латышей и эстов в Ливонии с 1841 года // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. - М., 1865. - Кн. III. - С. 109-143; Пшеничников П. Г. Русские в Прибалтийском крае / Исторический очерк. - Рига, 1910. - 27 с.; Шаховский С. В. Из архива князя Шаховского. Материалы для истории недавнего прошлого Прибалтийской окраины (1865-1894). - Т. III. - Спб., 1910. - 334 с. и др.

ков прибалтийских крестьян. Самарин неоднократно подчеркивал, что является "членом православной церкви"¹, указывая тем самым на невозможность объективного подхода к анализу вопросов, непосредственно затрагивающих конфессиональные интересы. Ю.Ф.Самарин не скрывал своей убежденности в том, что "... самодержавная власть никогда не была так сильна нравственно, как теперь, никакая другая власть не могла бы внушить такого к себе доверия, ни располагать так легко, таким добровольным, единодушным и беспритязательным содействием народных сил"². Эту позицию "члена православной церкви" и страстного защитника интересов царского самодержавия в Прибалтике - Самарин отстаивает во всех своих исследованиях, посвященных истории Прибалтики. Самарин старался доказать, что переход в православие в 40-х годах XIX века был вызван "религиозной неудовлетворенностью" прибалтийских крестьян в лютеранстве³, однако, подчеркивая, что религиозная неудовлетворенность была порождена тяжелым экономическим и социально-политическим положением крестьянства, попытался проанализировать аграрные отношения в Прибалтике в 30-40-х годах XIX века. Авторы, выступавшие за распространение православия в Прибалтике, в большинстве своем не пошли дальше сделанных Самаринным выводов, повторяя, часто дословно, его определения и изложе-

¹ Самарин Ю. Окраины России. - Берлин, 1871.-Вып.III.- С.XXIV.

² Там же. - Вып.I. - С.II.

³ Самарин Ю.Ф. Православные латыши. Период первый // Сочинения. - Т.8.- С.486.

ние хода событий¹. Определенная заслуга Ю.Ф.Самарина, как и всех, в целом, авторов, выступавших за распространение православия в Прибалтике, в том, что отрицая классовый, антифеодальный характер волнений прибалтийского крестьянства в 40-х годах XIX века, они тем не менее были вынуждены признать социально-экономические и социально-политические причины движения, что в данном конкретном случае служило интересам православного духовенства, так как снимало с него обвинение в организации этих крестьянских волнений².

Социально-экономическому положению прибалтийского крестьянства и ходу крестьянского движения 1841 года посвящена монография одного из создателей латышской буржуазной историографии Я.Кродзникса "Крестьянские волнения 1841 года", а также исследование эстонского историка Х.Крууса³. Несмотря на отсутствие ссылок на источники, Кродзниксу удалось, видимо, собрать значительный материал. Я.Кродзникс обстоятельно описал ход волнений 1841 года, их спад и расправу местных властей над крестьянами в конце 1841 года, однако в

¹ Ср., например: Через несколько времени они стали подавать ему письменные прошения, в которых жалобы на помещиков и колатайства с перечислением все-таки составляли главный предмет, но выражалось также и желание присоединиться к церкви — как предмет придаточный (см.: Самарин Ю. Окраины... — Вып. III. — С. 87). Являясь за милостыней, они вскоре начали подавать и письменные заявления о дозволении выселиться из Лифляндии (это был главный предмет) и затем изъявляли желание присоединиться к православию (см. Ченихин Е. В. От издателя // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. — Рига, 1880. — Т. III. — с. 501).

² Подробнее об этой группе авторов см. Гаврилин А. В. Некоторые вопросы крестьянского движения за переход в православие в 1841 году в Прибалтике в интерпретации апологетов православия. // Вопросы аграрной истории Латвии. Сборник научных трудов. — Рига, 1984. — С. 124—144.

³ Круус Н. Talurahva käärimine lõuna-estis XIX sajandi 40. aastail. Tartu, 1930.

в характеристике причин волнений не пошел дальше Ю.Ф.Самарина, считая, что движение 1841 года "было каким-то элементарным безумным увлечением", причины которого нужно искать "не только в бытовой неустроенности, но и в темноте народа"¹. Во многом монография Я.Кродзникса носит чисто описательский характер и характеристика этого события в истории Прибалтики автору удалась не до конца последовательно. Другой представитель латышской буржуазной историографии А.Швабе основной причиной крестьянского движения 40-х годов XIX века считал голод и неурожай², тем самым приуменьшая социально-экономический характер крестьянских волнений. Более того, А.Швабе утверждал, что толчком к переходу латышских крестьян в православие явились неправильные действия лютеранского духовенства, которое, атакуя гернгутерские общины, тем самым невольно вызвало конфессиональное движение³. В поверхностном отношении лютеранского духовенства к своим обязанностям и в агитации православного духовенства, не отрицая, впрочем, тяжести социально-экономического положения латышского крестьянства в 30-40х- годах XIX века, видел причины перехода крестьян в православие буржуазный историк церкви Л.Адамович⁴. В целом, буржуазные историки попытались искать причины перехода прибалтийских крестьян в православие в 40-х годах XIX века в социально-экономическом и политическом положении крестьянства, однако дальше констатации чисто стимулирующих рост движения факторов - голода, неурожая, не пошли, как не смогли дать анализ

¹ Krodznieks J. Zemnieku nemieri 1841.gadā. Rīgā, 1922.- 122.lpp.

² Švābe A. Zemes attiecību un zemes reformu vēsture Latvijā. Rīgā, 1930, 161.lpp.;

³ Švābe A. Latvijas vēsture 1800.-1914. Stokholmā, 1958.- 206.lpp.
Там же.- 206 с.

⁴ Adamovičs L. Latviešu ieangāšana kristietībā. Rīgā, 1935, 135.-153.lpp.;
Adamovičs L. Kristīgās baznīcas vēsture. R., 1937.-375.-376.lpp.;
Adamovičs L. Latvieši un evangēliskā baznīca. - Latvieši, I.R., 1936.- 204.-411.lpp.

классовым противоречиям в Прибалтике в 40-х годах XIX века и охарактеризовать политику царского правительства в рассматриваемый период.

Первым, кто заложил основы марксистского подхода к вопросу о переходе латышских и эстонских крестьян в православие в 40-х годах XIX века был Фр.Розиньш. В своей работе "Латышский крестьянин" он указывал, что "любое широкое общественное движение должно выразиться в какой-либо идеологической форме", а так как единственной доступной прибалтийскому крестьянству 40-х годов XIX века идеологией была религия, поэтому крестьянские волнения и вылились в религиозной форме¹. Фр.Розиньш подчеркнул, что "смена религии была только идеологической скорлупой, под которой скрывались реальные требования"², тем самым уже вплотную поставив вопрос о необходимости выделения социально-экономической сущности движения от его субъективной формы. Мысли Фр.Розиньша об исследовании проблемы перехода прибалтийских крестьян в православие в 40-х годах XIX века как чисто внешней формы проявления социально-экономического по своему содержанию движения разделил другой латышский историк-марксист-К.Ландерс³. К.Ландерс указывал, что такие факторы, как агитация православного духовенства, голод, неурожай или слухи о возможности получить через переход в православие землю могли только способствовать росту движения, а не вызвать его⁴. По мнению Ландерса, ни о каких религиозных мотивах, которыми якобы преследовались крестьяне в 40-х годах XIX века, не может быть и речи⁵. Причины движения нужно искать в социально-экономическом положении крестьян-

¹ Фр.Розиньш. *Latviešu zemnieks. Rakstu izlase. II sēj. Rīgā, 1964.- 324.lpp.*

² Там же.

³ Lenders K. *Latvijas vēsture. III daļa. Pēterburgā, 1909.-264.lpp.*

⁴ Lenders K. *Latvijas vēsture. III daļa. Pēterburgā. 1909. 138-139.lpp.*

⁵ Там же.- 141.

ства, улучшения которого ("земли и воли")¹ крестьяне и добивались с помощью смены вероисповедания. К сожалению, как у Фр. Розиньша, так и у К. Ландерса отсутствовал конкретный архивный материал по крестьянским волнениям 40-х годов XIX века в Прибалтике.

Объективную оценку движению латышских и эстонских крестьян за переход в православие в 40-х годах XIX века с точки зрения марксистско-ленинского понимания исторического развития дали Я. Зутис и А. Вассар. В академических трудах "История Латвийской ССР"² и "История Эстонской ССР"³ они указали на место этого движения в истории Латвии и Эстонии, дали обстоятельное определение классовой сущности крестьянских волнений 40-х годов XIX века в Прибалтике, доказали необходимость изучения упомянутой проблемы, наметили основные направления, задачи и цели такого исследования.

Сделав значительный вклад в исследование проблемы крестьянского движения в 40-х годах XIX века в Прибалтике в трудах Х. Крууса и А. Вассара, эстонская советская историография в лице академика Ю. Кажка продолжила разработку темы классовой борьбы прибалтийского крестьянства. Несмотря на то, что хронологические рамки фундаментальной работы академика Ю. Кажка "Крестьянское движение и крестьянский вопрос в Эстонии в конце XVIII и в первой четверти XIX века"⁴ ограничивались концом XVIII - первой четвертью XIX в., методологические принципы, предложенные Кажком для исследования крестьянского движения в Эстонии в первой четверти XIX века могут быть использованы и при анализе проблемы перехода прибалтийских крестьян в православие в 40-х годах XIX века. Однако в советской историо-

¹ Landers K. Latvijas vēsture. III daļa. Peterburgā. 1909. - 149. lpp.

² История Латвийской ССР. - Т. I. / Под ред. Я. Я. Зутиса. - Рига, 1952.

³ История Эстонской ССР. - Т. I. / Под ред. А. Вассара. - Таллин, 1961.

⁴ Кажк Ю. Крестьянское движение и крестьянский вопрос в Эстонии в конце XVIII и в первой четверти XIX века. - Таллин, 1962.

проблема перехода латышских и эстонских крестьян в православие в 40-х годах XIX века до настоящего времени рассмотрена лишь в самых общих чертах или же частично. Так, например, М.Сваране¹ и М.Козин² дали общую оценку социальной борьбе прибалтийского крестьянства в 40-х годах XIX века, но не ставя перед собой цели детального изучения проблемы перехода латышских и эстонских крестьян в православие, в основном ограничились выводами, сделанными академиком Я.Зутисом и А.Вассаром. В рамках крестьянского движения в Лифляндии в 40-х годах XIX века коснулась также вопросов, связанных с переходом латышских и эстонских крестьян в православие, И.Я.Степране³. Автор правильно подчеркивала, что причина попыток прибалтийских крестьян в 1841 году перейти в православие - полуфеодалные аграрные отношения⁴, однако утверждения автора, что латышский крестьянин "с древнейших времен больше верил православным священникам и часто обращался к ним с жалобами на невыносимо тяжелое положение"⁵ кажутся не до конца убедительными и не находят подтверждения в архивных источниках. И.Я.Степране только констатировала факт, что с июля 1841 года крестьянское движение принимает новую форму-перехода в православие⁶, однако не сделала попытки разобраться в причинах столь резкой смены окраски движения. В силу ограниченного количества источников, имевшихся в распоряжении автора о крестьянском движении 1845-1848 гг., массовый переход латышских и эстонских крестьян в православие был рассмотрен, в основном, на базе

¹ Svarāne M. Zemnieks un kalps... - 179.-186.lpp.

² Козин М.И. Латышская деревня... - С.32-36.

³ Степране И.Я. Крестьянское движение в Лифляндии в 40-х годах... -
С.15-22.
Steprane I. Vidzemes zemnieku kustiba 1841.gada.-Daugavpils Ped.institutā raksti. Daugavpils, 1959, IV sēj., 29.-53.lpp.

⁴ Степране И.Я. Крестьянское движение-С.17
Steprane I. Vidzemes zemnieku ... Daugavpils Valsts Ped.institutā raksti, Daugavpils, 1959, IV sēj., 43.lpp.

⁶ Степране И.Я. Крестьянское движение-С.16.

уже опубликованных ранее материалов, однако заслугой И.Степране является введение в исторический оборот материалов из фонда 7462 ЦИА Латв.ССР. В целом, следует отметить, что И.Степране первая из советских историков обратилась к изучению социальной борьбы прибалтийского крестьянства в 40-х годах XIX века и, хотя исследование массового перехода латышских и эстонских крестьян в православие не было целью автора, тем не менее сделала попытку дать краткий обзор и характеристику этого явления. В рамках статьи вопросы, связанные с переходом латышских и эстонских крестьян в православие в 1845-1848 годах рассмотрел Х.П.Стродо¹. Автор правильно раскрыл классовый характер крестьянского движения за переход в православие в 1845-1848 годах, выявил его социально-экономические корни, однако рамки статьи не позволили ему более детально разобраться в ходе самого движения, заставили ограничиться только постановкой отдельных вопросов этой проблемы.

Таким образом, несмотря на относительно богатые историографические традиции рассматриваемой в диссертационной работе темы, переход прибалтийских крестьян в православие в 40-х годах XIX века остается одним из малоизученных явлений в истории Латвии и Эстонии. В силу этого актуальность темы приобретает особую значимость в связи с культивируемой на Западе культуртрегерской теорией, в связи с попытками современных апологетов прибалтийско-немецких привилегированных сословий разработки такой трактовки истории Прибалтики, которая должна показать, что противоречия между прибалтийско-немецкими феодалами и латышскими и эстонскими крестьянами никогда не носили острый характер². Раскрытие истинного содер-

¹ Strods H. Baltijas zemnieki un parāzticība(1841-1846.gg)/Latvijas agrārās vēstures jautājumi.Zinātnisko rakstu krājums.-Rīgā.-1984.-79.-125.lpp.

² Как и Ю. Крестьянское движение..... - С.21.

жания перехода латышских и эстонских крестьян в православие в 40-х годах XIX века будет способствовать разоблачению этих концепций. Выбор темы обусловлен также общей относительно слабой изученностью в советской исторической науке проблемы крестьянских движений под религиозной оболочкой^I.

^I Рындзюнский П.Т. Идейная сторона ... // Вопросы истории.- 1983.- №5.-С.13.

Г Л А В А I

КЛАССОВАЯ БОРЬБА ЛАТВИЙСКОГО И ЭСТОНСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА
В 1841 ГОДУ И ПОПЫТКИ ПЕРЕХОДА В ПРАВОСЛАВИЕI.I. Социально-экономическое положение прибалтийских
крестьян в 30-40-х годах XIX века

"Положение о курляндских крестьянах 1817 г." и "Положение о ливонских крестьянах 1819 г." предоставили курляндским и ливонскими крестьянам личную свободу, но одновременно лишили их земли, которой они владели¹, передав ее в полную собственность помещиков. По выражению ливонского помещика Бракеля: "... крестьянин через личную свободу не только ничего не выиграл, но в строгом смысле сделал шаг назад от положения 1804 года, ибо хотя положение о крестьянах от 1819 года с личной свободой предоставило туземцам право приобретать пахотную землю, однако же помещики не хотели на сие согласиться"². Аренда помещичьей земли крестьянами фиксировалась так называемыми "свободными договорами", по которым крестьяне были обязаны по-прежнему отбывать барщину, причем преимущественное право в заключении и расторжении арендного договора, в условиях по его заключению, оставалось за помещиком³. А так как свобода передвижения крестьян была сильно ограничена и зависела от разрешения волостного правления, которое находилось под строгим контролем

¹ Полное собрание законов Российской империи/ Собрание I.-Спб.- Т.34.- №27024. Положение о ливонских крестьянах 1819 г., ч.I, гл.I.

² Письмо Бракеля Бранкенгагену от 7 ноября 1841 г.-ЦГАОР СССР, ф.109, III отд., 1841 г., I экзп., д.260, лл.6-6 об.

³ Рихтер А. История крестьянского сословия в присоединенных к России Прибалтийских губерниях.- Р.,1860.-С.121; Тобин А. Ливонское аграрное законодательство в 19-ом столетии.- Т.I.- Р.,1900.-С.440.

того же помещика, у крестьян не было выбора - подписывать или не подписывать арендный договор на поставленных помещиком условиях. Отказ крестьянина от подписания договора или же попытка улучшить его условия практически лишали крестьянина земли вообще, обрекали его на последний выход - идти наниматься в батраки к другому хозяину-крестьянину. Договоры заключались на сравнительно короткие сроки¹, что давало помещикам возможность регулярно пересматривать их условия и бесприщиптвенно повышать барщину². Однако в 20-30-х годах XIX в. доходность арендуемых крестьянами участков с ростом барщинных повинностей настолько упала, что даже попытки аренды только на один год заканчивались нередко неудачей, крайним обнищанием крестьянского двора³. Уже к 30-40-м годам XIX в. недостатки "свободных договоров" стали так очевидны, что их вынуждены были официально признавать даже представители царской администрации в Прибалтике. Генерал губернатор Прибалтийского края с 1830 по 1845 гг. М.И. Пален писал в 1841 г. Николаю I, что "... назначенные в законе контрактные соотношения, где помещику предоставляется делать по своему усмотрению условие на отдачу в откупное содержание земли... могли иметь невыгодное влияние на благосостояние крестьян, если откупные условия определены были без принятия в уважение пользы крестьян"⁴.

Все большее включение поместий во внутренний и внешний рынок, агротехнические новшества, которые начали интенсивно вводиться в помещичьих хозяйствах остзейских губерний в 30-40-х годах XIX века-

¹ Риктер А. История крестьянского сословия. - С.146.

² Strods H. Lauksaimniecība Latvijā pārejas periodā no feodālisma uz kapitālismu (18.gs.80.gadi-19.gs.60.gadu sākums). R., 1972. - 428.l.

³ Svarāne M. Saimnieks un kalps Kurzemē un Vidzemē 19.gs.vidū. R., 1971. 85.lpp.

⁴ Рапорт Палена Николаю I от 11 сент. 1841 г. - ЦИА Латв.ССР, ф.1, оп.12, д.254, л.9об.

многопольная система земледелия, увеличение посевов картофеля и клевера¹, требовавшие все больших затрат крестьянского труда, погоня помещиков за прибылью увеличило эксплуатацию крестьян до предела, что в свою очередь значительно обостряло противоречия между отжившими феодально-крепостническими отношениями, и, в первую очередь, барщинной системой и зарождающимися капиталистическими производственными отношениями. Чем острее становился кризис феодально-крепостнического строя, тем больше остзейские помещики старались увеличивать свою собственную запашку за счет ограничения крестьянских хозяйств, а на остальных крестьянских участках усилить барщинные повинности². С 1819 г. по 1846 г. только в Лифляндской губернии к помещичьей земле было присоединено около 1000 арендуемых крестьянами земельных участков³. Главным образом, крестьян сгоняли с арендуемых участков тогда, когда они уже не могли выполнять барщинные повинности, однако присоединение крестьянских хозяйств было для помещиков и надежным способом классовой борьбы против непокорных крестьян⁴. В свою очередь, в связи с широким применением агротехнических новшеств постоянно росли потребности помещичьего хозяйства в рабочих руках, которые частично решались сгоном крестьян с их участков. Несмотря на то, что в Курляндской и Лифляндской губерниях в силу снижения доходности крестьянских хозяйств, арендных участков в 20-30-х годах было больше, чем желаемых⁵, количество безземельных росло. Это объясняется тем, что на место разорившихся дворокозьев могли прийти только те, кто располагал достаточным инвентарем

¹ Козин М.И. Латвийская деревня в 50-70-е годы XIX века. - Р., 1976. - С.23-25.

² Козин М.И. Латвийская деревня ... - С.29.

³ Dreimanis P. Vidzemes zemnieku ciņas par savām tiesībām. XIX gs. - R., 1928. - 26.lpp.

⁴ Svarāne M. Saimnieks un kalps... - R., 1971. - 71.-72.lpp.

⁵ Там же. - С.88.

и рабочим скотом для обработки земли, а таких было сравнительно немного. Однако, если даже находились такие желающие на аренду разорившегося крестьянского хозяйства, то с увеличением барщинных повинностей и эти крестьяне, не в силах заплатить арендную плату и выполнять барщину, теряли свой инвентарь и уходили с арендных участков с долгами¹.

Барщину повышать можно было только до определенного предела, за которым начиналось полное разорение крестьянского хозяйства. Пален М.И. признавался: "... некоторые мизные управители в последствие улучшения сельского хозяйства и введения новой хозяйственной методы определяют требуемую от крестьян за откуп барщину так высоко или таким образом, что последним не остается достаточно времени на собственное хозяйство². Из-за некачественной и несвоевременной обработки почвы резко падала урожайность на крестьянских полях и соответственно росли долги крестьян³. Уже в начале 40-х годов большинство ливонских крестьян не видело никакого выхода из экономического упадка, в который попали их хозяйства⁴. Таким образом, система "свободных договоров", казалось бы, полностью устраивала помещиков, позволяя удовлетворять потребности помещичьих хозяйств за счет арендуемых крестьянами участков⁵. Однако, с другой стороны, "интенсификация" барщины приводила к обнищанию крес-

¹ Svarāne M. Saimnieks un kalps ... -R.,1971.-168.lpp.

² Рапорт Палена Николаю I от 11 сент.1841 г. - ЦГА Латв.ССР, ф.1, оп.12, д.254, л.9 об.

³ Svarāne M. Saimnieks un kalps...- 89.lpp.

⁴ Svarāne M. Kurzemes un Vidzemes zemnieku saimniecības XIX gs. 40.-50.gados (pēc pagastu arhīvu materiāliem).//Latvijas agrārā vēsture (XVI-XIX gs.).-Rīgā, 1966.-118.lpp.

⁵ Тобин А. Ливонское аграрное законодательство в 19-ом столетии.- Т.1.-Р.,1900.-С.440-441.

тьянских хозяйств, что не давало возможности повышать и доходность имений. В 30-х годах XIX века в Прибалтике начинается кризис феодално-барщинного хозяйства, который в отдельных местах Лифляндии заканчивается в 50-х годах¹, хотя, в целом, весь процесс ликвидации барщины в Лифляндской губернии длился вплоть до середины 60-х годов XIX века².

Тяжесть положения прибалтийских крестьян еще больше усугублялась тем, что несмотря на дарованную им в 1817 и 1819 годах пресловутую свободу, они оставались по-прежнему полностью бесправными перед лицом помещика. После "освобождения" крестьяне стали членами волостных обществ, которые находились под строгим контролем помещиков³. Все постановления сельских сходок подавались на утверждение помещику, в полном подчинении которого находились также и волостная полиция⁴. Кроме того, помещик имел право домашней расправы⁵, вплоть до телесного наказания⁶. Следовательно, за помещиком и после предоставления крестьянам личной свободы была сохранена

¹ Strods H. Lauksaimniecība Latvijā...R., 1972.-428.lpp.

² Svarāne M. Saimnieks un kalps... R., 1971.-186.lpp.

³ Zutis J. Cīņa par agrārām reformām XIX gs.pirmā pusē.-R., 1945.-31.lpp.

⁴ Очерки экономической истории Латвии 1860-1900/ Под ред.Козина М.И.- Рига, 1972.- С.16.

⁵ Виграб Г.И. Прибалтийские немцы. Их отношение к русской государственности и к коренному населению края в прошлом и настоящем. - Крьев, 1916.- С.56.

⁶ Отношение Перовского Блудову от 16 июля 1848 г. -ЦГА ССР, ф.1261, оп.1, д.115.- Лл.1-4.

полицейская и судебная власть над крестьянами. Как писал в 1841 году лифляндский помещик Бракель : "... если присовокупить к сему, что барщина и подушной ~~сбор~~ суть повинности более всего оскорбляющие чувство чести и что пробуждающаяся в крестьянах гордость ощутила сие более крепкого, то легко можно будет понять, как постепенно обнаружившиеся неудовольствия породили опаснейший повод к народному волнению"¹.

Таким образом, отмена крепостного права не только не смягчила социальных противоречий между помещиками и крестьянами, но, наоборот, еще больше обострила их. И если активных антифеодальных выступлений прибалтийского крестьянства в 30-х годах XIX века было сравнительно мало², то пассивный протест крестьян против усиления помещичьей эксплуатации, по мере увеличения барщинных повинностей, только нарастал. Крестьяне не выходили на барщину, жаловались администрации на увеличение барщинных повинностей, требовали полной ликвидации барщины и введения денежной аренды³. По словам президента лифляндской евангелическо-лютеранской консистории Фр. Самсона, после отмены крепостного права прибалтийские крестьяне жили в постоянном ожидании перемен, отвыкая от привычных условий и надеясь на что-то новое. В 1841 г. их ожиданию пришел конец, и было высказано желание земли, "любой ценой!"⁴. Положение прибалтийских крестьян, обезземеленных в 1816-1819 гг., особенно ухудшилось в конце 30-х - первой половине 40-х годов XIX века в связи с целым рядом неурожайных лет и стало поистине критическим. Неурожаи становятся хроническими, причем вслед за неурожаями обычно сле-

¹ Бракель Бланкенгагену от 7 ноября 1841 г. - ЦГАОР СССР, ф.109, III отделение, 1841, I экзп., д.260-л.7 об.

² Козин М.И. Латышская деревня... Рига, 1976.- С.32.

³ Svarāne M. Saimnieks un kalps... - R., 1971.-168.lpp.

⁴ Памятная записка Самсона Сенявину от 12 ноября 1845 г. - ЦГА Латв.ССР, ф.233, оп.2, д.14, л.1.

довала малоурожайность¹.

Однако следует отметить, что неурожайные годы являлись не столько следствием неблагоприятных климатических условий, сколько следствием плохой обработки почвы в условиях барщинного хозяйствования, следствием самого кризиса феодально-барщинной системы, когда часть крестьянских хозяйств даже в урожайные годы не была способна прожиточный минимум обрабатывающим их крестьянам². В конце 30-х - начале 40-х годов XIX века, с нарастанием процесса кризиса феодально-крепостнической системы, неурожай и голод свирепствовали во многих губерниях России³. Особенно губительным был неурожай 1848 года, охвативший десятки губерний, сказавшись в Центрально-Черноземном районе, в Поволжье, в центре России, на Украине, на Урале⁴. В Лифляндской губернии болезненным был неурожай 1840 года⁵, в результате которого уже весной 1841 года в ряде мест Лифляндской губернии начался голод⁶.

Всеподданнейшие отчеты тогдашнего лифляндского гражданского губернатора в 1829-1847 гг. Е.Ф.Бельерзама (1766-1848) полны признаниями, что местная губернская власть бессильна обеспечить голодающие народные массы хлебом : в 1841 году из-за плохого урожая 1840 года и в следствие неблагоприятной погоды, продолжавшейся весну и лето 1841 года, в Лифляндии "... продовольствие сельских обн-

¹ Strods N. Lauksaimniecība Latvijā... R., 1972.-109.lpp.

² Svarāne M. Saimnieks un kalps... R., 1971.-89.lpp.

³ Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д.Киселева.- М., 1958.- Т.II.-С.224.

⁴ Линков Я.И. Очерки истории крестьянского движения в России в 1825-1861 гг.-М., 1952.-С.72.

⁵ Дружинин Н.М. Государственные крестьяне... - С.500.

⁶ Движение латышей и эстов в Ливонии с 1841 года.// Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1865. Кн.3.М., 1865, С.II9.

вателей... во многих местах оказывалось необеспеченным"¹, что равносильно было голоду, в 1842 г. - неурожаю картофеля². В 1843 и 1844 годах - неурожай, зимой 1845 года - голод³; низким был урожай и 1846 года⁴. В 1847 году урожай хлеба был лучше прошлогоднего, но тоже невысокий, к тому же вспыхнувшая болезнь картофеля уничтожила почти весь урожай картофеля, который к тому времени стал уже одним из основных продуктов питания крестьян⁵. Положение еще больше усугублялось тем, что, по словам Е.Ф.Фелькерзама, несмотря на свирепствующий голод, "... помещики, не имея прямой обязанности на всякий случай собственными запасами устранять недостаток живущих на их землях ... поселян, распоряжаются своими запасами хлеба по собственному произволу, достигая все возможные доходы со своих поместий⁶. Поэтому, несмотря на неурожайные годы, помещики большую часть собранного с их земель хлеба продавали за границу⁷ или же употребляли на винокурение⁸.

^{НО}
Показатель отметить, что уже в 40-х годах даже представители

¹ Всеподданнейший отчет об управлении Лифляндской губернией за 1841 г. лифляндского губернатора Фелькерзама. - ЦИА СССР, ф.1263, оп.1, д.1485, л.343.

² Постановление лифляндской губернской комиссии народного продовольствия от 1 декабря 1842 г. - ЦИА Латв.ССР, ф.3, оп.1, д.2153, л.22.

³ Всеподданнейший рапорт бывшего лифляндского гражданского губернатора Фелькерзама от 25 февраля 1847 г. с отчетом о состоянии Лифляндской губернии за 1846 г. - ЦИА СССР, ф.1263, оп.1, д.1856, л.119 об.

⁴ Там же, л.120.

⁵ Отчет лифляндского гражданского губернатора о состоянии Лифляндской губернии за 1847 г. - ЦИА СССР, ф.1281, оп.4, д.36, л.38 об.

⁶ Там же. - ф.1263, оп.1, д.1485, л.343 об.

⁷ Там же. - ф.1281, оп.4, д.36, л.61 об.

⁸ Отчет лифляндского гражданского губернатора за 1844 г. - ЦИА Латв.ССР, ф.3, оп.10, д.2, л.24 об.

царской администрации в Прибалтике начинали понимать, что основными причинами бедственного положения местных крестьян являются не последствия неблагоприятных климатических условий, а сама система феодально-барщинного хозяйства. По словам генерал-губернатора М.И.Палена, неурожаи делали только более заметными недостатки самого экономического уклада сельского хозяйства прибалтийских губерний, "... вред, происходящий от законно существующей системы добровольного заключения откупных контрактов, был в прежние изобильные латвой годы менее заметен, однако же, как оказывается теперь, сделался здесь по бывшим в Лифляндской губернии несколько лет неурожаем, действительно опустошительным"¹. Эту же мысль, вспоминая события 1841 года, повторил в 1848 году Е.А.Головин (1782-1858), сменивший в 1845 году Палена на посту генерал-губернатора Прибалтийского края, "... с течением времени несправедливость и невыгодность законоположений 1816 и 1819 годов не могла не обнаружиться практически: крестьяне, умственно развитые сознанием гражданских прав своих, вскоре оценили необеспеченность своего хозяйственного быта, безусловно зависящего от произвола помещиков. Из сего проистекли ропот и местные волнения с 1840 года в Лифляндии"².

Неурожаи, постигший Лифляндскую губернию в 1840 году, поставили крестьян практически в безвыходное положение еще и потому, что последовал сразу же после неурожаев 1838-1839 годов, поэтому волостные магазины были опустошены еще ранее³. В результате феодальных методов наделения крестьян землей, предельно высокой интенсив-

¹ Рапорт Палена Николаю I от 11 сент. 1841 г. - ЦИА Латв. ССР, ф. I, оп. 12, д. 254, л. 10.

² Всеподданейший отчет по управлению Балтийским краем с мая 1845 г. по февраль 1848 г. - ЦИА СССР, ф. 908, оп. I, д. 60, л. 191 об.

³ Švābe A. Zemes attiecību un zemes reformu vēsture Latvijā. - R., 1930. - 160. lpp.

ности эксплуатации, сословной неравноправности классовые противоречия в начале 40-х годов XIX века в Прибалтике достигли такой степени напряжения, что достаточно было любого, пусть даже самого мелкого повода, чтобы ненависть к феодально-барщинной системе хозяйствования вырвалась наружу и привела к той или иной форме стихийного протеста. Как писали крестьяне Венденского (Цесисского) уезда в июле 1841 года в одном из прошений римскому православному епископу Иринарху (Попову, 1790-1877 гг.), они просят, чтобы "...управление нами помещиков было ограничено законом, а не как ныне, когда мы, кроме неурожаев хлеба, по обременительнейшим налогам помещиков и по жестоком их с нами обхождении, лишены даже дневной пищи и со всеми семействами нашими вынуждены умирать от голода"¹. Крестьяне были доведены до крайней степени нищеты² и их терпению пришел конец. По свидетельству лютеранского духовенства, в 1841 году большая часть крестьянских хозяйств в Лифляндии в результате ухудшения социально-экономического положения находилась на грани разорения, оставшая же часть крестьян в страхе перед разорением начала думать о переселении в Кинную Россию, где надеялась спастись от произвола помещиков³.

1.2. Крестьянские выступления в Прибалтике весной-летом 1841 года

Усиление эксплуатации прибалтийского крестьянства в 30-х - начале 40-х годов XIX века резко обострило классовые противоречия и, как следствие этого, активизировало классовую борьбу крестьянства, которая достигла своей высшей степени весной-летом 1841 года

¹ Пршение Иринарху крестьян мыз - Старьшов-Гульбин (Вецгулбене), Кропинов (Крапе), Голгоускун (Галгауска) от 11 июля 1841 г. - ЦИА СССР, ф.796, оп.122, д.1693, л.70.

² Самарин Ю. Окраины России. - Вып.III.- Берлин, 1871.- С.69.

³ Обращение лифляндского евангелически-лютеранского духовенства к лифляндскому дворянству от 16 августа 1841 г.- ЦИА Латв.ССР, ф.233, оп.3, д.1421, л.13.

в Лифляндской губернии. Уже в феврале 1841 года губернское правление было поставлено в известность лифляндским губернатором Фелькерзамом, что в результате неурожая бедствуют крестьяне отдельных уездов губернии, особенно Венденского (Цесисского) и Валкского, а надежд на хороший урожай в 1841 году тоже нет¹. Несмотря на то, что на помещичьих полях снимались богатые урожаи², помещики отказывались помочь голодающим крестьянам, мотивируя свои действия тем, что крестьяне свободны, и, таким образом, помещики не обязаны кормить их³. Губернские же власти вместо реальной помощи голодающим, по словам лифляндского помещика Бракеля, "... при первых признаках неудовольствия ограничивались увещеваниями и предупредительными мерами и надеялись успокоить брожение умов одними словами"⁴.

Первые признаки крестьянских волнений появились уже ранней весной 1841 года, когда в целом ряде мест Лифляндской губернии крестьяне отказывались выходить на барщину, в результате чего часть помещичьих земель осталась незасеянной⁵. Однако, как свидетельствует анализ архивных источников, массовый характер крестьянское движение принимает только в мае 1841 года, когда крестьяне большими группами стали приходить в Ригу и обращаться как в губернское правление, так и непосредственно к самому генерал-губернатору М.И. Па-

¹ Krodznieks J. Zemnieku nemieri 1841.gadā.- R., 1922.- 31.-32.lpp.

² Zutis J. Gīva par agrārām reformām XIX gadsimteņa pirmā pusē.- R., 1945.- 39.lpp.

³ Всеподдан. рапорт лифляндского гражд. губернатора Фелькерзама о состоянии губернии за 1841 г. - ЦГИА СССР, ф.1263, оп.1, д.1485, л.343 об.

⁴ Письмо Бракеля Бланкенбергу от 7 ноября 1841 года.- ЦГАОР СССР, ф.109, III отд., 1841 г., I эксл., д.260, л.8 об.

⁵ Донесение Иришарка Протасову 10 июля 1841 г. - ЦГИА СССР, ф.797, оп. II, д.28923, л.2.

лену, с просьбами облегчить их жалкую участь и помочь переселиться на юг России, где по слухам им будет предоставлена земля, или же, оставив в пределах губернии, перевести их на казенные земли¹. Массовое крестьянское переселенческое движение в Лифляндской губернии в 1841 году было не просто местным явлением, а являлось составной частью одной из основных форм крестьянской классовой борьбы по всей Российской империи в 40-х годах XIX века². В начале 40-х годов XIX века 14 губерний России охватило движение за переселение на Кавказ, где, по распространившимся слухам, крестьяне будут наделены землей и переведены в казаки³. В 1840 году крестьяне Калужской губернии попытались переселиться в Кишинев. В Могилевской губернии, в Бельском уезде, под влиянием слухов о том, что переселяющиеся в иные губернии освободятся от крепостничества, 1178 крестьян бежало в Черниговскую губернию. В 1843 году крестьяне Пензенской и Тамбовской губерний попытались переселиться в Закавказье, где им якобы пожалованы государыней-цесаревной земли⁴. В целом, крестьянское движение в России в 40-х годах XIX века развивалось в русле характерных черт для крестьянского движения феодальной эпохи: стихийности, локальности, отсутствия осознанной политической цели, но вместе с тем, отличалось значительными масштабами, массовостью, многообразием форм борьбы⁵.

¹ Рапорт Палена Николаю I от 11 сентября 1841 г. - ЦИА ЛатвССР, ф.1, оп.12, д.254, л.7; Донесение Палена Бенкендорфу от 8 июля 1841 г. - ЦГАОР СССР, ф.109, III отд., 1841, 4 экз., д.132, л.7; Донесение Головина Перовскому. Октябрь 1845 г. - ЦИА СССР, ф.821, оп.5, д.182, л.29, об. и др.

² Линков Я.И. Очерки истории крестьянского движения в России в 1825-1861 гг. - М., 1952. - С.58.

³ История СССР с древнейших времен до наших дней. - Т.IV. - М., 1967. - С.286.

⁴ Линков Я.И. Очерки истории - С.58.

⁵ Линков Я.И. Очерки истории..... - С.71; Поринев Б.Ф. Феодализм и родные массы. - М., 1964. - С.310; Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. - М., 1960. - Л.41 и др.

Волнения прибалтийского крестьянства в 1841 году по своему объективному содержанию ни чем существенно не отличались от аналогичных крестьянских волнений в других губерниях Российской империи. Поводом для массовых волнений лифляндских крестьян были распространявшиеся среди них слухи о наделении землей на юге России. Видимо, эти слухи были связаны либо с переселением евреев административным путем в 1840 году из Курляндской губернии в Херсонскую, либо с переселением однодворцев Западных губерний во внутренние губернии империи, или же они пришли из Витебской губернии, крестьяне которой якобы переселяются в Пруссию¹. Однако, не столько важно, откуда пришли слухи о переселении, сколько то, что положение лифляндских крестьян весной 1841 года стало настолько критическим, ненависть к усилению феодальной эксплуатации достигла такой степени, что достаточно было появиться самым незначительным, совершенно непроверенным и неубедительным слухам о возможности улучшения своего социально-экономического положения, чтобы крестьянство массами было готово распрощаться со своими родными местами и переселиться куда угодно, лишь бы избавиться от разоряющей их барщины и власти местных помещиков. По словам самих крестьян, их положение настолько ухудшилось, что они потеряли любовь к родине и только на чужбине надеются получить хлеб насущный и спасение от произвола помещиков². При этом слухи о разрешении переселения распространились сравнительно быстро по всей губернии, чему в немалой степени способствовал

¹ Рапорт коллежского советника Кузьминского Николаю I от 12 августа 1841 г. - ЦГИА СССР, ф.1286, оп.8, д.240, ч.1, л.107; Письмо А.Х.Бенкендорфа С.В.Перфильеву от 16 октября 1841 г. - ЦГАОР СССР, ф.109, III отд., 1841, 4 эксп., оп.181, д.185, л.2; Бракель Бланкенгагену от 7 ноября 1841 г. - Там же. - ф.109, III отд., 1841, I эксп., д.260, л.8; Отношение Фелькерзама Иринарку от 16 июля 1841 г. - ЦГИА СССР, ф.797, оп.11, д.28923, л.22 и др.

² Обращение лифляндского евангелически-литеранского духовенства к лифляндскому дворянству от 16 августа 1841 г. - ЦГИА Латв.ССР, ф.233, оп.3, д.1421, л.13.

острый характер классовых и национальных противоречий, в результате которых, по выражению Фелькерзама, крестьяне перестали верить своим помещикам и местному начальству¹. Этим, видимо, можно объяснить также и приход крестьян с прошениями о переселении в Ригу, а не в уездные города губернии. Следует отметить, что даже сам факт такого прихода крестьян в губернский город с жалобами, особенно большими группами, без предварительного принесения жалоб местному уездному начальству, не говоря уже о том, что крестьяне прерывали выполнение работ на помещиков и самовольно уехали из своих волостей, был уже массовым волнением, так как это было строго запрещено законом².

Вначале движение охватило только Венденский (Цесисский) и Валкский уезды, т.е. те уезды, крестьяне которых наиболее пострадали от неурожая³. Однако, недовольство существующими аграрными отношениями было настолько всеобщим, что уже в начале июня, а именно 2 июня, генерал-губернатор М.И. Пален был вынужден опубликовать патент-обращение к ливонским крестьянам, для прочтения его во всех церквях, что служи о разрешении крестьянам переселяться ложные⁴. Однако, по свидетельству епископа Иринарха, патент 2 июня произвел обратное действие: "... публикация, читанная в церквях с кафедр, сколько мне известно по слухам, произвела совсем противное действие. Утверждают, что крестьяне приняли ее повсюду за поло-

¹ Всеподдан. отчет ливонского гражд. губернатора Фелькерзама о состоянии губернии за 1841 г. - ЦГА ССР, ф. 1263, оп. I, д. 1485, л. 349; Донесение Фелькерзама Палену от 14 июля 1841 г. - ЦГА Латв. ССР, ф. 3, оп. I, д. 1791, л. 27 об.

² Отношение Фелькерзама Иринарху от 16 июля 1841 г. - ЦГА ССР, ф. 797, оп. II, д. 28923, л. 22 об.

³ Донесение Палена Бенкендорфу от 31 июля 1841 г. - ЦГАОР ССР, ф. 109, III отд., 1841, 4 экз., д. 146, л. 2 об.

⁴ Донесение Палена Бенкендорфу от 8 июля 1841 г. - ЦГАОР ССР, ф. 109, III отд., 1841, 4 экз., д. 132, л. 7 об.

нительное объявление переселения и что вследствие сей публикации ... крестьяне начали толпами приходить в Ригу, чтобы объявить лично свои имена и свое желание на переселение¹.

В самом деле, несмотря на патент и после 2 июня поток крестьян в Ригу не только не уменьшился, но даже возрос². По словам кароленского (Карула) пастора Фр.Мейера, летом 1841 г. крестьяне не верили распоряжениям губернского правления, так как считали, что они исходят от помещиков, а не от царя³. Крестьяне были убеждены, что царь выделил им свободные земли для заселения, но помещики, боясь опустошения своих хозяйств, от них это утаивают⁴. Этим объясняется мирный характер крестьянского движения в его первоначальной стадии. Крестьяне верили, что просьбы их законны, что просто нужно найти того официального представителя царской администрации, который, согласно указу царя, даст им разрешение на переселение. Однако, несмотря на naive упования крестьян на фантастический царский указ, крестьянское движение 1841 года носило с самого начала ярко выраженный антифеодальный характер, так как наряду с просьбами о переселении в другие губернии Российской империи крестьяне приносили жалобы на непосильную барщину, на произвол помещиков⁵, тем самым еще раз доказывая, что причины, по которым они

¹ Письмо Иринарха Протасову от 17 июля 1841 г. - ЦИА СССР, ф.797, оп.11, д.28923, л.15 об.

² Рапорт Палена Николаю I от 11 сентября 1841 г. - ЦИА Латв.ССР, ф.1, оп.12, д.254, л.7 об.

³ Письмо Мейера Фр. Геллеру от 11 декабря 1841 г. - ЦИА Латв.ССР, ф.233, оп.3, д.1719, л.2.

⁴ Прошение Иринарку крестьян мез Старьшов-Гульбин (Вецгулбене), Крошинов (Крапе), Голгоускуя (Галгауска) Венденского (Цесисского) уезда от 11 июля 1841 г. - ЦИА СССР, ф.1286, оп.8, д.285, л.69.

⁵ Донесение Кириа Бенкендорфу от 19 июня 1841 г. - ЦГАОР СССР, ф.109, III отд., 1841, 4 экзп., д.132, л.1 об.

хотели переселиться, кроются в несовершенстве аграрных отношений. С этими требованиями крестьян губернское правление, напуганное массовостью движения, уже не могло не считаться. Поэтому, чтобы хотя бы немного сгладить классовые противоречия, 16 июня генерал-губернатор Пален сделал распоряжение о создании следственной комиссии во главе с депутатом дворянства Венденского (Цесисского) уезда А.Н.Гагемейстером для устранения недостатка в продовольствии крестьян Венденского (Цесисского) и Валкского уездов¹ и выдачи потерпевшим от неурожая ссуды в размере 48 ластов (2880 пудов) ржи². Разумеется, что для содержания крестьян двух уездов до будущего урожая и для нового посева этой ссуды было явно недостаточно, но под нажимом крестьянского волнения губернские власти были вынуждены хоть как-то успокоить голодающих крестьян. Однако, если учесть, что А.Н.Гагемейстер был впоследствии одним из главных инициаторов и непосредственным руководителем кровавой расправы над крестьянами осенью 1841 года³, то достаточно ясно можно не только определить его личное отношение к крестьянскому волнению, но и предположить результаты действия комиссии. И, в самом деле, несмотря на то, что уже ранней весной 1841 года ливонский гражданский губернатор Е.Белькерзам признал, что Венденский (Цесисский) и Валкский уезды подверглись неурожаю, и крестьяне бедствуют⁴, комиссия Гагемейстера нашла, что "... нигде не найдено ... между крестьянами большой

¹ Рапорт Палена Николаю I от 11 сентября 1841 г. - ЦГА Латв.ССР, ф.1, оп.12, д.254, л.7 об.

² Krodznieks J. Zemnieku nemieri 1841.gadā.- R., 1922.- 55.lpp.

³ Донесение Палена А.Г.Строганову от 16 сентября 1841 г. - ЦГА СССР, ф.1286, оп.8, д.240, ч.1, л.188 об.

⁴ Krodznieks J. Zemnieku nemieri 1841. gadā.- R., 1922.- 31.-32.lpp.

нужды, а тем менее голода"¹. Тем не менее осуда была полностью выдана крестьянам², значит нуждающиеся все-таки были найдены. Комиссия работала до 19 июля, и в результате ее действий, по свидетельству Е.Фелькерзама, "... недостаток продовольствия... повсичу отвращен"³. Впоследствии в докладе Николаю I тот же Фелькерзам дал вполне определенную оценку действиям следственной комиссии Гагемейстера, признав, что она только констатировала факт бедствия крестьян, существенно не улучшив их положения, в результате чего и после окончания деятельности комиссии крестьянское движение все больше распространялось⁴. 18 июня к жандармскому подполковнику Киршу явились крестьяне того же Венденского (Цесисского) уезда с просьбами помочь переселиться в другие губернии, по-прежнему жалуясь на то, что в уезде свирепствует "... голод и совершенное расстройство, происходящее от обременительной барщины - с почти пустых магазинов берут они хлеб уже с I января сего года и недовольны помещиками - по сим причинам они желают переселиться куда угодно правительству и быть казенными крестьянами"⁵. Прошения от крестьян Венденского (Цесисского) и Валкского уездов с жалобами на бедственное положение продолжали поступать, но уже на имя рижского епископа Иринарха, и на протяжении всего июля 1841 года⁶, тем самым подтверждая факт,

¹ Донесение Палена Бенкендорфу от 18 июля 1841 г. - ЦГАОР СССР, ф.109, III отд., 1841, 4 эксп., д.132, л.17 об.

² Рапорт Палена Николаю I от 11 сент.1841 г. - ЦГИА Латв.ССР, ф.1, оп.12, д.254, л.8.

³ Отношение Фелькерзама Иринарху от 16 июля 1841 г. - ЦГИА СССР, ф.797, оп.11, д.28923, л.23; ЦГИА Латв.ССР, ф.3, оп.1, д.1791, л.34.

⁴ Всенподдан. отчет лифляндского гражд.губернатора Фелькерзама о состоянии губернии за 1841 г. - ЦГИА СССР, ф.1263, оп.1, д.1485, л.352.

⁵ Донесение Кирша Бенкендорфу от 19 июня 1841 г. - ЦГАОР СССР, ф.109, III отд., 1841, 4 эксп., д.132, л.1 об.

⁶ Письмо Иринарха Протасову от 22 июля 1841 г. - ЦГИА СССР, ф.797, оп.11, д.28923, л.25.

что губернское правление в лице комиссии Гагемейстера не смогло никоим образом помочь даже крестьянам самых нуждающихся уездов.

Впоследствии, начиная с июля 1841 года, прибалтийский генерал-губернатор М.И.Пален, стремясь затемнить действительные причины крестьянского движения, утверждал, что именно принятием подполковником Киршем крестьянских прошений поддерживались волнения, которые, в результате действий губернских властей по обеспечению крестьян продовольствием и помощи местных помещиков, уже успокаивались¹. Между тем Пален уже во второй половине июня был прекрасно информирован о том, что Кирш принимает крестьян с прошениями о переселении, так как обо всех крестьянах, которые были у него, Кирш ставил в известность ливляндского гражданского губернатора Е.Фелькерзама, а через него, разумеется, и самого Палена. Однако Пален в июне месяце не попытался даже вмешаться в действия Кирша, или, по крайней мере, пожаловаться на них шефу жандармов. Только 7 июля 1841 года Пален запретил Киршу принимать крестьян и потребовал, чтобы Кирш в губернском правлении публично объяснил крестьянам, что никакого переселения не будет, что все это нелепые слухи². Создается впечатление, что губернские власти уже в июле 1841 года всеми силами пытались отвлечь внимание правительства от социально-экономических причин движения, старались доказать, что губернским правлением, уездными властями и непосредственно местными помещиками все своевременно было сделано для улучшения положения крестьян³, и "... вообще здешние помещики поступают

¹ Донесение Палена Бенкендорфу от 15 июля 1841 г. - ЦГАОР СССР, ф.109, III отд., 1841 г., 4 эксл., д.132, л.11-12.

² Там же, л.8 об., 10.

³ Донесение Палена Бенкендорфу от 31 июля 1841. - ЦГАОР СССР, ф.109, III отд., 1841 г., 4 эксл., д.146, л.3.

с крестьянами по справедливости и с доброжелательством¹, а причина крестьянских волнений - просто "нелепые" слухи, поддержанные принятием крестьянских прошений вначале Киршем, а впоследствии рижским епископом Иринархом. Не случайно, видимо, М.И. Пален о крестьянских волнениях в Лифляндской губернии, которые по его же словам продолжались уже с мая месяца, первый раз доложил в Петербург только 8 июля². Да и сам доклад шефу жандармов А.К. Бенкендорфу от 8 июля был написан в ответ на его требование объяснить факты, упомянутые в донесении Кирша от 19 июня, т.е. были вынужденной мерой, а не личной инициативой Палена. Губернские власти, пока дело касалось чисто переселенческого движения, вызванного тяжелым социально-экономическим положением прибалтийских крестьян, единственными виновниками которого можно было назвать остзейских помещиков и всю в целом феодально-барщинную систему, видимо, пытались обойтись собственными силами, не привлекая к губернии внимание центральных органов власти. Но как только появилась возможность свалить вину за крестьянские волнения на кого-то другого, то сразу же это было сделано. Так было с жандармским подполковником Киршем, так было впоследствии и с рижским епископом Иринархом.

Крестьянское движение сравнительно быстро распространилось по всей Лифляндской губернии. Никакие объяснения и "уверения" со стороны губернских и уездных властей не могли остановить рост движения, так как крестьянам нужны были не объяснения о "нелепости слухов", а конкретные мероприятия по улучшению их социально-экономического положения. По свидетельству мизных управлений Валкского уезда в июле 1841 года крестьяне уезда чуть ли не целыми мизами или готовились идти в Ригу просить переселения, или уже отправи-

¹ Визит Палена Николаю I от 11 сент. 1841 г. - ЦГА Латв. ССР, ф. I, оп. 12, д. 254, л. 9 об.

² Доклад Палена Бенкендорфу от 8 июля 1841 г. - ЦГАОР СССР, ф. 109, III отд., 1841, 4 экз., д. 132, лл. 7-8 об.

лись в Ригу¹. Уже в июле 1841 года, кроме крестьян Венденского (Цесисского) и Валкского уездов², в Риге появились крестьяне с о. Эзель (о. Саарема), из Дерптского (Тартуского)³, Верровского (Вырусского)⁴, Вальмарского (Валмиерского) уездов⁵, в начале августа из Рижского⁶, а в сентябре, после своей поездки по Венденскому (Цесисскому), Вальмарскому (Валмиерскому), Верровскому (Вырусскому), Тартускому и Феллинскому (Вильяндскому) уездам генерал-губернатор М.И. Пален был вынужден констатировать, что во всех этих уездах крестьяне "... высказывали недоверие свое к помещикам и к

¹ Напр., в мызе Кортенгоф (Белява) Валкского уезда из 125 крестьянских хозяйств в июле 1841 года на месте оставалось менее 30 человек. Остальные отправились в Ригу просить переселения. - Донесение Фелькерзама Палену от 14 июля 1841 г. - ЦГАОР СССР, ф.109, III отд., 1841, 4 экз., д.132, л.16 об.; ЦИА Латв.ССР, ф.3, оп.1, д.1791, л.27 об.

² Донесение анценского пастора Р. Гутглика валкскому епархиальному пастору от 10 декабря 1841 г. - ЦИА Латв.ССР, ф.233, оп.3, д.1719, л.17.

³ Письмо кароленского (Капула) пастора Фр. Мейера раппинскому пастору Геллеру от 11 декабря 1841 г. - Там же, л.2.

⁴ Донесение рингенского (Рынту) пастора А. Христиани лифляндской евангелически-лютеранской консистории от 13 декабря 1841 г. - Там же, л.9.

⁵ Донесение Иринарка Протасову от 10 июля 1841 г.; Донесение Иринарка Протасову от 17 июля 1841 г.; Письмо Иринарка Протасову от 22 июля 1841 г. - ЦИА СССР, ф.797, оп.11, д.28923, л.1-2, 15 об., 25.

⁶ Прошения крестьян епископу Иринарку и рижским православным священникам, поданные в июле 1841 г. - ЦИА СССР, ф.796, оп.122, д.1693, л.1,14, 20-22, 53,86.

присутственным местам ... частью возытели уже опасную мысль, чтобы господскую землю, которую они пользуются с исполнением барщины, приобрести в собственность без дальнейшего исправления повинностей¹. Летом 1841 г. крестьянские дворохозяева повсеместно начали прерывать арендные договоры, готовясь к переселению². По словам уездного депутата Гагемейстера, в начале августа 1841 года в Венденском (Цесисском) уезде "дело зашло так далеко, что не может кончиться мирно"³.

9 и 10 июля очередная партия крестьян, явившихся в Ригу с просьбами о переселении, была задержана полицией и по распоряжению генерал-губернатора публично, для назидания остальным, наказана палками. После наказания крестьянам обрили часть головы, а затем, после очередного объяснения жандармского подполковника Кирша, они были отпущены по домам⁴. 11-12 июля начались аресты крестьян рижской полицией⁵. В уездах же наказания непокорных крестьян начались уже с первой половины июня⁶. 10 июля, в дополнении к патенту от 2 июня, было публично санкционировано повсеместное наказание крестьян, продолжавших приходить в Ригу с жалобами на своих помещиков и с просьбами о переселении⁷. 9-10 июля заканчивается мирный период крестьянского движения 1841 года и начинается открытая насильственная расправа над непокорными крестьянами, подавление крестьянского движения.

¹ Рапорт Палена Николаю I от 11 сент. 1841 г. - ЦИА Латв.ССР, ф.1, оп.12, д.254, л.1 об.

² Донесение ранденского (Ранку) пастора Густава Дамфа лифляндской еванг.-лютеранской консистории от 16 декабря 1841 г. - ЦИА Латв.ССР, ф.233, оп.3, д.1720.- Л.1.

³ Выписка из доклада Гагемейстера лифляндской ландратской коллегии от 5 августа 1841 г. - Там же.- Д.1421.- Л.18.

⁴ Донесение Палена Бенкендорфу от 15 июля 1841 г. - ЦГАОР СССР, ф.109, III отд., 1841, 4 эксп., д.132.-Лл.9 об.-10.

⁵ Там же.- Л.10 об.

⁶ Krodznieks J. Zemnieku nesieri 1841.gadā.- Rīga, 1922.-41 lpp.

⁷ Там же.- С.60-61.

1.3. Появление новой формы крестьянского движения - попыток перехода в православие

Смена тактики губернских и уездных властей в июле 1841 года потребовала от прибалтийского крестьянства изменения формы движения. С начала августа 1841 г. одной из основных форм классовой борьбы прибалтийского крестьянства стал переход в православие. Разумеется, что социально-экономические причины крестьянского движения и в этот период не изменились, как не изменилось и положение крестьянства, в следствие которого начались крестьянские волнения. Представляется возможным на основе анализа архивного материала и, прежде всего, прошений крестьян рижскому православному епископу с 1836 по 1841 годы Иринарху (Понову), а также донесений последнего летом-осенью 1841 года обер прокурору Синода Н.А.Протасову (1798-1855), проследить трансформацию субъективной формы крестьянского движения 1841 года.

Епископ Иринарх был назначен в Ригу псковским викарием в 1836 году¹, причем к моменту учреждения викариатства в Лифляндской и Курляндской губерниях было всего 16 православных приходов с 12382 прихожанами², большинство из которых жили в городах. Исходя из сравнительно небольшого количества прихожан, можно предположить, что каких-то особых забот по делам епархии у Иринарха не было. 9 июля 1841 года на прием к Иринарху явилась первая группа крестьян³. В прошении, поданном на имя Иринарха, крестьяне, жалуясь на то, что из-за увеличения барщинных повинностей у них не хватает

¹ До этого он служил при российских посольствах в Милане, Флоренции, Риме, Афинах, с 3 мая 1836 г. - епископ старицкий, викарий Тверской епархии. - Сахаров С.П. Рижские православные архиереи за сто лет (1836-1936). - Краслава, 1937. - С.58.

² Историко-статистическое описание церквей и приходов Рижской Епархии. - Вып. III, ч. I. - Р., 1902. - С. I, 4.

³ 17 крестьян мизы Малопоши помещика Виттенгофа Аренбургского уезда (Кингисепп). - ЦИА СССР, ф. 797, оп. II, д. 28923, л. I.

времени на обработку своих участков, описав свое тягостное положение, попросили у Иринарха ходатайствовать об определении их в казенные крестьяне¹. Иринарх посоветовал им отправиться домой и продолжать слушать своего помещика². Как объяснили сами крестьяне епископу, они обратились со своими просьбами к нему только потому, что "... губернское начальство не только не принимает их, но и подвергает наказаниям, так и потому, что положение, в котором они находятся, слишком бедное, чтобы можно было оставаться в оном доле"³.

10 июля с аналогичными жалобами и с просьбами ходатайствовать об их переселении в другие губернии к Иринарху обратились крестьяне имения помещика Берке Валковского уезда и мызы Косс (Цесумуйжа) помещика Саму Венденского (Цесисского) уезда⁴, которых Иринарх отослал к канцарскому подполковнику Киршу. В донесении Н.А.Протасову Иринарх, объясняя, почему он принял этих крестьян, писал, "... местное гражданское начальство не доводит до сведения правительства сих происшествий или представляет оные не в существенном виде, иначе давно бы уже были приняты законные меры к прекращению сих беспорядков, - и находя происшествия сие довольно важными, я почел долгом донести о сем... в том предположении, что может быть Вы найдете нужным сообщить о сем кому следует"⁵. Следовательно, судя по первым крестьянским прошениям Иринарху, субъективная форма крестьянского движения не изменилась - крестьяне по-прежнему искали представителя царской администрации, который поможет им в достижении заветной цели - избавления от гнета местных помещиков, переселения в другие губернии России или перевода в казенное состояние.

¹ ЦГИА СССР, ф. 797, оп. II, д. 28923. - Лл. 3, 3 об.

² Донесение Иринарха Протасову от 10 июля 1841 г. - Там же. - Л. I. об.

³ Донесение Иринарха Протасову от 21 июля 1841 г. - ЦГИА СССР, ф. 797, оп. II, д. 28923, л. 26.

⁴ Донесение Иринарха Протасову от 10 июля 1841 г. - Там же. - Л. I об.

⁵ Там же. - Л. 2.

II июля Иринарх принял только одно прошение - крестьян миз Старьшов-Гульбин (Вецгулбене), Кропинов (Крапе), Голгоускун (Галгауска) Венденского (Цесисского) уезда, которые, как и все предыдущие, жаловались на рост феодальной эксплуатации, на голод и просили Иринарха ходатайствовать об их переселении на другие земли или, если это невозможно, оставить их в Лифляндской губернии, но "... с тем, чтобы и управление нами помещиков было ограничено законом"¹. Вместе с тем в их прошении появилась новая фраза: "... в благодарность за Ваши ... о нас попечения, мы все согласны со всеми своими семействами принять ту господствующую православную религию, которую исповедует сам наш все милостивейший государь - император и Вы..."². На следующий день было подано совершенно аналогичное по содержанию и форме прошение от II июля ^{прошение} крестьян миз Друсти, Старого Пибалга (Вещнебалга), Нового Пибалга (Яуншебалга) и Палмана (Палсмәне) Венденского (Цесисского) уезда³. Иринарх, докладывая Протасову 12 июля об этих прошениях, подчеркнул, что крестьяне согласны стать православными только в том случае, если их переселят в другие губернии⁴, тем самым признавшись, что предполагаемый переход в православие крестьяне рассматривают как свою благодарность правительству за дарованные им материальные выгоды. Во втором донесении Протасову от 12 июля Иринарх добавил, что "... почти все они объяснили мне, что они готовы оставаться спокойно на своих местах, если им будут давать столько хлеба, сколько им нужно для поддержания телесной силы и перенесении тех трудов, которым они подвергаются"⁵. Прекрасно понимая, что на осно-

¹ ЦИА ССР, ф.796, оп.122, д.1693, лл.69-70.

² Там же. - Л.70.

³ Там же. - Лл.71-72.

⁴ Там же. - ф.797, оп.11, д.28923, л.4.

⁵ Там же. - Л.7 об.

вании условий, поставленных в прошениях крестьян, невозможно утверждать о серьезности намерений крестьян перейти в православие, епископ Иринарх в донесении от 17 июля еще дальше развил мысль о социально-экономических причинах крестьянских волнений. Он писал Протасову, что основная причина, толкающая всех ливонских крестьян на переселение - недостаток продовольствия, добавляя, что так как "... положение крестьян остается таковым, каково оно было доселе и, по всей вероятности, с году на год будет ... более затрудняться: то рано или поздно между ними могут открыться более важные и неприятные движения ... Все приходившие ко мне крестьяне объявили единогласно, что они ищут переселения, во-первых, потому, что помещики изнуряют их чрезмерными работами; во-вторых, потому, что не доставляют им довольно средств к пропитанию На эти причины надлежит обратить внимание, чтобы облегчить участь изнуренных и страдающих крестьян"¹.

Несмотря на неоднократные требования Палена прекратить прием крестьян², Иринарх, не получая официального распоряжения из Петербурга, а вместе с ним и православное духовенство Риги с 11 июля по начало августа 1841 года продолжали принимать почти идентичные по содержанию крестьянские прошения с жалобами на свое угнетенное положение и с просьбами о переселении в другие губернии, которые заканчивались обещанием Иринарху, что если будут выполнены их требования, то в благодарность за его старания они примут православие³. В донесении Н.А.Протасову от 27 июля Иринарх подчеркивал, что приход крестьян в Ригу "... объясняет весьма трудное положение, в ко-

¹ ЦИА ССР, ф.797, оп.11, д.28923, л.16 об., 18,20 об., 21.

² 16 июля, 26 июля.- Там же.- Лл.23-24, 32.

³ Донесение Иринарха Протасову от 3 августа 1841 г.-ЦИА ССР, ф.797, оп.11, д.28923, л.51 об.

тором находятся все здешние крестьяне, раскрывает характер здешних помещиков, обнаруживает недостаток системы или положения о крестьянах"¹. В этом же донесении проскальзывает мысль, которая отчасти объясняет как причину неподчинения Иринарха распоряжениям губернских властей, так и делает понятными цели, которыми Иринарх преследовался своими действиями: "... если правительство захочет воспользоваться сим случаем, то оно легко может умножить здесь число православных, облегчить участь крестьян даже без переселения их в другие губернии и положить прочное основание быстрому преобразованию здешнего края в религиозном смысле"².

Разумеется, что православное духовенство было заинтересовано в усилении своего влияния и увеличении числа православных приходов в Прибалтике, надеясь таким образом поднять престиж своей конфессии в остзейских губерниях. Поэтому кажется вполне естественным, что Иринарх, даже понимая, что переход в православие является только одним из чисто внешних проявлений социально-экономического по своему содержанию крестьянского движения, пытался тем не менее использовать благоприятную ситуацию для укрепления позиций православной церкви в Лифляндской губернии.

С начала августа характер крестьянских прошений, подаваемых Иринарху, резко изменился. В крестьянских прошениях, написанных в период со 2 по 10 августа полностью отсутствуют жалобы на притеснения со стороны помещиков, и появляется только одна просьба: "... желание принять ту православную веру, которою живет наш отец-государь"³. Что же произошло в начале августа 1841 года? Почему

¹Донесение Иринарха Протасову от 3 августа 1841 г. - ЦГА СССР, ф.797, оп.11, д.28923, л.33.

²Там же. - Лл.32 об.-33.

³Прошение Иринарху крестьян мызы Цука (Ервамаа) Дерптского (Тартуского) и мыз Нейгаузен (Вастселлина), Коса (Виттина), Кароль (Карола) Верровского (Вырусского) уездов от 7 августа 1841 г. - ЦГА СССР, ф.796, оп.122, д.1693, л.1.

так кардинально изменилось содержание крестьянских прошений ?

28 июля Николай I запретил рижскому епископу Иринарху принимать крестьянские прошения, в которых "... главнейше ... изъяснялись жалобы за притеснения помещиков и ходатайство о переселении во внутренние губернии", а "... желание присоединиться к православной вере "являлось" ... обстоятельством придаточным"¹. Письмо обер-прокурора Синода Н.А.Протасова с пересказыванием распоряжения Николая I епископ Иринарх получил 2 августа². И уже 2 августа Иринарху было подано прошение 20 крестьян Рижского уезда, в котором единственное, что просили крестьяне - это разрешения Иринарха на принятие православного вероисповедания³. Видимо, от крестьян, бывших в июле 1841 года в Риге у православного духовенства, стало известным, что они пообещали за выполнение их просьб о переселении или переводе на казенные земли принять православие⁴. Поэтому кажется вполне естественным, что просьбы о переходе в православие соединялись в сознании крестьянства с улучшением их материального положения⁵. В начале августа, не имея больше возмож-

¹ Отношение Строганова Протасову от 28 июля 1841 г.- ЦГИА СССР, ф.797, оп.II, д.28923, л.28 об.

² Донесение Иринарха Протасову от 3 августа 1841 г.- Там же, л.51.

³ ЦГИА СССР, ф.796, оп.I22, л.I693, л.92.

⁴ По свидетельству рижского полицмейстера Языкова, крестьяне, задержанные полицией 7,8 и 9 августа 1841 г., при допросе в губернском правлении "... объявили, что им говорили, что государь-император приказал всем перекреститься, но что сие еще неизвестно гражданскому губернатору"- Рапорт Рижского полицмейстера Языкова Палену от 27 сентября 1841 г. (ЦГИА СССР, ф.821, оп.5, л.181, л.66).

⁵ Пален докладывал 8 авг. 1841 г. управляющему МВД А.Г.Строганову, что при допросах о губернском правлении все крестьяне признавались, что приходили к православному духовенству Риги только потому, что им обещали переселения под условием принятия православного вероисповедания.- ЦГИА СССР, ф.1286, оп.8, 1841, д.240, ч.I, л.93.

ности жаловаться в своих прошениях на гнет помещиков, крестьяне начали подавать прошения только о переходе их в православие, хотя даже и в этих прошениях еще раз подтверждающая мысль о том, что переход в православие крестьяне рассматривали как возможность избавиться от феодально-крепостнической эксплуатации местных помещиков, получить землю, проскальзывали фразы, в которых крестьяне жаловались на свою "горестную жизнь"¹. Однако кажется вероятным, что части крестьян мысль об изменении формы и содержания прошений была подсказана римским православным духовенством², что подтверждается донесением епископа Иринарха обер-прокурору Синода Н.А.Протасову от 17 августа 1841 года, в котором он, видимо, неслучайно, начисто забывая все свои выводы о сущности крестьянских волнений 1841 года, сделанные в предыдущих донесениях, пытался доказать, что "волнение крестьян, которое генерал-губернатор представляет почти явным возмущением и против которого он признает нужным употребить военную силу ... сие волнение или возмущение не другое что есть, как сильное и почти всеобщее желание крестьян присоединиться к православной церкви"³. Еще ранее, 10 августа, Иринарх писал

¹ См. напр., прошение крестьян миз Омуть (Омули) Валковского, Сура-ренгут Деритского (Тартуского), Варцилина (Вастселина), Нейгаузен Верровского (Вирусского) уездов от 4 августа 1841 г. — "... Душевно желаем принять Св. веру и по обещанию нашему, которое мы и семейства наши от мала до велика, от первого до последнего дали перед богом в той надежде и с той верою, чтобы поможет нам и детям нашим в нашей горестной жизни". — (ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 122, д. 1693, л. 76).

² Большинство крестьянских прошений в период со 2 по 10 августа 1841 г. было написано "со слов крестьян" священником Римского кафедрального собора Михаилом Заволоцким, дьяконом этого же собора Петром Поповым и священником Римской единоверческой церкви Дорофеем Емельяновым. — Там же. — Дл. I-92.

³ ЦГИА СССР, ф. 797, оп. II, д. 28923, л. III.

Протасову, что так как после распоряжения Николая I от 28 июля волнения литовских крестьян приняли вид религиозного движения, даже не поясняя каким образом это столь внезапно могло произойти, то гражданские власти не имеют теперь право в это дело вмешиваться¹. Иринарх не мог не понимать всей искусственности своих утверждений о "религиозном виде" крестьянского движения, поэтому, исключая слабую попытку доказать, что крестьяне давно хотели перейти в православие, подтверждая это примерами визитов крестьян к православному духовенству в Якобштадте (Екабпилс)², даже не попытался объяснить³ всему руководству причину такой резкой смены окраски крестьянского движения. Что же касается отношений православного духовенства с прибалтийскими крестьянами, то, даже понимая, что переход в православие не отвечает каким-то серьезным побуждениям крестьян к перемене вероисповедания, а является чисто внешней формой крестьянского протеста против усиления феодально-крепостнического гнета, рижский епископ и подчиненное ему духовенство не только не старались пресечь распространение слухов о связи переселения с переходом в православие, а, напротив, в создавшейся ситуации, руководствуясь прежде всего конфессиональными интересами, своей деятельностью, продолжая принимать крестьянские прошения и даже принимая участие в их составлении, видимо, прямо или косвенно способствовали распространению этих слухов.

Начиная со 2 и по 10 августа 1841 г., т.е. до получения Иринархом официального подтверждения обер-прокурора Синода распоряжения Николая I о том, что епископ Иринарх вообще не должен при-

¹ Донесение Иринарха Протасову от 10 августа 1841 г. - ЦИА ССРС, ф.797, оп.11, д.28923, л.77.

² Там же. - Л.74.

нимать крестьян с прошениями любого содержания¹, на имя Иринарха и православного духовенства Риги поступило несколько десятков прошений крестьян с просьбой разрешить им принять православное вероисповедание, которые, несмотря на то, что писались различными лицами, чуть ли не дословно повторяли друг друга. В этот период значительно усилился полицейский террор против приходящих в Ригу крестьян²; на городских заставах и на дорогах в Ригу были расставлены полицейские посты, всех крестьян, все-таки попавших в Ригу, полиция арестовывала, им брили головы, наказывали их палками и сажали в тюрьму³, или же под конвоем в кандалах отправляли на места их жительства, где публично, в назидание остальным, наказывали розгами⁴. Кроме того было усилено наблюдение за домом епископа Иринарха, которое рижская полиция осуществляла уже со второй половины июля 1841 года⁵. Стал более приталанным полицейский надзор за православными церквями Риги⁶. По распоряжению прибалтийского генерал-губернатора М.И.Палена во всех уездах

¹ Предписание Протасова Иринарху от 7 августа 1841 г. - ЦИА СССР, ф.797, оп. II, д.28923, л.53.

² Полицейский надзор за приходившими в Ригу крестьянами и высылка их по местам жительства осуществлялись уже с июня 1841 г. - Канцелярия лифл. гражд. губернатора. - Языкову от 21 июня 1841 г. - ЦИА Латв.ССР, ф.3, оп. I, д.1791, л.13.

³ Донесение Иринарха Протасову от 7 августа 1841 г. - ЦИА СССР, ф.797, оп. II, д.28923, л.74 об.

⁴ Донесение Палена Строганову от 5 августа 1841 года. - ЦИА СССР, ф.1286, оп.8, д.240, ч. I, л.86.

⁵ Донесение Иринарха Протасову от 27 июля 1841 г. - ЦИА СССР, ф.797, оп. II, д.28923, л.32 об.

⁶ Рапорт еп. Иринарху священника Римской единоверческой церкви Д. Емельянова от 10 августа 1841 г. - ЦИА СССР, ф.796, оп.122, д.1693, л.36 об.-37.

Лифляндской губернии был усилен полицейский надзор за всеми "подозрительными", а так называемых "зачинщиков" и "возмутителей" отправляли под конвоем в губернское правление¹. 28 июля 1841 года по просьбе председателя следственной комиссии, созданной для усмирения волнующихся крестьян А.Н.Гагемейстера, М.И.Пален перевел из Илдуксте в Венденский (Цесисский) уезд в распоряжение Гагемейстера команду в 50 казаков², а также запросил разрешения правительства разместить в непокорных Вольмарском (Валмиерском), Венденском (Цесисском) и Валкском уездах один из трех полков, квартировавшихся в Курляндской губернии³.

В ответ на репрессии крестьяне начали открыто сопротивляться действиям полиции. По словам рижского полицмейстера Языкова, крестьяне знали, что полиция в Риге их арестует, " ... потому, стараясь избегнуть сего последнего, часто силой отбивались, почему полицейским служителям нередко доставались от них побои"⁴.

В результате усиления полицейского террора крестьяне изменили форму своих прошений епископу Иринарку и рижскому православному духовенству. Так как лишь отдельным смельчакам удавалось добраться до адресата, в начале августа крестьянские прошения из личных, поданных непосредственно просителем, преобразовались в коллективные. Крестьянские ходоки ^{поручались} сразу за несколько крестьянских дворов, причем не только за своих родственников, но и за соседей.

¹ Донесение Палена Строганову от 5 августа 1841 г. - ЦГИА СССР, ф.797, оп.11, д.28923, лл.70 об.-71.

² Распоряжение Палена сотнику Донского казачьего 17 полка Полу-бедову от 28 июля 1841 г. - ЦГИА Латв.ССР, ф.1, оп.6, д.518, л.1.

³ Донесение Палена Бенкендорфу от 28 июля 1841 г. - ЦГАОР СССР, ф.109, III отд., 1841, 4 эксп., д.132, л.42.

⁴ Рапорт Рижского полицмейстера Языкова Палену от 27 сентября 1841 г. - ЦГИА СССР, ф.821, оп.5, д.181, л.65.

и даже за крестьян из других имений¹. Такая тактика, когда один представитель крестьян какой-то волости поднимался чуть ли не за всю волость, причем для посылки такого представителя крестьяне собирали денежные средства², оплачивая ему дорожные расходы³, свидетельствует, что в начале августа в крестьянском движении наметились некоторые зачатки организованности. И не случайно, что к началу августа 1841 года относится первое открытое крестьянское столкновение с воинским соединением. 8 августа 1841 года более 100 крестьян мезы Вессельсгоф (Веселава) Венденского (Цесисского) уезда не позволили наказать 5 крестьян мезы, признанных следствием "зачинщиками" волнений и отбили присланную казачью команду в 20 человек⁴. В начале августа 1841 года происходит дальнейшее обострение классовых противоречий, которое свидетельствует о наступлении третьего, кульминационного периода крестьянского движения 1841 года в Прибалтике, характеризующегося сильным ожесточением участников крестьянского движения, открытым проявлением их классовой ненависти к помещикам и к помещичьему аппарату власти на местах, стихийными крестьянскими столкновениями с войсками. Но и для этого периода остается в силе характерная черта крестьянства - его наив-

¹ Напр., в прошении, поданном еп.Кринару крестьянами Верровского (Вырусского), Валкского и Дерптского (Тартуского) уездов 4 августа 1841 года, крестьянин мезы Нейгаузен (Вастселина) Верровского (Вырусского) уезда Миккель Франц расписался за 150 человек. - ЦГИА СССР, ф.796, оп.122, д.1693.- Л.76.

² Донесение Палена Строганову от 8 августа 1841 г.- ЦГИА СССР, ф.1286, оп.8, 1841, д.240, ч.1.- Л.95.

³ Сообщение анценского пастора Гутглица валкскому епархиальному пастору от 10 декабря 1841 г.- ЦГИА Латв.ССР, ф.233, оп.3, д.1719.-Л.23; Сообщение кароленского (Карула) пастора Фр.Мейера рапшинскому епархиальному пастору Геллеру от 11 декабря 1841 г.- Там же.-Л.4.

⁴ Донесение Палена Строганову от 10 августа 1841 г.- ЦГИА СССР, ф.1286, оп.8, 1841, д.240, ч.1.- Л.104.

ный монархизм¹. В миропонимании крестьянства царская власть была по-прежнему единственно возможным воплощением законности, справедливости². Крестьяне продолжали надеяться на то, что освобождение от власти местных помещиков они получат в результате "государевой милости" и, противопоставляя царя остзейскому дворянству, слепо верили, что "... ни в каком преступлении не виновны, а только в исполнении воли е.и.в. хотят оставить родину"³. Наивная вера крестьянства в улучшение условий своей жизни через принятие "царской веры" не поколебалась и после официального запрещения Николаем I римскому православному духовенству принимать крестьян. Флигель-адъютанты царя М.Урусов и Бутурлин, командированные Николаем I в Лифляндскую губернию с целью выяснения обстановки, докладывали 24 сентября 1841 года царю, что практически все крестьянское население губернии надеется на скорое улучшение условий их жизни, повторяя одно выражение - "хотим быть под государем", связывая это с принятием "царской веры"⁴. Причем слухи эти распространялись уже сами по себе, без связи с православным духовенством, так как 16 августа 1841 года Синод сделал Иринарку строгое внушение "о неправильности и неблагоприятности его действий"⁵, а 18 августа по предложению Н.А.Протасова, утвержденного Николаем I, епис-

¹ Рындзинский П.Г. Идеальная сторона крестьянских движений 1770-1850-х годов и методы ее изучения // Вопросы истории.- 1983.- № 5.-С.10.

² Янель З.К. феномен стихийности и повстанческая организация массовых движений феодального крестьянства России // История СССР.- 1982.- №5.- С.93.

³ Донесение Палена Строганову от 12 сентября 1841 г.- ЦГА СССР, ф.1286, оп.8, д.240, ч.1, л.178 об.

⁴ Выписка из всеподданнейшего рапорта флигель-адъютанта его императорского величества полковника князя Урусова и Бутурлина 4-го от 24 сентября 1841 г.- ЦГА СССР, ф.797, оп.11, д.28923, л.209.

⁵ Рапорт Протасова Николаю I от 14 августа 1841 г.- Там же.-Л.85.

копу Иринарку был объявлен строгий выговор " ... с подтверждением, чтобы впредь, в точное исполнение Высочайшей воли, как сам он не принимал участие в делах... крестьян, так и подчиненное ему духовенство не допускал к тому под опасением строжайшей ответственности по законам"¹, поэтому представляется сомнительным, чтобы кто-нибудь из духовенства, рискуя своим местом, продолжал принимать крестьян с прошениями. Малоубедительными кажутся и обвинения генерал-губернатора М.И. Палена², шефа канцармов А.Х. Бенкендорфа³, а впоследствии большинства остзейских авторов рижского православного духовенства в том, что оно обещало крестьянам от перехода в православие какие-то материальные выгоды. Анализ архивных документов позволяет сделать предположение, что прямой агитации со стороны епископа Иринарха и рижского православного духовенства не было, хотя, несомненно, духовенство догадывалось, что далеко не религиозными убеждениями руководствовались крестьяне, обращаясь к нему с просьбами принять их в православное вероисповедание⁴, однако, не разуверия крестьян в тщетности их надежд так

¹ Выписка из определения Св.Синода от 18 августа 1841 г. - ЦГИА СССР, ф.797, оп.11, д.28923, л.104 об.105.

² Рапорт Палена Николаю I от 11 сентября 1841 г. - ЦГИА Латв.ССР, ф.1, оп.12, д.254, л.1, об.; Донесение Палена Бенкендорфу от 28 июля 1841 г. - ЦГАОР СССР, ф.109, III отд., 1841., 4 эксп., д.132, л.38 об.; Донесение Палена Бенкендорфу от 3 октября 1841 г. - ЦГИА СССР, ф.797, оп.11, д.28923, л.238 об., 240 и др.

³ Отношение Бенкендорфа Протасову от 8 августа 1841 г. - ЦГИА СССР, ф.797, оп.11, д.28923, л.65 об.; Отношение Бенкендорфа Протасову от 27 июля 1841 г. - ЦГАОР СССР, ф.109, III отд., 1841, 4 эксп, д.132, л.37 об. и др.

⁴ См. напр., Обязательство крестьян мизы Правлен (Праулиена) Венденского (Цесисского) уезда священнику Рижской единоверческой церкви Д.Емельянову от 9 августа 1841 г. - "... и что мы от дня нашего перехода в Русскую церковь будем с усердием исполнять весь христианский долг и пребудем мы все в Русском законе" (ЦГИА СССР, ф.796, оп.122, д.1693, л.43 об.).

или иначе способствовало распространению слухов о выгодах православия. Вероятнее всего, что крестьянам было уже достаточно обещаний Иринарха об отправлении их просьб царю¹, чтобы связать улучшение своего материального положения с "царской милостью", которая явится им вслед за переходом в православное вероисповедание. В конце августа 1841 года епископ Иринарх даже откровенно признался в том, что принятием прошений крестьян он и православное духовенство способствовало росту движения². Не исключена также возможность, что части крестьян мысль о том, что православное духовенство может ходатайствовать об изменении их положения только в том случае, если они станут членами их паствы, была прямо или косвенно подсказана самим духовенством. Например, рижский епископ Иринарх в своем донесении обер-прокурору Синода Н.А.Протасову от 12 июля 1841 года рассказал о визите к нему группы крестьян Венденского (Песисского) уезда. Во время приема крестьяне описали ему свое тяжелое положение, попросив Иринарха ходатайствовать перед начальством об его улучшении, а в благодарность за его хлопоты пообещали принять православие. В конце Иринарх "... приняв их прошение ... посоветовал им немедленно возвратиться в свои мызы, заниматься своими работами и быть в послушании помещикам, уверив их, что как скоро правительство узнает об их положении и жалобии (т.е. перейти в православие - А.Г.), непременно обратит на них должное внимание"³.

¹ Предложение Н.А.Протасова Св.Синоду от 14 октября 1841 г.- ЦГИА СССР, ф.797, оп.11, д.28923, лл.246,246 об.

² Донесение Иринарха Протасову от 29 августа 1841 г.- ЦГИА СССР, ф.797, оп.11, д.28923, л.123.

³ Донесение Иринарха Протасову от 12 июля 1841 г.- ЦГИА СССР, Там же.- Лл.4.

Нужно отметить, что участие рижского православного духовенства в волнениях прибалтийского крестьянства в 1841 года сыграло только на руку остзейским помещикам. Было моментально забыто, что крестьянское движение началось значительно ранее первого визита крестьян к епископу Иринарху, забыты сообщения о голодающих уездах, свидетельства самих остзейских помещиков, что "... состоявшиеся происшествия были одним только последствием недовольствия крестьян с хозяйственным их соотношением"¹, были забыты даже "нелепые слухи" с переселением во внутренние губернии России. Начиная с середины июля 1841 года прибалтийский генерал-губернатор М.И.Пален регулярно доносил в Петербург, что крестьянское движение продолжается только по вине православного духовенства². Такая позиция, несомненно, была выгодна как губернским властям, так и всему остзейскому дворянству в целом, так как снимало с них ответственность за несовершенство аграрных отношений в Прибалтике, за рост феодально-барщинной эксплуатации, за тяжелое социально-экономическое положение местного крестьянства и отвлекала внимание правительства от истинных причин крестьянских волнений. "Виновник" крестьянского движения был найден, в Лифляндской губернии было бы сохранено спокойствие, так как губернские власти приняли для этого своевременно все необходимые меры³, если бы не действия право-

¹ Письмо Палена Бенкендорфу от 31 июля 1841 г. - Объяснение по поводу письма графа Сиверса Николаю I. - ЦГАОР СССР, ф.109, III отд., 1841, 4 экз., д.146, л.3.

² Донесение Палена Бенкендорфу от 15 июля 1841 г. - ЦГАОР СССР, ф.109, III отд., 1841, 4 экз., д.132, л.11; Донесение Палена Бенкендорфу от 22 июля 1841 г. - Там же, л.32, 32 об.; Донесение Палена Бенкендорфу от 28 июля 1841 г. - Там же, л.38; Донесение Палена Строганову от 28 июля 1841 г. - ЦГИА СССР, ф.1286, оп.8, д.240, ч.1, л.47-47 об. и др.

³ Рапорт Палена Николаю I от 11 августа 1841 г. - ЦГИА СССР; ф.797, оп.11, д.28923, л.91.

славного духовенства и епископа Иринарха, которые принимали крестьянские прошения, написанные "... под влиянием ... духовенства" и содержащие "... в себе жалобы на помещиков"¹, между тем как прибалтийское крестьянство никак нельзя назвать нуждающимся². Более того, во второй половине сентября 1841 года даже епископ Иринарх, чувствуя, что его усилия по увеличению числа православных в прибалтийских губерниях не встретили поддержки не только в правительстве, но даже в Синоде, забыв о том, как два месяца назад убедительно доказывал, что причина крестьянского переселенческого движения - не в "ложных слухах", а в безжалостной эксплуатации помещиками, недостатке продовольствия, во свирепствующем голоде³, полностью отрекся как от своих слов, так и своего сочувствия бедственному положению крестьян, написав обер-прокурору Синода, что "... мысль о переселении не есть общая между крестьянами и не так сильна, как она могла представиться по первым их просьбам... Многие из них находятся в состоянии довольно хорошем и почли бы за великое несчастье для себя, если бы правительство решилось переселить их куда-либо"⁴. Этим Иринарх попытался доказать, что в православии толкали крестьян не надежды на улучшение и без того обеспеченного социально-экономического положения, а чисто "религиозные потребности"⁵. Такая кардинальная перемена во взгляде епископа Иринарха на крестьянские волнения 1841 года в сентябре

¹ Рапорт Палена Николаю I от 11 сентября 1841 г. - ЦИА Латв.ССР, ф.1, оп.12, д.254, л.8 об.

² Донесение Палена Бенкендорфу от 31 июля 1841 г. - ЦГАОР СССР, ф.109, III отд., 1841 г., 4 экз., д.146, л.7 об.

³ Донесение Иринарха Протасову от 17 июля 1841 г. - ЦИА СССР, ф.797, оп.11, д.28923, л.15-21.

⁴ Донесение Иринарха Протасову от 19 сентября 1841 г. - Там же, л.187 об.

⁵ Там же. - Лл.187-187 об.

неудивительна : он уже получил строгий выговор Синода и понимал, что этим его наказание может не ограничиться, поэтому любой ценой, даже путем отказа от всех своих прежних воззрений на причины крестьянского движения 1841 года старался оправдать свои действия в июле-августе 1841 года. Епископ Иринарх стоял перед выбором : или продолжать отстаивать точку зрения о социально-экономических причинах крестьянского движения и, тем самым, сознаться в том, что переход в православие - только форма, а не содержание движения и не о какой "духовной устремленности" крестьян не может быть и речи, или же, не чувствуя явного противоречия в своих суждениях, настаивать на религиозном характере движения, тем самым невольно признавая свою вину в распространении крестьянских волнений. Видимо, второе он посчитал более безопасным¹. По распоряжению Николая I от 5 октября, основанном на рапорте флигель-адъютантов Урусова и Бутурлина, Иринарх был снят с должности рижского епископа² и 12 октября в сопровождении специально команди-

¹ Интересно отметить, что в ноябре 1841 г. во Псков к епископу Иринарку, который ожидал там окончания следствия Синода по своему делу, снова явились с прошением крестьяне Лифляндской губернии. В то время, как Иринарх пытался доказать Синоду о "религиозных потребностях" прибалтийского крестьянства, 2 крестьянина мызы Вальгута (Валгута) Дерптского (Тартуского) уезда со списками 600 эстонских крестьян подали Иринарку "... жалобу о стеснительном своем положении ... показали, что как они, так и все значущиеся по спискам крестьяне до того ограничены участками пахотной земли и стеснены увеличившимися господскими работами, что не могут даже приобретать себе дневное пропитание". Иринарх приказал проводить этих крестьян в полицию.- Рапорт полковника Конкевича Начальнику I округа корпуса жандармов Полозову от 28 ноября 1841 г.- ЦГАОР СССР, ф.109, III отд., 1841, 4 экзп., д.215, лл.2-3.

² Доклад Протасова Николаю I от 3 октября 1841 г.- ЦГИА СССР, ф.797, оп.II, д.28923, л.201.

рованного из Петербурга чиновника Синода Скрипицына выехал из Риги во Псков¹. Он и рижское православное духовенство были обвинены "... не только в поводе к волнению между лифляндскими крестьянами, но и в самом продолжении оного различными неосновательными внушениями крестьянам, тайным записыванием их в православие, вопреки собственного их желания и принятием от них прошений по сему предмету"². Следствие, предпринятое Синодом по делу епископа Иринарха, нашло, что он поступил "... неосмотрительно и неправильно, принимая от лифляндских крестьян прошения о присоединении к православной церкви и вместе о переселении в другой край ... тем самым затруднилось впоследствии принятие прошений и об одном присоединении к православию"³, но за это он уже получил строгий выговор Синода, поэтому дело было признано оконченным⁴. По предложению М.И.Палена, переданному через шефа жандармов А.Х.Бенкендорфа Николаю I, 8 октября 1841 года Синод принял решение о незаконности всех прошений, поданных прибалтийскими крестьянами епископу Иринарху и рижскому православному духовенству и запретил "... всякое присоединение иноверцев в Лифляндии впредь до особого повеления"⁵, т.е. на неопределенный срок. Таким образом, несмотря на то, что епископ Иринарх и рижское православное духовенство были офи-

¹ Доклад Протасова Николаю I от 19 октября 1841 г.- ЦИА СССР, ф.797, оп.11, д.28923, лл.253-253 об.

² Определение Св.Синода от 8 октября 1841 г.- Там же, л.228.

³ Доклад Протасова Николаю I от 8 ноября 1841 г.- Там же, лл.260 об.- 261.

⁴ Иринарх был переведен острожским епископом в Воронеж. Рижские священники М.Заволоцкий, Фасанов и Погонялов, также проходившие по этому делу, были оправданы и получили места в Петербурге и Петербургской епархии.- Там же, лл.262-263.

⁵ Доклад Протасова Николаю I от 8 октября 1841 г.- Там же, лл.242 об. 243.

циально оправданы, тем не менее их действия в августе 1841 года были признаны незаконными, а сам переход прибалтийских крестьян в православие строго запрещен. Для понимания столь противоречивого решения правительства по делу римского православного духовенства необходимо проанализировать позицию царского самодержавия как по отношению к крестьянскому движению 1841 года в Прибалтике в целом, так и, в частности, к попыткам прибалтийских крестьян в 1841 году перейти в православное вероисповедание.

1.4. Отношение царского правительства к крестьянскому движению 1841 года в Прибалтике

На основе анализа архивных материалов представляется возможным проследить эволюцию отношения царского правительства к крестьянскому движению 1841 года в Прибалтике и, прежде всего, позиций шефа жандармов с 1826 по 1844 гг. А.Х.Бенкендорфа, оберпрокурора Синода с 1836 по 1855 гг. Н.А.Протасова, управляющего делами МВД в 1839-1841 гг. А.Г.Строганова, министра внутренних дел с 21 октября 1841 года по 1852 год Л.А.Перовского и, наконец, самого Николая I. Этот анализ позволяет сделать предположение, что царизм к такой форме крестьянского движения в Прибалтике, как попытки перехода в православие, был неподготовлен, к тому же слишком явно сквозь религиозную оболочку движения проступало его социально-экономическое содержание. Позиция А.Х.Бенкендорфа в событиях 1841 года предельно ясна: он не только одобрял все репрессивные меры Палена против непокорных крестьян, разделяя его точку зрения, что виновником волнений прибалтийского крестьянства в 1841 году являлось православное духовенство¹, но даже требовал еще более жестких

¹ Напр., в августе 1841 г. он доложил Николаю I, что, по его мнению, волнения прибалтийского крестьянства продолжаются из-за "... потворства епископа" Иринарха желаниям крестьян. - ЦГА СССР, ф.797, оп.11, д.28923, л.65 об.

мер по подавлению народного движения. Это вполне отвечало самой сущности III отделения - карательного органа власти, созданного для борьбы с революционным и общественно-политическим движением, со всякого рода "крамолой"¹. Видимо, не последнюю роль в действиях Бенкендорфа в 1841 году и нападках на православное духовенство Риги сыграли и его личные симпатии к остзейскому дворянству. Он, разумеется, понимал, что усиление позиций православной церкви в Прибалтике в значительной мере может ущемить привилегии остзейского дворянства, яростным защитником которых Бенкендорф был на протяжении всего времени пребывания на посту шефа жандармов. Например, в марте 1842 года А.Х.Бенкендорф сделал замечание М.И.Палену за то, что лифляндским дворянством был принят к обсуждению проект об участии в заседаниях ландтагов городских депутатов, подчеркнув, что он не может "... скрыть крайнего удивления ..., видя, что дворянство действует к явному нарушению своих привилегий"². А.Х.Бенкендорф постоянно требовал от Н.А.Протасова, чтобы Синод внушил епископу Иринарху, что он действует "неосторожно", даже "неприлично", так как "... из желания привлечь к православной церкви человек десятков, ничтожных ... он жертвует спокойствием целого края, не обращая внимания даже на то, что эти люди вовсе не изъявляют желания присоединиться к православию"³. Осенью 1841 года Бенкендорф сам приехал в Ригу, где на встрече с лифляндским дворянством, давая понять, что по его мнению, не аграрные отношения явились причиной крестьянского движения в Прибалтике, заявил, что в волне-

¹ Державина Т.Г. III отделение и его место в системе государственного строя абсолютной монархии в России (1826-1855): Автореф. канд. дисс. на соиск. учен. степ. канд. истор. наук. - М., 1973. - С.15.

² Предписание Бенкендорфа Палену от 6 марта 1842 г. - ЦИА Латв. ССР, ф.1, оп.12, д.254, л.107.

³ Отношение Бенкендорфа Протасову от 27 июля 1841 г. - ЦГАОР СССР, ф.109, III отд., 1841 г., 4 экзп., д.132, л.37.

ниях прибалтийских крестьян виноват епископ Иринарк, который будет наказан¹. И даже в разногласиях М.И.Палена с управляющим делами МВД А.Г.Строгановым Бенкендорф неизменно брал сторону прибалтийского генерал-губернатора. Например, когда Пален в начале августа 1841 года предложил А.Г.Строганову собрать в Риге представителей "всех крестьянских обществ", которые ранее просили переселения, и заставить епископа Иринарка в присутствии члена губернского правления объяснить им лично "происшедшее недоразумение". Строганов посчитал эту меру "бесполезной и ненужной"². А.Х.Бенкендорф 8 августа опроверг решение Строганова, выступил в поддержку Палена и доложил об этом Николаю I³. Более того, Бенкендорф в октябре 1841 года дал распоряжение Палену, чтобы последний все материалы о крестьянском движении отсылал непосредственно в III отделение, минуя МВД⁴. Н.А.Протасов, судя по всему, поддерживал позицию Иринарка в укреплении влияния православной церкви в Прибалтике, однако, понимая из донесений епископа, что движение носит социально-экономический, а не религиозный характер, воздерживался от каких-либо решительных действий, полагаясь на стихийное развитие событий. Достаточно отметить, что почти на протяжении трех недель - с 10 по 30 июля, Протасов не отвечал епископу Иринарку на его донесение о первом визите прибалтийских крестьян. И только после то-

¹ Рапорт Палена Николаю I от 15 октября 1841 г. - ЦГИА СССР, ф.1286, оп.8, д.240, ч.1, л.281.

² Отношение Строганова Протасову от 3 августа 1841 г. - ЦГИА СССР, ф.797, оп.11, д.28923, лл.37-37 об.

³ Отношение Бенкендорфа Протасову от 8 августа 1841 г. - Там же. - лл.65-65 об.

⁴ Донесение Палена Строганову от 8 октября 1841 г. - ЦГИА СССР, ф.1286, оп.8, д.240, ч.11, л.13.

го, как все донесения Иринарха он передал Николаю I, который распорядился запретить рижскому епископу принимать крестьянские прошения с жалобами на притеснения помещиков и просьбами о переселении, Протасов ответил Иринарху¹. Во всех распоряжениях Н.А.Протасова по делу епископа Иринарха чувствовалась какая-то нерешительность: с одной стороны, Протасов, выполняя указания Николая I, предпринял в Синоде следствие над бывшим рижским епископом, т.е. тем самым согласился с его виновностью в распространении крестьянского движения, а, с другой, - по окончании следствия не только оправдал действия Иринарха в августе 1841 года, но даже перевел его на другое место без понижения в должности². С первых донесений прибалтийского генерал-губернатора М.И.Палена в июле 1841 года по середину августа 1841 года управляющий делами МВД А.Г.Строганов также придерживался сравнительно выжидательной позиции. Видно, он еще не совсем разобрался в сути событий в Прибалтике, поэтому, полагаясь на донесения Палена, был инициатором запрещения Николаем I от 28 июля рижскому епископу Иринарху принимать крестьян с прошениями о переселении и жалобами на помещиков³. 14 августа А.Г.Строганов заметил обер-прокурору Синода, без каких-либо комментариев со своей стороны, что, по мнению М.И.Палена, причина крестьянских волнений в Прибалтике в том, что рижское пра-

¹ Предписание Протасова Иринарху от 30 июля 1841 г. - ЦИА ССР, ф.797, оп. II, д.28923, лл.34-35.

² Доклад Протасова Николаю I от 8 ноября 1841 г. - Там же. - лл.260.-263.

³ Предписание Протасова Иринарху от 30 июля 1841 г. - Там же. - лл.34-35.

вославленное духовенство не перестает принимать у себя крестьян¹. Однако уже к середине августа позиция управляющего делами МВД достаточно четко определилась². Начиная с этого времени А.Г.Строганов в своих распоряжениях Палену постоянно подчеркивал, что причина волнений в Прибалтике - не в том, что крестьяне ходили к епископу Иринарку с прошениями, а бедственное положение прибалтийского крестьянства, которому Пален должен уделить самое пристальное внимание³. 21 августа, по предложению А.Г.Строганова, распоряжение прибалтийскому генерал-губернатору, чтобы он "... обратил строгое внимание на предмет жалоб крестьян на недостаток продовольствия", дал Николай I⁴. В сентябре 1841 года А.Г.Строганов пошел даже дальше, сделав вывод, что причиной крестьянского движения в Прибалтике являлись несовершенные аграрные отношения, "злоупотребления" помещиков⁵. На основании такого заключения Строганов предложил М.И.Палену включить в состав комиссии лифляндского дворянства "для рассмотрения отношений крестьян к владельцам" чиновников МВД⁶, иначе говоря, предпринял попытку

¹ Отношение Строганова Протасову от 1⁴ августа 1841 г. - ЦИА СССР, ф.797, оп.11, д.28923, л.79.

² Вероятно, этому способствовало то, что к Строганову стекались не только донесения Палена, но и все донесения Иринарка Протасову и крестьянские прошения Иринарку, которые, по распоряжению Николая I, Протасов должен был передавать в МВД, т.е. достаточно обширный материал о крестьянском движении в Прибалтике.

³ ЦИА СССР, ф.1286, оп.8, д.240, лл.116 об., 117, 126-127, 154; ЦИА Латв.ССР, ф.1, оп.12, д.254, л.6.

⁴ Донесение Палена Строганову от 3 сентября 1841 г. - ЦИА СССР, ф.797, оп.11, д.28923, л.141 об.

⁵ Предписание Строганова Палену от 23 сентября 1841 г. - ЦИА Латв.ССР, ф.1, оп.12, д.254, л.31.

⁶ Там же.

установления контроля за действиями остзейского дворянства со стороны МВД, 21 октября 1841 года министром внутренних дел стал Л.А.Перовский, который, по словам Ю.Ф.Самарина, прослыл "... заклятым врагом остзейцев"¹. И, в самом деле, Перовский полностью разделял точку зрения А.Г.Строганова о несовершенстве аграрных отношений в Прибалтике, как причине волнений крестьянства в 1841 году. Более того, все попытки М.И.Палена свалить вину за рост волнений на православное духовенство, новый министр внутренних дел пресекал и в ответ давал распоряжения прибалтийскому генерал-губернатору выяснить степени "... недостатка у них (крестьян) в пропитании, принять нужные меры"². По мнению Перовского "... чувство стесненного положения ливонских крестьян и неудовлетворения их против помещиков едва ли не всеобщее"³, поэтому необходимо как можно скорее "... негласным впрочем для крестьян образом ... определить отношения тамошних крестьян к владельцам поместий ... чтобы к началу весны можно было привести в действие хотя временные облегчительные для крестьян меры"⁴, а то, в противном случае "... с открытием весны многие крестьянские общества явно будут уклоняться от своих обязанностей"⁵. Однако в одном и Л.А.Перовский, и А.Г.Строганов полностью соглашались с А.Х.Бенкендорфом и М.И.Паленом - в необходимости самых строгих, решительных мер против непокорных крестьян. Поэтому, хотя Перовский и считал все заявления Палена о подстрекательстве крестьян к волнениям со стороны православного духовенства "... к сущности дела не относящи-

¹ Самарин Ю.Ф. Сочинения. - Т.10.-М., 1896.- С.439.

² Предписание Перовского Палену от 6 декабря 1841 г.- ЦГАОР СССР, ф.109, III отд., 1841 г., 4 экзп., д.215, л.33 об.

³ Предписание Перовского Палену от 22 января 1841 г.- ЦИАИ ?
Латв.ССР, ф.1, оп.12, д.254, л.61 об.

⁴ Там же.- л.63 об.-64.

⁵ Там же.- л.62.

мися обстоятельствами"¹, тем не менее министр внутренних дел полностью оправдывал как все, в целом, полицейские меры, предпринимаемые губернским правлением летом 1841 года в Риге, так и в частности, репрессии рижской полиции против приходивших в город в августе 1841 года к православному духовенству прибалтийских крестьян². Что касается мнения самого Николая I, то создается впечатление, что в начале, после получения первых донесений о волнениях в Прибалтике, он придерживался позиции А.Х.Бенкендорфа и М.И.Палена, подтвержденной в конце сентября рапортом флигель-адъютантов Урусова и Бутурлина³, поэтому дал распоряжение о запрещении епископу Иринарху принимать крестьян с прошениями, распорядился о снятии Иринарха с рижской кафедры, санкционировал следствие по делу бывшего рижского епископа. После донесения М.И.Палена от 16 сентября о волнениях крестьян на мызе Ней-Беверсгоф (Лундбери) Рижского уезда Николай I приказал "... действовать осторожно, но с должной настойчивостью и строгостью, обращая особое внимание на отделение ... зачинщиков для предания их военному суду"⁴. Однако уже осенью - зимой 1841 года Николай I склонялся к мнению А.Г.Строганова, а затем Л.А.Перовского о социально-экономических причинах волнений прибалтийских крестьян, поддерживал предложение Перовского о скорейшем решении остзейскими помещиками аграрного вопроса в Прибалтике⁵. В январе 1842 года Николай I, по предложению ми-

¹ Предписание Перовского Палену от 22 января 1841 г. - ЦИА Латв. ССР, ф. I, оп. I2, д. 254, л. 62 об.

² Отношение Перовского Протасову от 18 февраля 1842 г. - ЦИА СССР, ф. 797, оп. II, д. 28923, лл. 271-272.

³ Всенподданейший рапорт флигель-адъютантов е.и.в. полковника князя Урусова и Бутурлина 4-го от 24 сентября 1841 г. - Там же, лл. 208-210.

⁴ ЦИА СССР, ф. 1286, ф. I2 оп. 8, д. 240, ч. I, л. 192.

⁵ Предписание Перовского Палену от 22 января 1841 г. - ЦИА Латв. ССР, ф. I, оп. I2, д. 254, лл. 63 об.-64.

министра внутренних дел, сделал замечание прибалтийскому генерал-губернатору М.И.Палену, назвав его попытки свалить вину за новые всплески волнений в Прибалтике на епископа Иринарха "не заслуживающими никакого уважения"¹. Несомненно, что и А.Г.Строганов и Л.А.Перовский, и Николай I выступали за укрепление позиций православной церкви в Прибалтике, это полностью отвечало интересам царского самодержавия, которое всегда считало, что "... возможное содействие к широкому распространению православной веры ... является одной из главных задач плодотворной национальной внутренней политики"², именно поэтому и были сняты все обвинения против действий рижского православного духовенства в 1841 году. Однако попытки перехода прибалтийских крестьян в православие летом 1841 года явно застали царское правительство врасплох, к тому же религиозная окраска движения носила настолько искусственный характер, что не могла скрыть его ярко выраженного социально-экономического содержания. Этим, а также боязнью широкого народного выступления и объясняется откровенная нерешительность, а иногда даже непоследовательность действий царского правительства в 1841 году как по отношению к рижскому православному духовенству, так и по вопросу о переходе прибалтийских крестьян в православие. В одном же царское самодержавие всегда выступало единым, сплоченным фронтом - в необходимости самых строгих и беспощадных мер против непокорных крестьян. Царская администрация, прибалтийские немецкие помещики были составной частью одного эксплуататорского органа власти, поэтому, даже вступая в некоторые разногласия, не теряли своей классовой

¹ ЦГИА Латв.ССР; ф.1, оп.12, д.254, л.62 об.

² Из архива князя С.В.Шаховского // Материалы для истории недавнего прошлого Прибалтийской окраины (1885-1894 гг.). - СПб, 1910. - Т.III. - С.32.

сущности и перед лицом массовых антифеодалных крестьянских движений тесно сплачивались для подавления народа. Именно поэтому царское правительство не только санкционировало все репрессивные меры губернских властей по подавлению крестьянских волнений в Прибалтике, но и предоставило местной администрации осенью 1841 года полную свободу в выборе способов борьбы с крестьянским движением.

1.5. Подавление выступлений латышского и эстонского крестьянства 1841 года

Репрессии начала августа 1841 года только ожесточили крестьян, борьба в Лифляндской губернии приняла более острый характер. Повсеместно крестьяне отказывались от выполнения барщинных повинностей, а в отдельных местах Лифляндской губернии, по словам М.И.Палена, крестьяне "... угрожая убийством помещиков, явно уже объявили, что если и не дойдет до переселения в другие губернии, однако на будущее время помещичьи земли будут принадлежать им в собственность и разделяться между ними"¹. На протяжении августа 1841 года чуть ли не из всех уездов Лифляндской губернии в губернское правление постоянно поступали полные панического страха доклады местного дворянства о том, что крестьянами "... изъясняются угрозы, предвещающие не что иное, как кровопролитную развязку, которая состояться будет осенью сего года в один и тот же день по всей губернии и которая одним ударом переменить должна существующий порядок"². События в Вессельгофе (Веселава) и непрерывные донесения прибалтийского генерал-губернатора Палена об угрозах

¹ ЗАПОРТ Палена Николаю I от 11 августа 1841 г. - ЦИА СССР, ф.797, оп.11, д.28923, л.91.

² Донесение Палена Строганову от 8 августа 1841 г. - Из донесения председателя следственной комиссии Гагемейстера. - ЦИА СССР, ф.1286, оп.8, д.240, ч.1, л.96.

"явного возмущения", даже провозролития"¹ подействовали на царское правительство. Перед лицом народного "бунта" все колебания в выборе тактики действий кончились. Была официально санкционирована открытая расправа над непокорными крестьянами, а в Лифляндскую губернию введены регулярные воинские части. Уже 25 августа 1841 года по губернии были размещены шесть рот Шлиссельбургского егерского полка в количестве 700 человек. В конце сентября 1841 года в Дерпт (Тарту) прибыл дивизион казаков (363 человека), направленный в непосредственное распоряжение Палена "по случаю возникших волнений между крестьянами в Лифляндской губернии"³. Еще ранее были усилены штаты инвалидных воинских команд и полиции уездных городов Лифляндской губернии⁴. Всего же на протяжении осени 1841 года в Лифляндской губернии было сосредоточено два егерских полка (Шлиссельбургский и Ладужский) и дивизион казаков⁵.

¹ Донесение Палена Бенкендорфу от 28 июля 1841 г. - ЦГАОР СССР, ф.109, III отд., 1841 г., 4 эксп., д.132, л.39 об.

² В Вендене (Цесисе), Валке, Дерпте (Тарту), а также в Вольмарском (Валмиерском) и Рижском уездах. - Донесение Палена Строганову от 3 сент.1841 г. - (ЦИА СССР, ф.797, оп.11, д.28923, л.138); Рапорт командира Шлиссельбургского егерского полка Фелькерзаму от 25 августа 1841 г. - ЦИА Латв.ССР, ф.3, оп.1, д.1791, лл.48-49.

³ Штаб отдельного гвардейского корпуса - Фелькерзаму от 24 сент., 1841 г. - Там же. - лл.121-123.

⁴ Предписание Фелькерзама окружному генералу I округа отдельного корпуса внутренней стражи от 26 июня 1841 г. - Там же, л.16; Из I отделения I округа отдельного корпуса внутренней стражи Фелькерзаму от 30 июня 1841 г. - Там же. - л.23.

⁵ Донесение Палена Строганову от 16 сентября 1841 г. - ЦИА СССР, ф.1286, оп.8, 1841 г., д.240, ч.1, л.189; Донесение Палена Бенкендорфу от 22 декабря 1841 г. - ЦГАОР СССР, ф.109, III отд., 1841 г., 4 эксп., д.215, л.18 об.

Так как начиная со второй половины августа 1841 года крестьяне уже не подавали письменных прошений, представляется достаточно сложным проследить дальнейшую эволюцию субъективной формы крестьянского движения в Прибалтике осенью-зимой 1841 года. Судя по донесениям уездных и губернских властей, в отдельных местах Лифляндской губернии и в сентябре-октябре 1841 года крестьяне все еще продолжали надеяться улучшить свое материальное положение через перемену вероисповедания¹, между тем "... о переселении же между ними ныне речь идет менее, нежели о приобретении в собственность без всяких повинностей господских земель"². Однако, учитывая, что, как уже было доказано выше, остзейскому дворянству было выгодно переложить вину за распространение волнений на православное духовенство, донесения уездных и губернских властей о продолжающемся "ослеплении крестьян, возбужденном действиями здешнего православного духовенства"³, представляются, несомненно, тенденциозными. Но, разумеется, что такой искусственной мерой, как запрещением православному духовенству принимать крестьян, социаль-

¹ Донесение Палена Строганову от 3 сентября 1841 г. — ЦГИА СССР, ф.797, оп.11, д.28923, л.139 об.; Рапорт Палена Николаю I от 11 сентября 1841 г. — ЦГИА Латв.ССР, ф.1, оп.12, д.254, л.1 об.; Донесение Палена Бенкендорфу от 2 декабря 1841 г. — ЦГАОР СССР, ф.109, III отд., 1841 г., 4 эксп., д.215, л.4; Донесение Палена Бенкендорфу от 14 декабря 1841 г. — Там же, л.7, 7 об.; Донесение рингенского (Рынту) пастора Христиани лифляндской евангел.-лютеранской консистории от 13 декабря 1841 г. — ЦГИА Латв.ССР, ф.233, оп.3, д.1719, л.9 и др.

² Донесение Палена Строганову от 3 сентября 1841 г. — ЦГИА СССР, ф.797, оп.11, д.28923, л.138.

³ Донесение Палена Строганову от 12 сентября 1841 г. — ЦГИА СССР, ф.1286, оп.8, 1841 г., д.240, ч.1, л.179, 179 об.

но-экономическое по своему содержанию крестьянское движение остановить было невозможно. Поэтому можно предположить, что слухи о возможности улучшения своего материального положения через переход в православие, которые сравнительно быстро распространились среди прибалтийских крестьян в августе 1841 года, могли иметь место и осенью-зимой 1841 года. Это подтверждается фактами столкновений с правительственными войсками в сентябре 1841 года в ряде имений, крестьяне которых в июле-августе 1841 года были на приеме у римского православного духовенства. Следует отметить, что все эти столкновения были вызваны, как правило, попытками местных властей арестовать "зачинщиков" волнений, чему крестьяне стихийно, сравнительно большими группами, пытались противостоять. В начале сентября 1841 года, когда Дерптский (Тартуский) ордуунгерихтер¹ попытался с помощью роты Шлиссельбургского полка задержать "зачинщиков" крестьянских волнений на мызе Гейлигензе (Пунаярве) Дерптского (Тартуского) уезда, более 50 крестьян, вооруженные кольями, сделали попытку помешать ему, однако под натиском солдат крестьяне разбежались. В результате столкновения 10 крестьян было арестовано². 13 сентября крестьяне мызы Нейгаузен (Вастселина) Верровского (Вырусского) уезда, вооруженные камнями и кольями, более 2 верст преследовали конвой, арестовавший одного из крестьянских возжакон - крестьянина этого же имени Яна Сакса³. 12 сентября группа крестьян Дерптского (Тартуского) уезда, возвратившись из Риги,

¹ земский капитан - исправник

² Рапорт командира 4 батальона Шлиссельбургского егерского полка Маслова Фелькерзаму от 11 сентября 1841 г. - ЦИА Латв.ССР, ф.3, оп.1, д.1791, л.93; Рапорт Маслова Фелькерзаму от 15 сентября 1841 г. - Там же. - л.104.

³ Донесение Палена Строганову от 16 сентября 1841 г. - ЦИА СССР, ф.1286, оп.8, 1841 г., д.240, ч.1, лл.188 об.-189.

не заходя домой, переселилась в леса, а при попытке переселить их обратно, оказала сопротивление¹. Однако самое крупное столкновение прибалтийских крестьян с войсками осенью 1841 года произошло на мызе Ней-Беверсгоф (Лундбери) Рижского уезда². 10 сентября 1841 года заседатель рижского ордунгсгерихта³ Транзе и комиссар Гельман попытались с помощью 10 солдат арестовать крестьянина этой мызы Виллума Прейса. По дороге они были атакованы 50 крестьянами с кольями, которые оттеснили солдат и повалили Гельмана на землю. Солдатам удалось скрыться в имении, но крестьяне блокировали все дороги, и только с большим трудом Транзе удалось бежать в Ригу⁴. По распоряжению прибалтийского генерал-губернатора М.И.Палена 27-30 сентября 1841 года для усмирения "ней-беверсгофского мятежа" были двинуты 5 рот Шлиссельбургского полка и 50 казаков⁵. Еще ранее, в августе 1841 года, лифляндское губернское правление, опасаясь вооруженных выступлений прибалтийского крестьянства, запретило продажу пороха крестьянам губернии⁶. В связи

¹ Донесение Палена Строганову от 16 сентября 1841 г. - ЦГИА СССР, ф.1286, оп.8, 1841 г., д.240, ч.1, лл.199-199 об.

² Интересно отметить, что 9 августа 1841 г. представители крестьян мызы Ней-Беверсгоф (Лундбери) приходили в Ригу к православному духовенству. - Там же. - ф.797, оп.122, д.1693, лл.21-22.

³ Земского суда.

⁴ Донесение Палена Строганову от 16 сентября 1841 г. - ЦГИА СССР, ф.1286, оп.8, 1841 г., д.240, ч.1, лл.188-189.

⁵ Там же. - Д.240, ч.11, лл.14-15 об. Для устрашения крестьян в Ней-Беверсгофе был размещен батальонный штаб Шлиссельбургского полка. - Рапорт главного смотрителя провиантных магазинов по Лифляндии Эрнст Фелькерзаму от 26 октября 1841 г. - (ЦГИА Латв.ССР, ф.3, оп.1, д.1791, л.159).

⁶ Донесение Палена Строганову от 21 сентября 1841 г. - ЦГИА СССР, ф.1286, оп.8, 1841 г., д.240, ч.1, л.215 об.

с событиями в Ней-Беверсгофе (Яунбебри) Николай I дал распоряжение Палену об утверждении в Лифляндской губернии военных судов, причем приговоры суда утверждались генерал-губернатором и в 24 часа приводились в исполнение¹. При попустительстве царского самодержавия остзейскому дворянству были развязаны руки. Началась кровавая расправа над крестьянами. По указу Николая I от 7 ноября 1841 года все "виновные" в крестьянских волнениях были преданы военным судам², по приговорам которых, утвержденных Паленом в декабре 1841 года, более ста крестьян были публично подвергнуты телесным наказаниям шпицрутенами и палками с последующей ссылкой в Сибирь или отдачей в арестантские роты и рекруты³. Среди них были как крестьяне миз Гейлигензе (Пунаярве), Ней-Беверсгоф (Яунбебри) и Вессельгоф (Веселава), так и крестьяне соседних имений, принявшие участие в волнениях - миз Одзен (Одзиена), Алтбеверсгоф (Вецбебри), Кокенгузен (Кокнесе), Огер (Огресмуйжа), Адеркас (Адеркаши) и др.⁴. Публичное наказание должно было, по словам М.И.Палена, подействовать "... на образумление поселян"⁵. Однако на протяжении всего декабря 1841 года случаи неповиновения крестьян местным властям и попытки составления прошений наблюдались еще в Феллинском (Вильяндском), Дерптском (Тартуском), Верровском (Вируском), Вольмарском (Валмиерском) уездах⁶. В Вольмар-

¹ ЦГИА СССР, ф.1286, оп.8, 1841 г., д.240, ч.1, лл.263-263 об.

² Там же.- д.240, ч.11, л.57.

³ Там же.- лл.96-98 об.

⁴ Krodznieks J. Zemnieku pamieri 1841.gada.R., 1922, 90.-96, 101-103. 1pp.

⁵ Донесение Палена Бенкендорфу от 18 ноября 1841 г.- ЦГИА Латв.ССР, ф.1, оп.12, д.254, л.41.

⁶ Донесение Палена Бенкендорфу от 2 декабря 1841 г.- Донесение от 14 декабря 1841 г.; Донесение от 22 декабря 1841 г.- ЦГАОР СССР, ф.109, III отд., 1841 г., 4 эксп., д.215, лл.4, 7-8, 18-19; Донесение Раиденского (Ранну) пастора Г.Дамфа лифляндской консистории от 16 декабря 1841 г.-ЦГИА Латв.ССР, ф.233, оп.3, д.1720, л.1.

ском (Валмиерском) уезде крестьяне снова попытались двинуться со своими просьбами к рижскому православному епископу, однако с помощью батальона Шлиссельбургского егерского полка и полускадрона казаков были задержаны и подвергнуты экзекуции¹. В Дерптском (Тартуском) уезде в декабре 1841 года среди эстонских крестьян разнесся слух, что Николай I выделил всем крестьянам, которые до Нового года запишутся у рижского православного епископа, земли во внутренних губерниях России². Несмотря на то, что Лифляндская губерния была наводнена войсками³, вспышки крестьянских волнений, особенно в эстонской части губернии, продолжались и в начале 1842 года⁴. Крестьянское движение было подавлено, однако недовольство крестьян своим социально-экономическим положением оставалось и могло прекратиться только в том случае, "... если только дворяне согласятся уничтожить некоторые давнишние условия между ними и их крестьянами"⁵.

¹ Донесение Палена Бенкендорфу от 14 декабря 1841 г. — ЦГАОР СССР, ф.109; III отд., 1841 г., 4 эксп., д.215, л.7-8.

² Донесение Дерптского (Тарту) штаб-офицера корпуса жандармов Эренстальна Бенкендорфу от 19 декабря 1841 г. — Там же, л.15; Донесение тартуского пастора Геховена лифляндской консистории от 22 декабря 1841 г. — ЦИА Латв.ССР, ф.233, оп.3, д.1720, л.4.

³ По предложению А.Х.Бенкендорфа до 15 мая 1842 г. было продлено пребывание в Лифляндской губернии второй бригады второй гренадерской дивизии и дивизиона казаков. — Бенкендорф Чернышеву от 12 февраля 1842 г. — ЦГАОР СССР, ф.109, III отд., 4 эксп., д.215, л.10; Предписание Палена лифляндской ландратской коллегии от 7 января 1842 г. — ЦИА Латв.ССР, ф.214, оп.1, д.986, л.1.

⁴ Донесение Палена Бенкендорфу от 12 января 1842 г. — ЦГАОР СССР, ф.109, III отд., 1841 г., 4 эксп., д.215, л.73-73 об.; Донесение Палена Перовскому от 27 января 1842 г. — ЦИА Латв.ССР, ф.1, оп.12, д.254, л.65 и др.

⁵ Донесение Эренстальна Бенкендорфу от 6 февраля 1842 г. — ЦГАОР СССР, ф.109, III отд., 4 эксп., д.215, л.101 об.

Стихийный натиск латышских и эстонских крестьян в 1841 году на феодально-барщинные формы хозяйства в прибалтийских губерниях, боязнь слишком пристального внимания царского правительства к аграрным отношениям в Прибалтике, вызванного крестьянским движением 1841 года, заставили остзейское дворянство признать обоснованность жалоб крестьян на чрезмерную эксплуатацию помещиков¹ и вновь срочно заняться аграрными законопроектами. 30 марта 1842 года по инициативе М.И.Палена были изданы так называемые "22 статьи", которыми восстанавливались в Лифляндской губернии прежние закonné книги и установленные ими нормы барщины и оброка². Однако, во избежание "дурных последствий"³, "22 статьи" не были объявлены для сведения крестьян. Такая же судьба ожидала утвержденные Николаем I 23 января 1845 года "77 статей", которыми предписывалось заключение арендных контрактов на срок не менее 6 лет⁴. Даже эти, по словам самих царских чиновников "малозначащие изменения" Положения 1819 года⁵, вызванные событиями 1841 года, практически не были введены в действие остзейским дворянством, так как и их содержание крестьянам не было объявлено⁶.

¹ Всеподдан. рапорт лифл. гражд. губернатора Фелькерзама о состоянии губернии за 1841 г. - ЦИА СССР, ф.1263, оп.1, д.1485, л.352 об.; Письмо А.Раннекампа (от имени всего лифляндского дворянства) генерал-суперинтенданту Клоту от 11 августа 1841 г. - ЦИА Латв.ССР, ф.233, оп.3, д.1421, л.17.

² История Латв.ССР.- Т.1.-Р., 1952.- С.515-516.

³ Предписание Бенкендорфа Палену от 6 марта 1842 г.- ЦИА Латв.ССР, ф.1, оп.12, д.254, л.107.

⁴ История Латвийской ССР.- Т.1.-Р., 1952.- С.516.

⁵ Рапорт полковника Опочинина наследнику престола Александру от 2 ноября 1845 г.- ЦИА СССР, ф.821, оп.5, д.181, л.141.

⁶ Там же.- л.141 об.

Следовательно, анализ архивных материалов позволяет сделать вывод, что попытки перехода в православие в 1841 году были только одной из внешних форм проявления социально-экономического по своей сути крестьянского движения в Прибалтике. Причем рассматриваемая форма классовой борьбы крестьянства настолько тесно переплеталась в 1841 году с другими формами крестьянского протеста против усиления помещичьей эксплуатации - попытками крестьян переселиться в другие губернии или перейти в положение государственных, отказом от выполнения барщинных повинностей, стихийным сопротивлением действиям карательных экспедиций, что ее сравнительно сложно вычлнить. Попытки прибалтийских крестьян перейти в православие появляются только в начале августа 1841 года, то есть значительно позже начала крестьянских волнений в 1841 году в Прибалтике, в первой половине августа они принимают массовый характер, а эпизодически прослеживаются на протяжении осени 1841 года. Как подтверждает анализ крестьянских прошений рижскому православному духовенству, прибалтийское крестьянство в 1841 году практически не скрывало связи попыток перехода в православие с надеждами на улучшение своего материального положения. Именно поэтому такие искусственные меры, как запрещение рижскому православному духовенству принимать жалобы и эстонских крестьян с жалобами на помещиков, запрещение самого перехода в православие прибалтийских крестьян, снятие с должности рижского православного епископа Иринарха, не смогли остановить роста крестьянских волнений. Под нажимом крестьянского движения остзейское дворянство было вынуждено заняться пересмотром отдельных пунктов Положений 1817 и 1819 годов. Волнения прибалтийских крестьян в 1841 году были подавлены с помощью военной силы, однако причины, вызвавшие крестьянское движение не были ликвидированы. Недовольство крестьян своим социально-экономическим положением осталось, поэтому в любой момент могло вылиться в новые широкие крестьянские волнения.

Г Л А В А II

БОРЬБА ЛАТЫШСКОГО И ЭСТОНСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В 1845-1848 ГОДАХ - МАССОВЫЙ ПЕРЕХОД В ПРАВОСЛАВИЕ

2.1. Углубление классовых противоречий в Прибалтике

Волнения латышских и эстонских крестьян в 1841 году, как было рассмотрено выше, были подавлены жестокими репрессиями со стороны властей, однако аграрный вопрос не был решен, поэтому причины, вызвавшие крестьянское движение 1841 года, оставались по-прежнему наиболее острой проблемой прибалтийской деревни. Рост барщинных повинностей, предельная интенсивность помещичьей эксплуатации, отсутствие свободы передвижения, а вместе с тем и свободы хозяйственной деятельности, полуфеодальные методы наделения землей, погоня помещиков за увеличением доходов доводили прибалтийских крестьян до состояния крайней нужды¹. Социально-экономическое положение крестьян не только не улучшалось, но с каждым годом становилось все хуже. В августе 1846 года кандармский подполковник Щербачев писал из Дерпта (Тарту), удивляясь терпению латышского и эстонского народов, дежурному штаб-офицеру корпуса кандармов: "... в прошлую осень голодную, люди, снискивая пропитание и не находя оно у владельцев, скитались по лесам и болотам, роя корни и обдирая древесную кору ... с наступлением зимы толпы нищих, переходя из деревни в деревню для милостыни, умирали и замерзали по дорогам ... владельцы и арендаторы никогда не печлись и не пекутся о быте крестьян, считая их хуже собак, ибо борзые и гончие у них призрены"². В руках помещиков была сосредоточена вся судебная и полицейская власть, поэтому, по приз-

¹ Kozins M. Zemnieku kustiba Latvija XIX gs. 60. gados. R., 1958, 22. lpp.

² ЦГАОР СССР, ф. 109, III отд., 1846 г., I эксп., д. 158, л. 25 об.-26.

нению прибалтийского генерал-губернатора в 1845-1848 гг. Е.А.Головина (1782-1858), все жалобы крестьян на несправедливость и угнетение со стороны землевладельцев или не рассматривались вообще, или же решались в пользу последних¹. Он же в предписании к ливонскому губернатору 27 июня 1847 г. отмечал, что "... едва ли где-нибудь присутственные места и чиновники позволяют себе столько произвола в решениях и распоряжениях как здесь"².

И после подавления крестьянского движения 1841 г. наиболее распространенными формами классовой борьбы крестьянства были отказ от работы на барщину³, подача жалоб на произвол помещиков⁴, уход крестьян из уездов без паспортов⁵, попытки переселиться в другие, более плодородные губернии России⁶. Но события 1841 г., видимо, были еще слишком живы в памяти народа, поэтому не исчезли также и надежды прибалтийских крестьян на улучшение своего ма-

¹ Некоторые дополнения ко всеподданнейшему отчету по управлению генерала Головина Балтийским краем с мая 1845 по февраль 1848 года, относительно обнаружившегося между эстами и латышами стремления к переходу в православное вероисповедание, в опровержение ложных слухов, по предмету сему распространившихся. // Чтение в императорском обществе истории и древностей Российских при Московском Университете. - 1871. - Апрель-июнь, кн. II. - М., 1871. - С. 127.

² ЦИА СССР, ф. 821, оп. 5, д. 196, л. 53.

³ Крестьянское движение в России в 1826-1849 гг. / Под ред. А. В. Предтеченского. - М., 1961. - С. 795.

⁴ Донесение Палена Перовскому от 4 января 1842 г. - ЦГАОР СССР, ф. 109, III отд., IV экзп., д. 215, л. 40.

⁵ Всеподдан. рапорт бывшего ливонского гражд. губернатора тайного советника фон Фелькерзама от 25 февраля 1847 г. с отчетом о состоянии Ливонской губернии за 1846 г. - ЦИА СССР, ф. 1263, оп. 1, д. 1856, л. 170.

⁶ По отчету о состоянии Ливонской губернии за 1847 г. - Отчет ливонского гражданского губернатора за 1847 г. - Там же, ф. 1281, оп. 4, д. 36, л. 70.

териального положения через принятие православия. 4 августа 1842 г. к рижскому православному епископу Филарету (Гумилевскому)¹ (1805-1866) пришли на прием два латышских крестьянина мезы Ляудон (Ляудона) Венденского (Цесисского) уезда - Петер Эдельберг и Юрис Балодис с просьбой от 30 крестьян-хозяев и их семейств перейти в "веру царя"². Филарет, узнав о приходе их в Ригу, предварительно посоветовался с лифляндским губернатором Е.Фелькерзамом³, а затем, в присутствии рижского полицмейстера Языкова допросил ляудонских крестьян⁴. На вопрос Филарета, почему они хотят перейти в православие, крестьяне ответили, что "... ставя солдат, как и русские, мы посылаем детей, которые знают только по-латышски, а после опять мучатся они, чтобы знать по-русски"⁵. Разумеется, что эту причину никак нельзя было назвать каким-то особым "духовным" порывом, однако православное духовенство в своих донесениях неоднократно цитировало эти слова крестьян, стараясь убедить свое начальство в отсутствии каких-то материальных причин перехода ляудонских крестьян, повторяя, что, по словам крестьян, земля у них хорошая, "и нужд нет, нехороша только вера"⁶. В свою очередь, лютеранское духовенство, предпринявшее свое собственное расследование данного дела, обвинило православное духовенство в подстрекательстве крестьян к переходу в православие и пыталось доказать,

¹ Филарет Гумилевский был назначен рижским епископом 4 октября 1841 г., однако в Ригу он прибыл только в июне 1842 г. До этого он был ректором Московской духовной академии. - ЦГИА СССР, ф.797, оп.11, д.28923, лл.2-32.

² Донесение Филарета Протасову от 4 августа 1842 г. - Там же, оп.12, д.30743, лл.2-4, 8-9 об.

³ Там же. - лл.2-2 об.

⁴ Рапорт рижского полицмейстера Языкова Палену от 5 августа 1842 г. - Там же. - ф.821, оп.5, д.181, лл.70-70 об.

⁵ Допрос двух латышских крестьян 4 августа 1842 г. - Там же. - ф.797, оп.12, д.30743, л.8 об.

⁶ Там же. - л.8.

что лядонские крестьяне с переходом в православие надеялись освободиться от всех повинностей в пользу помещиков¹. Это же подтвердило и следствие, проведенное лифляндским губернским правлением². Епископ посоветовал лядонским крестьянам вернуться домой и ожидать ответа от начальства³. Такая осторожность в действиях Филарета вполне объяснима - перед ним стоял пример его предшественника - епископа Иринарха, который был вынужден покинуть Ригу. Об епископе Иринархе напомнил ему и прибалтийский генерал-губернатор М.И.Пален, написав Филарету в ответ на донесение о приеме им латышских крестьян, что "... опыты прошедшего года достаточно доказали, что заблужденные лживыми слухами крестьяне употребляли присоединение к православной церкви только предлогом к достижению видов своих на переселение во внутренние губернии и на получение в свою собственность земли там или даже в здешней губернии"⁴. Пален добавил, что он опасается нового волнения крестьян, поэтому считает, что Филарет не должен принимать латышских и эстонских крестьян с просьбами о переходе в православие, а отсылать их в губернское правление⁵. Уже осенью 1842 г. Пален дал распоряжение приходскому судье "иметь неустанное и тщательное наблюдение на лядонское крестьянское общество и всех участников в бывших там беспорядках"⁶. Страх перед повторением крестьянских волнений 1841 г. не покидал и шефа жандармов А.Х.Бенкендорфа, который, соглашаясь с

¹Донесение пастора Фр.Вейлиха лифляндской еванг.-лютеранской консистории от 23 сентября 1842 г.-ЦГА Латв.ССР, ф.233, оп.3, д.1840, л.3-4.

²Донесение Гагемейстера и Тизенгаузена лифляндскому губернскому правлению от 12 августа 1842 г.- Там же.- ф.3, оп.1, д.1791, л.256.

³Допрос двух латышских крестьян 4 августа 1842 г.- ЦГА СССР, ф.797, оп.12, д.30743, л.8 об.

⁴Отношение Палена Филарету от 6 августа 1842 г.- Там же, л.6 об.

⁵Там же.- л.7.

⁶Распоряжение Палена лифляндскому губернскому правлению от 29 октября 1842 г.-ЦГА Латв.ССР, ф.3, оп.1, д.1791, л.262.

мнением Палена, считал, что приемом рижским православным духовенством прибалтийских крестьян "... легко может возобновиться в этом крае возмущение, если крестьяне будут надеяться на возможность исполнения своих замыслов ... я полагал бы со своей стороны необходимым прекратить зло сие в самом начале"¹. В ноябре 1842 г. Синодом был разработан порядок присоединения латышских и эстонских крестьян в православие: православный священник в присутствии гражданского чиновника должен допросить каждого просителя отдельно, после чего все полученные сведения проверить в губернском правлении или в приходских судах. И только после этого рижский епископ Филарет, запросив через псковского архиепископа разрешения Синода, мог присоединять крестьян². Однако царское правительство, напуганное волнениями прибалтийских крестьян 1841 года, этот порядок не утвердило³. Дело о переходе лядонских крестьян в православие растянулось на два года, и только 30 марта 1844 г. Синод получил санкцию царя на утверждение порядка присоединения латышских и эстонских крестьян в православие, предложенного в ноябре 1842 г. Причем Николай I пометил на докладе обер-прокурора Синода Н.А. Протасова, что "... за общества могут ходатайствовать только имеющие на то законное полномочие, т.е. вид от местной полицейской власти, что им дозволено идти просить о том, иначе таковых не принимать и отсылать"⁴. Следовательно, прошение лядонских крестьян было признано незаконным. В январе 1844 г. по поручению МВД статским советником Булдаковым по делу о попытке лядонских крестьян

¹ Секретное отношение Бенкендорфа Протасову от 10 ноября 1842 г. - ЦИА СССР, ф.797, оп.12, д.30743, л.14 об.

² О порядке присоединения к православию из латышей. 14 ноября 1842 г. - Там же. - л.23.

³ Там же.

⁴ Указ Синода архиепископу Нафанаилу от 30 марта 1844 г. - ЦИА Латв.ССР, ф.7462, оп.1, д.7, л.1-4.

в 1842 г. перейти в православие было проведено следствие. В ходе следствия было установлено, что отправленные для расследования дела по поручению генерал-губернатора Палена в августе 1842 г. на мызу Ляудона предводитель рижского дворянства Гагемейстер и советник губернского правления Тизенгаузен по прибытию на мызу прежде всего распорядились выпороть 10 ляудонских крестьян (9 - 40 розгами, одного - 60), после чего наказанные крестьяне дали единодушные показания, что к переходу в православие их спровоцировало православное духовенство, однако на самом деле крестьяне явились в Ригу к православному духовенству добровольно, "без всякого постороннего внушения"¹, и слухи о беспорядках в Ляудоне осенью 1842 г. не подтвердились. 12 апреля 1844 г. Синодом было категорически запрещено православному духовенству Псковской губернии принимать латышских и эстонских крестьян². Тем не менее, отдельные попытки прибалтийских крестьян перейти в православие наблюдались в 1842 г., 1843 г., 1844 г.³, пока наконец, не переросли в массовое движение латышских и эстонских крестьян 1845-1848 гг.

В 1844 г. крестьян Лифляндской губернии постиг очередной всеобщий неурожай. Он был особенно губительным, так как неурожаю хлеба и картофеля сопутствовала болезнь крупного рогатого скота, в результате которой в губернии пало 619 голов скота⁴. В январе 1845 года лифляндский гражданский губернатор Фелькерзам докладывал Палену, что нет никаких надежд на хороший урожай и в 1845 го-

¹ Отношение Перовского Протасову от 4 января 1844 г. - ЦГИА СССР, ф. 797, оп. 12, д. 30743, лл. 54-55, 56-71.

² ЦГИА Латв. ССР, ф. 7462, оп. 1, д. 7, л. 1.

³ ЦГИА Латв. ССР, ф. 214, д. 989, лл. 41, 189-210, 264; ф. 233, оп. 3, д. 1720, лл. 1, 3, 4; д. 1840, лл. 1-3; д. 184, л. 1; д. 1839, л. 1 и др.

⁴ Отчет лифляндского гражданского губернатора за 1844 г. - ЦГИА Латв. ССР, ф. 3, оп. 10, д. 2, лл. 13 об., 24 об., 27, 29.

ду, к тому же, совершенно пусты запасные магазины¹. Уже ранней весной 1845 г. в губернии появились грозные признаки голода². По подсчетам комиссии народного продовольствия Лифляндской губернии, сделанным осенью 1845 г., для реальной помощи голодающим крестьянам Лифляндской губернии необходима была огромная сумма - 575 тыс. руб. серебром, предоставить которую царское правительство отказалось³.

В середине 40-х годов XIX века социально-экономическое положение крестьян Прибалтики стало настолько критическим, классовые противоречия достигли такой степени обострения⁴, что в создавшейся ситуации даже совершенно иллюзорные слухи о возможности улучшить свое существование могли послужить поводом к широким крестьянским волнениям. Это признавал даже рижский православный епископ Филарет, один из самых непосредственных участников событий 1845-1848 гг., который писал в июне 1845 г. в Синод, что "... во время такого бедствия некоторых мест края особенно возможны между простым народом разные толки"⁵. Он же докладывал обер-прокурору Синода 1 июня 1845 г., что "... здесь теперь стоит грозная засуха.

¹ Рапорт Фелькерзама Палену. Январь 1845 г. - ЦГИА Латв.ССР, ф.3, оп.1, д.2153, лл.7,10; Ведомость на урожай хлеба по Лифляндской губернии в 1844 г. - Там же, - л.42.

² Отношение Полозова Фелькерзаму от 5 марта 1845 г. - Там же, - л.61; Донесение Фелькерзама Перовскому от 25 мая 1845 г. - Там же, - л.161.

³ Предписание Сенявина Фелькерзаму от 30 ноября 1845 г. - Там же, - л.345.

⁴ Очерки экономической истории Латвии 1860-1900. / Под ред. М.И.Козина. - Рига, 1972. - С.14.

⁵ Донесение Филарета Протасову от 19 июня 1845 г. - ЦГИА СССР, ф.797, оп.15, д.36740, л.124 об.

Хлеба и без того мало было в Лифляндии, и страшно подумать, что может быть впоследствии при такой засухе. Край требует помощи, тем более, что немецкие помещики ... не щедры на милостыню"¹. О возможности широких крестьянских волнений в Прибалтике докладывал в мае 1845 года министру внутренних дел Л.А.Перовскому чиновник МВД Штакельберг, отмечая, что "... неурожай, продолжительная засуха и сильный падеж скота в Лифляндской губернии немало содействуют верованию крестьян всякого рода нелепым слухам"².

Появившиеся весной 1845 г. слухи о разрешении принять православие, пусть даже прямо не связанные с приобретением каких-либо экономических выгод, невольно должны были напомнить крестьянам надежды 1841 г. Прибалтийский генерал-губернатор с 1845 по 1848 год Е.А.Головин, говоря о распространившихся среди латышских и эстонских крестьян весной 1845 г. слухах о возможности улучшения своего материального положения через переход в православие, писал осенью 1845 г., что, по его мнению, "... поводом к беспокойствам признается распушенная вновь молва об известных с припиской (к православию - А.Г.) сопряженных мирских выгодах. Молва эта не была распушена, но возникает сама собой между крестьянами при всяком чрезвычайном случае, как выражение безотчетных надежд и потребности их улучшить свой быт"³. В этом же донесении министру МВД Л.А.Перовскому Головин подчеркивал, что "... временная мера не приносит прочной пользы, искоренения же волнующих крес-

¹ Донесение Филарета Протасову от 1 июня 1845 г. - ЦИА ССР, ф.797, оп.15, д.36740, л.114.

² ЦИА ССР, ф.821, оп.5, д.180, л.26.

³ Донесение Головина Перовскому. Октябрь 1845 г.- Там же.- д.182, л.28.

стьян надежд можно ожидать единственно от улучшения быта поселян¹. Мысль Головина о социально-экономических причинах перехода латышских и эстонских крестьян в православие полностью разделил жандармский подполковник Щербачев, который в частном письме к подполковнику Куцинскому в июне 1846 г. писал, что "... присоединение крестьян к православию не есть какое-нибудь особенно религиозное стремление, а вкравшаяся какая-то мысль и надежда в улучшении их будущности, когда будут одной веры с царем, и тому подобные их надежды, а главное, чтоб делать что-либо вопреки их владельцам, которых они так сильно ненавидят"². О наличии в Лифляндии практически всеобщей ненависти крестьян к помещикам, которую они переносят и на лютеранских пасторов, как выразителей интересов помещиков, сообщал в ноябре 1845 г. товарищу министра МВД И.Г.Сенявину президент лифляндской консистории евангелическо-лютеранской церкви Фр.Самсон, подчеркивая, что, по его мнению, главный импульс в движении за переход в православие кроится в "экономических отношениях местных помещиков и крестьян"³. Крестьянское движение 1845-1848 гг. носило мирный характер, приняло религиозную окраску, но, хотя крестьяне, в отличие от волнений 1841 года, открыто высказывались только о своем желании переменить вероисповедание, имело, несомненно, в основе своей аграрные отношения. Это достаточно наглядно доказывается тем обстоятельством, что в большинстве случаев желание принять православие вы-

¹ Донесение Головина Перовскому. Октябрь 1845 г. - ЦГИА СССР, ф.821, оп.5, д.182, л.32.

² Письмо Щербачева Куцинскому от 21 июня 1846 г. - ЦГАОР СССР, ф.109, III отд., 1846 г., I эксп., д.158, лл.5-5 об.

³ Памятная записка Фр.Самсона И.Г.Сенявину. 12 ноября 1845 г. - ЦГИА Латв.ССР, ф.233, оп.2, д.14, лл.2-4.

сказывали только помещичьи крестьяне¹. Крестьян на государственных землях это движение практически не коснулось², хотя вследствие безжалостной эксплуатации арендаторов казенных имений положение их было не намного лучше³. Мысль о социально-экономических причинах движения подтверждается неоднократными требованиями со стороны правительственных органов к рижскому православному епископу Филарету запретить православным священникам принимать от крестьян жалобы на помещиков и соблюдать крайнюю осторожность⁴. Да и основным содержанием этих прошений крестьян были не поиски какого-то духовного наставления, а описание своего тяжелого социально-экономического положения, жалобы на притеснения со стороны помещиков и управляющих имений, призыв к властям о помощи⁵. Но если непосредственно в ходе движения 1845-1848 гг. крестьяне, боясь наказаний со стороны помещиков, как правило, скрывали истинные причины перехода в православие, то позднее открыто выска-

¹ Интересно отметить, что несмотря на то, что крестьяне формально считались лично свободными, в официальных отчетах и рапортах они по-прежнему назывались "помещичьими".

² ЦГИА СССР, ф.797, оп.15, д.36470, л.212; ЦГИА Латв.ССР, ф.7462, оп.1, д.83, лл.1-3 об. Возможно, что это объясняется также и финансовой помощью, оказанной казной государственным крестьянам Лифляндской губернии весной 1845 г. - ЦГИА Латв.ССР, ф.3, оп.1, д.2153, л.136.

³ Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д.Киселева. - Т. II. - М., 1958. - С.12-13.

⁴ ЦГИА СССР, ф.797, оп.15, д.36470, лл.172-173, 185, 275, 283, 285; ф.797, оп.12, д.30963, л.6; ф.821, оп.5, д.181, л.132; д.186, лл.29-29 об; ЦГИА Латв.ССР, ф.7462, оп.1, д.319, лл.4-5; ф.3, оп.5, д.591, лл.1-2 об. и др.

⁵ ЦГИА Латв.ССР, ф.7462, оп.1, д.204, л.1; д.207, л.2; д.208, л.1; д.321, лл.1-4; д.323, л.6; д.324, лл. 3, 5, 10, 12-14, 16 и др.

зывались, что в 40-х годах XIX века с переходом в православие рассчитывали на материальные выгоды. Например, уже в 90-х годах XIX века старожилы прихода Мариенбургской (Алуксенской) православной церкви рассказывали, что в 1845 г. "здешние латыши, прослышав о начавшемся движении в православие около Риги, пожелали также присоединиться, думая этим хоть сколько-нибудь облегчить свое тяжелое материальное положение, т.е. освободиться от притеснения помещиков; положение крестьян вследствие голода, постигшего в это время Лифляндию стало действительно безотрадно, народ положительно умирал, за кусок насущного хлеба был готов на все"¹. Тогда же свидетель и участник движения в православие в 1845-1848 гг. крестьянин Медзулской волости Егор Кнаба вспоминал, что в 40-х годах практически все крестьяне Лифляндской губернии говорили "по углам и в тайне : перейдем в веру царя, там будет легче, будет правда, будет хлеб"². Наконец, наличие глубинных социально-экономических и социально-политических причин перехода прибалтийских крестьян в православие в 1845-1848 гг. не отрицали практически все очевидцы этого движения - товарищ министра внутренних дел И.Г.Сенявин (1801-1851)³ и действительный статский советник И.П.Липранди (1790-1880)⁴, командированные Л.А.Перовским осенью 1845 г. в прибалтийские губернии "... для большего удостоверения

¹ "Описание Мариенбургского прихода". 1895 г. - Рукописный архив ЛОИА АН СССР, ф.4, д.155, л.119.

² "Описание Лидерского (Лидерского) православного прихода". 1895 г. С.Журавский. - Там же. л.46.

³ Донесение Сенявина Перовскому от 19 ноября 1845 г. - ЦИА СССР, ф.821, оп.5, д.188, лл.126-128; Донесение товарища министра внутренних дел Сенявина о нынешнем положении Ливонии (1845 г.) - Чтения ..., кн.4, М., 1865, с.195.

⁴ ЦИА СССР, ф.673, оп.2, д.20, л.4 об; д.22, лл.4-5.

в настоящем положении края"¹, генерал-губернатор Прибалтийского края Е.А.Головин², чиновник Синода М.Каниевский, командированный в октябре 1845 г. в Лифляндию для выяснения причин разногласий между православным духовенством и местными властями³, чиновники МВД Я.В.Ханыков⁴ и Штакельберг⁵; генерал-майор Крузенштерн, посланный Николаем I в мае-июле 1846 г. в Перновский (Пярнуский) уезд и на остров Эзель (Сааремаа) для усмирения волнующихся крестьян⁶; флигель-адъютант полковник К.Ф.Опочинин, командированный в ноябре 1845 г. в Лифляндскую губернию наследником престола⁷; жандармские штаб-офицеры Гильдебрант⁸ и Щербачев⁹ и др.

¹ Рапорт Перовского Николаю I от 13 октября 1845 г. - ЦГИА СССР, ф.821, оп.5, д.188, л.20 об.

² Донесение Головина Перовскому. Октябрь 1845 г. - Там же.- д.182, л.51-52.

³ Рапорт Каниевского Протасову от 13 октября 1845 г.- ЦГИА СССР, ф.797, оп.15, д.36470, л.267.

⁴ Донесение Ханыкова Перовскому от 9 июля 1845 г.- Там же, ф.821, оп.5, д.181, л.64; Донесение Ханыкова Перовскому от 22 июля 1845 г.- Там же.- л.93.

⁵ Рапорт Штакельберга Перовскому. Май 1845 г.- Там же.- ф.821, оп.5, д.180, л.25 об.

⁶ Рапорт Крузенштерна Головину от 16 июля 1846 г.- Там же.- ф.821, оп.5, д.190, л.213-213 об; Рапорт Крузенштерна Головину от 5 июня 1846.- Там же.- л.93-94.

⁷ Рапорт Опочинина военному министру А.Чернышеву от 2 ноября 1845 г.- Там же.- ф.821, оп.5, д.181, л.141-142.

⁸ Донесение подполковника Гильдебранта дежурному штаб-офицеру от 17 мая 1848 г.- ЦГАОР СССР, ф.109, 8 отд., 1848, I эксп., д.41, л.65 об.

⁹ Донесение Щербачева дежурному штаб-офицеру от 22 июня 1846 года.- Там же.- д.158, л.4.

2.2. Царизм и переход латышских и эстонских крестьян в православие

Достаточно четко прослеживается в данный период наличие двух значительных политических группировок в России, кровным образом заинтересованных в будущем направлении социально-экономического развития прибалтийских губерний. Это прежде всего царские чиновники, влиявшие на политический курс царского правительства во второй половине 40-х годов XIX века - министр внутренних дел Л.А.Перовский и его товарищ И.Г.Сенявин, шеф жандармов в 1844-1856 гг. А.Ф.Орлов, обер-прокурор Синода Н.А.Протасов, министр государственных имуществ П.Д.Киселев (1788-1872)^I, и, наконец, остзейские помещики, опиравшиеся на своих влиятельных петербургских представителей - прежде всего на барона Е.Ф.Мейендорфа (1794-1879) и председателя действовавшего в Петербурге с 1846 по 1875 г. Остзейского комитета П.П.Палена (1778-1864). Общность классовых интересов русских и остзейских защитников старых устоев неизменно превалировала над некоторыми шероховатостями в отношениях между ними, поэтому в одном вопросе они неизменно сходились - в паническом страхе перед массовыми антифеодальными крестьянскими движениями, перед лицом которых они забывали свои разногласия и сплоченно боролись по подавлению народных волнений. Это ярко проявилось в жестоких репрессиях осенью-зимой 1841 г., между тем в событиях 1845-1848 гг., особенно в начальный период, политика царского правительства по отношению к движению прибалтийских крестьян пошла в некотором разрезе с интересами прибалтийских немецких помещиков. Во многом это объясняется тем, что в силу той свое-

^I В декабре 1845 г. Киселев был назначен председателем Комитета по устройству духовной части православных ливонских крестьян.
- ЦГА ССР, ф.821, оп.5, д.190, л.148.

образной формы, которую приняли крестьянские волнения 1845-1848 гг. в Прибалтике, движение затронуло вопрос, в котором царское правительство не могло выступать в роли ^{пассивно} потустороннего наблюдателя, а именно, вопрос о распространении православия. Как писал в своих личных записках И.П.Липранди, намекая на формулу "самодержавие, православие и народность", разработанную министром просвещения с 1833 по 1849 гг. С.С.Уваровым, "... церковь в России составляет сильное могущество, тем паче, что сам государь возвел положительное правило их вероисповедания с гордостью к личной своей вере и единство церкви к одному из трех правил единства своего правительства"¹. И, в самом деле, целый ряд фактов свидетельствует, что в начальный период движения 1845-1848 гг. царское правительство, видимо, склонялось к мысли о необходимости распространения в Прибалтике православия, как средству более тесного сближения остзейских губерний с самодержавной Россией. В 1843 году, по данным Синода, в Лифляндской и Курляндской губерниях было всего 17 православных церквей с 15583 прихожанами, из которых не понимало русского языка только 845 человек³. Тем не менее, в 1843 году начался перевод целого ряда богослужебных книг на латышский и эстонский языки⁴, а в Псковской духовной семинарии началась подго-

¹ О движении крестьян Лифляндского края 1845 г. - ЦГИА СССР, ф.673, оп.2, д.22, л.5 об.

² О назначении содержания причтам городских церквей в Лифляндии, Курляндии и западных губерниях от 18 декабря 1843 г. - ЦГИА СССР, ф.797, оп.10, д.27681, л.66 об.

³ Сведения о церквях, священнослужителей и прихожанах в губерниях Лифляндской и Курляндской. 1843 г. - Там же. - Оп.13, д.32711, лл.9-23.

⁴ Там же. - Оп.127, д.449, л.14 об; Самарин Ю.Ф. Сочинения. - Т.10. - М., 1896. - С.433.

товка священников для богослужения на латышском и эстонском языках¹. К 30 ноября 1845 года изучением латышского языка в Псковской духовной семинарии занималось 46 человек, изучением эстонского - 37 человек². Позднее, 11 февраля 1846 года, Николай I утвердил решение Синода об учреждении в Риге духовной семинарии³, с 1 сентября 1847 года в Риге начало свою деятельность "Латышско-эстонское духовное училище"⁴. 18 декабря 1843 года было повышено жалование православному духовенству в Лифляндской губернии⁵, а с началом массового движения латышских и эстонских крестьян в православие указом Синода от 17 марта 1846 г. было отпущено на постройку в Лифляндской губернии 25 православных церквей 225196 рублей⁶. Меры, принятые для усиления влияния православной церкви в Прибалтике непосредственно перед самым началом массового движения латышских и эстонских крестьян в православие, достаточно красноречиво свидетельствуют, что царское самодержавие готовилось к обращению прибалтийских крестьян в православие. Вырвав латышских и эстонских крестьян из-под духовного диктата лютеранской церкви, а вместе с тем и прибалтийских немецких помещиков, правительство надеялось тем самым постепенно ограничить стремления остзейского

¹ Самарин Ю.Ф. Сочинения.- Т.10.-С.432.

² О приуготовлении надежных священников для исправления треб в Лифляндии.1845 г.- ЦГИА СССР, ф.797, оп.15, д.36508, л.4 об.

³ ЦГИА Латв.ССР, ф.3, оп.5, д.2043, л.1.

⁴ Поммер А. Православие в Латвии.- Рига, 1931.- С.40.

⁵ Оклады сельского православного духовенства Лифляндии стали выше, чем в среднем по всей Псковской епархии. - ЦГИА СССР, ф.797, оп.10, д.27681, л.65,70.

⁶ Об ассигновании денег на постройку православных церквей и домов для причтов в Лифляндии. - Там же.- л.105.

В 1847 г. Николай I дал распоряжение о строительстве в Лифляндской губернии еще 36 православных церквей. - Отчет лифляндского гражданского губернатора за 1848 г.- ЦГИА Латв.ССР, ф.3, оп.10, д.6, л.190.

дворянства к сепаратизму и добиться более тесного сближения прибалтийских губерний с остальными губерниями царской России. В понимании позиции правительства по вопросу о распространении православия в Прибалтике показательное мнение жандармского подполковника А. Васильева, изложенное им уже в июне 1848 г. в письме к шефу жандармов А. Ф. Орлову. Говоря о переходе прибалтийских крестьян в православие, Васильев называет это "делом религиозно-политическим", замечая, что "... религия есть крепчайшая связь народа, никогда крестьянин не назовет соотечественником человека, не идущего в одну с ним церковь"¹. Позиция царского правительства в событиях 1845-1848 гг. объяснялась также тем, что религиозная форма, в которую вылилось крестьянское движение в Прибалтике, рассматривалась наименее опасной как для самодержавия, так и для господствующих классов².

В немалой степени перемене отношения правительственных кругов к вопросу о распространении православия в Прибалтике, а вместе с тем, к движению прибалтийских крестьян за переход в православие, способствовало значительное усиление в этот период позиции великодержавно настроенной придворной верхушки, которая выступала за ограничение привилегированного положения остзейских помещиков. Вместо А. Х. Бенкендорфа, одного из главных инициаторов расправы над прибалтийскими крестьянами в 1841 году, шефом жандармов 17 сентября 1844 года был назначен А. Ф. Орлов, который в целом не предпринял никаких усилий для упрочения позиций православной церкви в Прибалтике, но вместе с тем, доверяя многочисленным докладам своих офицеров, что тревоги местного остзейского дворян-

¹ ЦГАОР СССР, ф. 109, III отд., I эксп., д. 41, л. 75 об. - '76.

² Козин М. И. Латышская деревня в 50-70-е годы XIX века. - Р., 1976. - С. 35.

ства насчет широких народных возмущений излишни¹, не предпринял никаких решительных мер для подавления крестьянского движения. 21 октября 1841 г. министром дел стал Л.А.Перовский. ^{внутренних} Жандармский подполковник Щербачев, докладывая в марте 1848 г. дежурному штаб-офицеру корпуса жандармов об отношении остзейского дворянства к членам кабинета царского правительства, подчеркивал, что прибалтийские немецкие помещики особенно ненавидят Л.А.Перовского, на второе место Щербачев поставил автора теории "официальной народности" министра просвещения С.С.Уварова, на третье - обер-прокурора Синода Н.А.Протасова². И, в самом деле, во всех конфликтах, складывавшихся в результате разногласий между генерал-губернатором Головиным и местными органами власти, Перовский неизменно брал сторону первого, всеми силами стараясь повысить авторитет власти генерал-губернатора и тем самым ограничить права местного дворянства. Более того, во всех подобных случаях Перовский требовал, как правило, более суровых мер для провинившихся, чем сам Головин. Например, узнав в октябре 1845 года, что Головин сделал только замечание мариенбургскому (Алуксненскому) помещику А.Б.Фиттингофу (1799-1875), который всячески пытался помешать устройству в его имении православной церкви³, Перовский, воспользовавшись тем, что Фиттингоф являлся чиновником подведомственного ему министерства, уволил его со службы⁴. 13 октября 1845 г. Перовский доносил Николаю I, что по его мнению, "... при усиленном стремлении крестьян

¹ Донесение Гильдебранта дежурному штаб-офицеру корпуса жандармов от 17 мая 1848 г. - ЦГАОР СССР, ф.109, III отд., I экзп., д.41, л.68 об.

² Донесение Щербачева дежурному штаб-офицеру корпуса жандармов от 19 марта 1848 г. - ЦГАОР СССР, ф.109, III отд., 1848 г., I экзп., д.51, л.31 об.

³ Донесение Головина Перовскому от 7 декабря 1845 г. - ЦГИА СССР, ф.821, оп.5, д.186, л.48.

⁴ Департамент общих дел МВД - В.В.Скрипичину от 31 мая 1846 г. - Там же. - л.165.

к переходу в православие и при бедственном положении их по недостатку хлеба нельзя отвергнуть возможности некоторого волнения, а сие последнее, по чрезвычайной ненависти лифляндских крестьян к помещикам и по нерасположению к своему духовенству, бесспорно, могло бы превзойти меру, но я долгом считаю донести ..., что я доселе еще не вижу никаких основательных причин опасаться возмущения и полагаю, что опасения эти преувеличиваются собственно помещиками, кои стараются всеми силами противодействовать обращению крестьян в православие"¹. В 1846 году Перовский объявил членам лифляндской евангелически-лютеранской консистории выговор за "уклонение от соблюдения закона и за неуважение к требованиям местного генерал-губернатора"². 8 февраля 1847 г. Перовский поставил "на вид" лифляндской консистории за "неуместность пререканий ее против распоряжений главного начальника края"³. Товарищ министра внутренних дел И. Г. Сенявин в стремлении усилить губернаторское единовластие пошел еще дальше Перовского: он предлагал даже предоставить прибалтийскому генерал-губернатору право "... удалять немедленно от управления имения помещика или управителя, кои последние окажутся виновными в притеснении крестьян за веру"⁴.

Достаточно наглядно отношение царского правительства в 1845 году к переходу прибалтийских крестьян в православие характери-

¹ Рапорт Перовского Николаю I от 13 октября 1845 г. - ЦИА ССР, ф. 821, оп. 5, д. 188, л. 19 об.-20.

² Там же. - д. 189, л. 108. - Интересно отметить, что сам Перовский настаивал на вынесении консистории строгого выговора, но Николай I смягчил меру наказания.

³ Предписание Перовского Головину от 8 февраля 1847 г. - Там же. - д. 192, л. 20 об.- 21.

⁴ Соображение и мнение по предположениям касательно устройства духовной части в Лифляндии. - Там же. - д. 190, л. 155.

зуют заметки И.П.Липранди. Судя по всему, он постарался в Петербург донести именно то, что там хотели слышать, хотя сам придерживался кардинально противоположной точки зрения. В своем официальном отчете правительству И.П.Липранди писал, что "... неподвержено никакому сомнению, что необыкновенное явление ..., совершающееся ныне в Лифляндской губернии, есть ничто иное, как чисто религиозное влечение"¹, между тем, как в своих черновых заметках об этом движении отмечал, что причина движения - дороговизна продовольствия и голод крестьян, а повод - слухи о том, что через присоединение к православию крестьяне получают чисто материальные выгоды², добавляя в конце, что "... ежели дело будет подобно продолжаться, то остзейские провинции будут преданы тому же жребию, как Польша"³.

Представляется достаточно сложным проследить отношение самого Николая I к вопросу о распространении православия в Прибалтике. Между тем отдельные факты позволяют выдвинуть предположение, что в начальный период движения в православие 1845-1848 гг., пока дело касалось только ограниченного числа крестьян, просящих о перемене вероисповедания, он не только не старался затормозить процесс перехода прибалтийских крестьян в православие, но отчасти даже поощрял успешное его развитие⁴. Показательно, что практически все рапорты Филарета в Синод через обер-прокурора Синода

¹ Рапорт Липранди Перовскому от 26 октября 1845 г. - ЦГИА СССР, ф.821, оп.5, д.186, л.34.

² О движении Лифляндского края 1845 г. - Там же. - ф.673, оп.2, д.22, лл.4 об. - 5.

³ Там же. - л.6.

⁴ См., напр., резолюцию Николая I на докладе Палена от 6 марта 1845 г.: "Опасения публики напрасны и излишни, тем более, что изъявления подобные не должны быть принимаемы по доверенности, а лично желающими присоединиться, и потому нет возможности, чтобы много таковых явилось". - ЦГИА СССР, ф.797, оп.15, д.36470, л.40 об.

Н.А.Протасова подавались на рассмотрение Николаю I, который, судя по заметкам, сделанным им на рапортах, достаточно живо, особенно в начале движения, интересовался ходом событий. В марте 1845 года он даже сделал замечание прибалтийскому генерал-губернатору М.И.Палену за превратное толкование дела о присоединении к православию рижской гернгутерской общины¹, а епископа Филарета похвалил за "осторожные и благоразумные действия"². 30 апреля 1845 г. Николай I через Протасова запретил Филарету обращаться в православие старообрядцев, считая его действия несвоевременными, так как это может "... помешать делу о латышах"³. 12 ноября 1845 г. он поручил Протасову заблаговременно позаботиться о подготовке достаточного количества священников для Лифляндии⁴, а в мае 1846 г., командуя своего флигель-адъютанта Крузенштерна для подавления "бунта" в Перновском (Пярнуском) уезде, посоветовал ему относиться "... со справедливым покровительством к тем, которые, не буйствуя, просят только присоединения"⁵.

Следует подчеркнуть, что царскому правительству приходилось проводить свою политическую линию в Прибалтике в 1845-1848 гг. с постоянной оглядкой на крестьянское движение и, в силу этого, не всегда последовательно, забывая там, где дело касалось классовых позиций, свои политические интересы и поддерживая местное дворянство. Это особенно ярко проявилось в мае-июне 1846 г., когда, не-

¹ Донесение Палена Орлову от 6 марта 1845 г.- ЦГИА СССР, ф.797, оп.15, д.36470, л.40.

² Предписание Протасова Филарету от 14 марта 1845 г.- Там же.- л.43.

³ Там же.- л.92.

⁴ Отношение Дубельта Протасову от 12 ноября 1845 г. - Там же.- л.275 об.

⁵ Отношение Чернышева Перовскому от 3 мая 1846 г.- Там же.- ф.821, оп.5, д.190, л.26.

смотря на то, что ни Головин, ни жандармские штаб-офицеры, ни чиновники МВД и другие представители царского правительства в Прибалтике не верили в возможность открытого крестьянского выступления, тем не менее, когда поступили сведения от местных органов власти Перновского (Пярнуского) уезда и острова Эзель (Сааремаа), что в этих местах "бунт", туда немедленно, без какой-либо проверки достоверности донесений были отправлены казаки. Впоследствии оказалось, что донесения об открытых волнениях в Перновском (Пярнуском) уезде и на острове Эзель (Сааремаа) были ложными, что все население оставалось спокойным, но несмотря на это "виновные" и "зачинщики" были все равно найдены и наказаны розгами¹. Как правило, во всех возникавших в Прибалтике в 1845-1848 гг. разногласиях между православным духовенством и местным дворянством, независимо от того, какая сторона в ходе официального судебного разбирательства признавалась более виновной, царское правительство в одном вопросе всегда было единодушно с местными органами власти - виноваты прежде всего участвовавшие в этих конфликтах крестьяне и именно они должны понести всю тяжесть наказания. В этом отношении достаточно показателен ход дела о ссоре православного священника П.Иванова (Устрицова) и эзельского (Сааремаа) помещика полковника фон-Миллера. 21 мая 1847 г. Миллер попытался воспрепятствовать Иванову мирспомазывать крестьян своего поместья Каррисгоф (Карья), на что Иванов попросил помощи крестьян. Прибежавшие крестьяне повалили Миллера на пол². Дело о священнике Иванове и полковнике Мил-

¹ ЦИА СССР, ф.821, оп.5, д.190, лл.20-24, 34-35, 52-53, 82-100, 110-137, 209-213.

² Донесение Павловского Филарету от 16 июля 1847 г. - ЦИА Латв.ССР, ф.7462, оп.1, д.190, лл.45-46; Рапорт Головину чиновника особых поручений Гагарина от 16 июля 1847 г. - Там же, - лл.47-83; Миллер - в эзельский ординунгсгерихт от 21 мая 1847 г. - ЦИА СССР, ф.821, оп.5, д.196, лл.3-4.

лере растянулось почти на 4 года. По требованию Головина Иванов был отстранен от должности¹. По приговору эзельского ландгерихта крестьянки Ингель Кут и Вис Кут были подвергнуты 3-х недельному заключению в смирительном доме, крестьяне Карл Гельд и Ингель Мельдер наказаны 30 ударами розог². Лифляндский гофгерихт полностью оправдал Миллера, а Ингель Кут и Вис Кут были осуждены на 2 года заключения в смирительном доме, Ингель Мельдер и Карл Гельд - на 1 год³. Исправляющий должность губернского прокурора опротестовал приговор, и дело было уже в 1851 г. рассмотрено в Сенате. По требованию Перовского Миллер был признан виновным (Иванов к этому времени умер) и подвергнут аресту на 7 дней. В отношении же осужденных крестьян как Перовский, так и Сенат полностью согласились с приговором лифляндского гофгерихта⁴.

Что же касается остзейских помещиков, то они выступили в событиях 1845-1848 гг. единым сплоченным лагерем, приложив максимум усилий для защиты своих интересов в Прибалтике как от нажима "снизу", со стороны крестьян, боровшихся за улучшение своего социально-экономического положения, так и от нажима "сверху", со стороны царских чиновников, пытавшихся проводить политическую линию царского правительства. Остзейское дворянство прекрасно понимало, что речь идет не просто о смене вероисповедания, а затрагивает коренные устои социально-экономического и политического уклада прибалтийских губерний, поэтому, используя то, что политические интересы царского правительства в Прибалтике в корне

¹ Предписание Протасова Филарету от 26 июля 1847 г. - ЦГА ССРС, Ф.821, оп.5, д.196, л.45.

² Указ Сената от 15 июня 1851 г. - Там же. - л.101.

³ Там же. - л.101 об.

⁴ Там же. - лл.101-113 об.

не совпадали с истинными целями крестьянского движения, на протяжении 1845-1848 гг. непрерывно атаковало правительство, взывая к его классовой солидарности, сообщениями о "нарушениях общественного порядка"¹, о том, что "... не крайняя нужда - ибо высокое правительство, равно как и здешнее дворянство не угнетает крестьян, но только распространение коммунистических идей о разделении земель и уничтожении всех повинностей ... есть причина настоящего движения крестьян"². Причем, следует отметить, что несмотря на официальное разрешение на переход в православие, несмотря на то, что в правительственных кругах сложилось даже мнение о превратном толковании остзейцами событий 1845-1848 гг.³, остзейские помещики по-прежнему были уверены в неизбежности своих позиций в Петербурге, в поддержке самодержавием и лично Николаем I их привилегий. В этом отношении интересен разговор, состоявшийся в Риге в сентябре 1845 г. между жандармским подполковником Гильдебрантом и бароном Мейендорфом, о котором Гильдебрант подробно донес начальнику I округа корпуса жандармов Д.Полозову⁴. В этом разговоре Е.Ф.Мейендорф обвинил жандарма в пристрастном толковании событий⁵, сказав ему, что крестьян обманывают, пригрозив, что Николай I будет этим крайне недоволен, а "... за

¹ Донесение лифляндского ландмаршала Лилиенфельда Перовскому от 3 октября 1845 г. - ЦИА СССР, ф.821, оп.5, д.182, л.17.

² Представление Эзельской ландратской коллегии лифляндскому гражданскому губернатору от 11 июня 1846 г. - ЦИА СССР, ф.821, оп.5, д.190, л.131.

³ Отношение Перовского Киселеву от 5 августа 1847 г. - Там же. - д.194, лл.144 об.-145.

⁴ Донесение Гильдебранта Полозову от 20 сентября 1845 г. - Там же. - ф.797, оп.15, д.36470, лл.200-205.

⁵ Донесение Гильдебранта Полозову от 20 сентября 1845 г. - ЦИА СССР, ф.797, оп.15, д.36470, л.201.

границей станут осуждать"¹, что царь сам придет в Ригу и накажет тех, кто действовал пристрастно². Внутри же Лифляндской губернии, обоснованно рассчитывая на абсолютную безнаказанность со стороны местных органов власти, целиком и полностью представленным теми же остзейскими дворянами³, помещики широко использовали все методы экономического притеснения присоединившихся к православию крестьян, активно защищаясь от нажима "снизу". Крестьянам отказывали в выдаче ссуд⁴, их пороли розгами⁵, выгоняли из домов⁶, лишали участков земли⁷, сдавали вне очереди в рекруты⁸ и т.д. Все жалобы крестьян на притеснения помещиков в силу того, что в судах сидели те же помещики, или вовсе не рассматривались, или же так извращались, что виновными становились сами же крестьяне. Дело дошло до того, что генерал-губернатор Е.А.Головин зимой 1845-1846 гг. был вынужден полностью расписаться в своем бессилии остановить произвол и самоуправство помещиков, осуществляемых при попустительстве местных властей⁹. В апреле 1846 г. Е.А.Головин, признавшись, что в его распоряжении нет чиновников, на которых он мог бы под-

¹ ЦГИА СССР, ф.797, оп.15, д.36470, л.200 об.

² Там же.- л.201 об.

³ Духанов М.М. Остзейцы. Явь и вымысел.- Рига, 1970.- С.16.

⁴ Жалоба крестьян Д.Балоду от 24 февраля 1847 г.- ЦГИА Латв.ССР, ф.7462, оп.1, д.321, л.1.

⁵ Донесение Панова А. Филарету от 17 февраля 1847 г. - Там же.- д.349, л.2.

⁶ Там же.- д.419, лл.9,12,14,18.

⁷ Жалоба крестьянина мызы Левенгоф Ивана Уббека от 22 ноября 1847 г.- Там же.- д.419, л.32.

⁸ Кудрявцев В. Филарету от 21 ноября 1847 г.- Там же.- л.50.

⁹ Отношение Перовского Киселеву от 5 августа 1847 г.- ЦГИА СССР, ф.821, оп.5, д.194, лл.144-145.

ностью положиться¹, запросил через Л.А.Перовского шефа жандармов А.Ф.Орлова о назначении в его распоряжение 8 жандармских офицеров для надзора над действиями уездных властей Лифляндской губернии². По инициативе И.Г.Сенявина и Е.А.Головина зимой 1846-1847 гг. для защиты присоединившихся к православию крестьян от притеснений со стороны местных помещиков в состав мирских судов были выбраны представители православных крестьянских приходов³, но и эта мера ни к чему не привела, так как по словам Головина "... назначение из крестьян православных членов в крестьянские присутственные места также не может достигнуть цели, потому что эти члены в приходских и уездных судах противопоставлены членам от дворянства, должны оставаться безгласными ... по своему гражданскому положению, крайне зависимому от дворянства"⁴.

Активным защитником интересов остзейцев в Петербурге был наследник престола, будущий император Александр II, известный своими симпатиями к прибалтийскому дворянству⁵, который во время зарубежных поездок Николая I руководил делами империи. В декабре 1845 г., идя на поводу прибалтийских помещиков, он даже предпринял попытку учредить в Лифляндской губернии военно-полевые

¹ Рапорт Перовского Николаю I от 13 октября 1845 г. - ЦИА СССР, ф.821, оп.5, д.188, л.21.

² Донесение Головина Перовскому от 3 апреля 1846 г. - ЦИА Латв.ССР, ф.1, оп.12, д.785, л.1 об.-4.

³ Соображение и мнение по предложениям касательно устройства духовной части в Лифляндии. - ЦИА СССР, ф.821, оп.5, д.190, л.149 об.-150.

⁴ Донесение Головина Перовскому от 20 января 1847 г. - Там же, д.191, л.155 об.

⁵ Духанов М.М. Остзейцы. Явь и вымысел. - С.150-151.

суды для расправы над "злоумышленниками" и "разгласителями ложных слухов"¹, но так как таковых не оказалось, затея его провалилась.

Достаточно красноречиво отношение правительственных кругов к движению прибалтийских крестьян в православие характеризует деятельность генерал-губернатора Прибалтийского края с 1845-1848 годов Е.А.Головина². Он заменил на этом посту остзейского помещика М.И.Палена, под чьим непосредственным руководством были подавлены крестьянские волнения 1841 года, который, как жаловался в Синод рижский православный епископ Филарет, обещал ему при расставании "гробовую дружбу"³. В инструкции, данной Головину при назначении на должность, было особо указано "... принять меры, дабы, с одной стороны, не было допускаемо подстрекательство к переходу лютеран в православие, а с другой, устранено всякое противодействие сему, равно как притеснение перешедших"⁴. Но Головин, хотя и хотел, по его выражению, чтобы местные жители "... соединились вероисповеданием с народом русским", придавая этому государственное значение⁵, проявил в своих действиях, уступая нажиму остзейского дворянства, крайнюю нерешительность. В его распоряжениях, которые, с одной стороны, не препятствовали переходу прибалтийских

¹ Предписание А.Чернышева Головину от 2 декабря 1845 г.- ЦГИА СССР, ф.821, оп.5, д.188, лл.89-91.

² Видимо, в этом назначении сыграли свою роль не только перемены в политическом курсе царского правительства по отношению к прибалтийским губерниям, но и опыт Головина, полученный им по время подавления польского восстания 1830-1831 гг.

³ Донесение Филарета Протасову от 30 марта 1845 г.- ЦГИА СССР, ф.797, оп.15, д.36470, л.59 об.

⁴ ЦГИА СССР, ф.908, оп.1, д.60, л.172 об.

⁵ ЦГИА СССР, ф.832, оп.1, д.31, лл.1 об.- 2.

крестьян в православие¹, а, с другой, были прежде всего направлены на защиту местных помещиков от народного движения, ярко проявилась классовая солидарность дворянства, которая всегда превалировала над какими-либо политическими разногласиями в их лагере. Тем не менее даже слабые попытки Головина усилить власть генерал-губернатора и оградить крестьян, перешедших в православие от притеснений, его утверждения, что "... признание православной греко-российской церкви господствующей во всей империи и право свободного присоединения к ней иноверцев составляет коренной государственной закон, он не может быть ограничиваем ни в чем местными привилегиями"², были расценены прибалтийскими немецкими помещиками как прямое посягательство на их привилегии. Нескончаемым потоком пошли в Петербург жалобы на то, что генерал-губернатор "превышает меру своей власти"³. Недовольство местным дворянством действиями генерал-губернатора достигло такой степени, что в декабре 1847 г. лифляндское губернское правление открыто отказалось выполнить его распоряжение об отдаче под суд за ложное донесение о "бунте" в Вольмарском (Валмиерском) уезде членов Вольмарского орднунгсгерихта и снятия с должности орднунгсгерихтера Энгельгардта⁴.

¹ Интересно отметить, что, по словам Филарета, неоднократные распоряжения гражданского начальства, которое было вынуждено объявлять по всей Лифляндии, что с присоединением к православию не соединяется никаких земных выгод и не изменяются отношения крестьян к помещикам, только помогали распространению православия.- ЦГИА СССР, ф.797, оп.15, д.36470, л.233.

² Объяснения Головина на жалобы остзейского дворянства. Октябрь 1845 г.- Там же.- ф.821, оп.5, д.182, лл.28 об.- 29.

³ Там же.- д.194, л.111; д.182, л.15; д.192, л.2, л.40 и др.

⁴ О предании суду Вольмарского орднунгсгерихта за действия его по случаям мнимых волнений в селении Кодьяк.- ЦГИА СССР, ф.821, оп.5, д.201, лл.1-1 об.

Губернское правление подало рапорт в Сенат, и, несмотря на то, что Сенат по инициативе Перовского утвердил распоряжение Головина "... с целью поддержать власть главного начальника края"¹, участь Головина еще до этого была предрешена. Под нажимом растущего недовольства прибалтийских помещиков, напуганное революционными событиями 1848 года в Западной Европе², царское правительство было вынуждено снять Е.А.Головина с должности генерал-губернатора Прибалтийского края. Вместо него в марте 1848 года в Ригу прибыл новый генерал-губернатор - А.А.Суворов (1804-1882), известный своими симпатиями к остзейскому дворянству³.

2.3. Массовый переход латышских и эстонских крестьян в православие в 1845-1848 годах

Непосредственным толчком к началу перехода прибалтийских крестьян в православие послужило поданное 27 февраля 1845 года прошение рижской гернгутерской общины (101 человек с семьями) во главе с Давидом Балодом (1809-1864) епископу Филарету с просьбой о присоединении их к православию. Полковник К.Ф.Опочинин, посланный наследником престола в ноябре-декабре 1845 г. для выяснения обстановки в Лифляндской губернии, по заданию военного министра А.Чернышева подробно допросил Д.Балода о причинах перехода рижских гернгутеров в православие. Балод рассказал ему, что "... в сентябре 1844 г. некоторые члены братства просили у пастора позволения учредить молеблю, пастор Ширен им в том отказал, но пастор Трей согласился, с условием, что собрания назначаться будут толь-

¹ ЦГИА СССР, ф.821, оп.5, д.201, л.6.

² Нифонтов А.С. Россия в 1848 году.- М., 1949.- С.144.

³ ЦГАОР СССР, ф.109, III отд., 1848, I эксп., д.41, л.46об., лл.53,62 об.

ко по воскресеньям в 3 или 4 часа по полудни ... сначала это условие выполнялось в точности, но скоро моравские братья начали собираться по субботам и воскресеньям рано поутру ... Они учредили денежный сбор для найма, освещения и отопления здания. Находя все это предосудительным, пастор Трей счел нужным собранные деньги отобрать и собрания запретить, после того ... 120 человек из них подписали и подали просьбу епископу рижскому о том, не может ли он испросить им позволения на собрания для молитвы. Просьбу сию епископ от них принял и дал латышские книжки православного богослужения, молитвы и катехизис, чтобы их просмотрели, как они понравятся. По прочтении оных ... он спросил их: не хотят ли принять русскую веру? Они отвечали, что если позволят иметь братские собрания для молитвы и по братским книгам, тогда они примут русскую веру ... Они просили о церкви и преосвященный хотел о постройке оной представить высшему начальству. Они также просили, чтобы позволено было поставить скамейки в русской церкви и звонить в колокола на оба края. После сего они остались тем довольны и перешли в русскую веру и присоединились охотно¹. Кроме того, гернгутеры просили, чтобы было разрешено определить к построенной для них церкви священником Давида Балода². Таким образом, переходя в православие, рижские гернгутеры руководствовались далеко не религиозными мотивами, а хотели по-прежнему проводить свои собрания, но уже под эгидой православия, надеясь тем самым освободиться от диктата лютеранской церкви, но и не попасть

¹ Донесение Сенявина Перовскому от 14 декабря 1845 г. — ЦГИА СССР, ф. 821, оп. 5, д. 182, лл. 70-71 об.

² Прошение латышей-гернгутеров епископу Филарету от 27 февраля 1845 г. — Там же. — ф. 797, оп. 15, д. 36470, л. 18 об.

в зависимость от православной. Судя по всему, какое-то время им удалось это осуществлять. В ноябре 1845 г. полковник К.Ф.Опочинин докладывал военному министру А.А.Чернышеву, что он был в Рижской Покровской церкви, отданной для службы на латышском языке, и так как большая часть ее прихожан - бывшие гернгутеры, то "... Филарет, дабы не вдруг оторвать сих людей от их обычаев и привычек, дозволил во время причастного стиха читать им наставление из собрания гернгутерских проповедей, а после окончания литургии петь присутствующим стихи из гернгутерского молитвослова. Проповеди сии читал Баллод, бывший гернгутерский наставник, в обыкновенном гражданском платье, ныне уже 3 недели как он посвящен в дьяконы и читает в стихаре"¹. Видимо, немаловажную роль в переходе гернгутеров в православие сыграл и тот фактор, что часть их имела в Риге только временную, а не постоянную прописку², поэтому с принятием православия они надеялись более прочно укрепиться в городе. Складывается впечатление, что через принятие православия члены рижской гернгутерской общины пытались получить также возможность более успешного продвижения по службе при приобретении каких-то экономических выгод. И, в самом деле, по своему социальному составу члены рижской гернгутерской общины были в основном служителями таможни, унтер-офицерами в отставке, мещанами, владевшими собственными домами, ремесленниками, зажиточными крестьянами³. С принятием православного вероисповедания гернгу-

¹ Рапорт Опочинина военному министру от 9 ноября.- ЦГИА СССР, ф.821, оп.5, д.181, лл.169 об.- 170.

² Донесение Филарета в Синод от 7 апреля 1845 г.- Там же.- ф.796, оп.123, д.1188, лл.68 об.- 69, 71 об.

³ Там же.- лл.68 об.; 70-75; ЦГИА Латв.ССР, ф.233, оп.2, д.15, лл.1-2.

теры надеялись также освободиться от постоянных притеснений со стороны лютеранской консистории, которые особенно усилились в начале 1845 года, когда за борьбу с гернгутерским движением в консистории стал отвечать пастор Трей (1794-1849), судя по всему, человек очень энергичный¹.

Филарет потребовал, чтобы доверенность латышей-гернгутеров была подтверждена в полиции Риги, написал подробно об этом событии в Синод, и только получив на свои действия в марте 1845 года разрешение непосредственно самого Николая I, опросив начиная с 25 марта в присутствии рижского полицмейстера всех желающих перейти в православие, начал 6 апреля 1845 года миропомазать бывших гернгутеров². Д.Ф.Самарин обвинил впоследствии Филарета в нерешительности, в слабости, в недостатке воли и энергии, в отсутствии дара распознавать людей, в неумении обращаться с ними³. Между тем, как действия Филарета в 1845 году, так и последующие годы, вплоть до 1848 года, когда он был переведен из Риги, его доклады в Синод, большая половина из которых адресована непосредственно самому обер-прокурору Н.А.Протасову с пометкой "конфиденциально", отношения с рижским полицмейстером Языковым и генерал-губернатором Е.А.Головиным характеризуют его с совершенно противоположной стороны - тонким политиком, человеком решительным и энергичным. Он, видимо, постоянно помнил о судьбе своего предшественника - епископа Иринарха, поэтому действовал крайне

¹ Например, 13 марта 1845 г. Филарет жаловался Н.А.Протасову, что как только Трей узнал о желании латышей-гернгутеров перейти в православие, он сразу же организовал для их переубеждения регулярные частные собрания в своем доме. - ЦИА СССР, ф.796, оп.123, д.1188, л.50.

² Там же, ф.797, оп.15, д.36470, лл.16-17, 37, 40, 43, 56, 61, 65; ф.796, оп.123, д.1188, лл.61, 68-73.

³ Самарин Д.Ф. Сочинения.- М., 1896.- Т.10.- С.452.

осторожно, старался получить на каждый свой шаг разрешение сверху, хотя, если была такая возможность, совершенно спокойно нарушал распоряжения как местного начальства, так и правительственных кругов. Несмотря на то, что формально он был подчинен псковскому архиепископу Нафанаилу, и, согласно инструкции, должен был сообщать о каждом своем шаге вначале ему¹, Филарет часто даже не считал нужным ставить Нафанаила в известность, а советовался непосредственно с Протасовым, тем самым грубо нарушая субординацию. Своими действиями он уже в апреле 1845 года добился разрешения Протасова докладывать непосредственно в Синод, а не через псковского архиепископа². Несмотря на все требования Головина представлять ему сведения о присоединениях к православию, Филарет отказался это сделать под предлогом того, что об этом через Головина узнает лютеранская консистория и тех, кто присоединился к православию, будут притеснять, а позднее добился отмены Перовским распоряжения Головина³.

Столь же решительно епископ Филарет не считался и с мнением самого И.А.Протасова. Например, когда в мае 1845 года Протасов посоветовал ему священником для богослужения на латышском языке в Виндаву (Вентспилс) Юнаковского, Филарет написал ему, что Юнаковский в Виндаву "... не годится, не знает латышский ... не надежен для латышского дела", т.е. для дела присоединения латышских крестьян к православию, поэтому он считает более приемлемым для

¹ Инструкция Псковскому vicарии, Рижскому епископу от 6 июня 1842 г. - ЦИА СССР, ф.797, оп.12, д.30963, лл.3-6.

² Указ Синода - Филарету от 14 апреля 1845 г. - ЦИА Латв.ССР, ф.7462, оп.1, д.9, л.5.

³ ЦИА СССР, ф.797, оп.15, д.36470, лл.115-116, 118, 128-129; Там же. - ф.821, оп.5, д.181, лл.35 об.- 36.

этого места священника Павловского¹, с чем Протасов согласился. Несмотря на все советы Протасова о том, что пастора Трея нужно не удалять, а "увещевать", Филарет чуть ли не в каждом своем рапорте в Синод жаловался на Трея². В феврале 1846 г. пастор Трей в своей газете "Друг латышей" (1832-1846 гг.) издал статью под названием "Старец - пастор в Литве и его воспитанник Янис", в которой в инсказательной форме выступил с резкими нападками на действия православного духовенства в Прибалтике в 1845-1846 гг.³ Филарет незамедлительно донес об этой статье в Синод, который поставил в известность министра внутренних дел Л.А.Перовского⁴. Трей было запрещено издание газеты "Друг латышей", были конфискованы все номера газеты с этой статьей, а сам Трей переведен в Ковно⁵.

ИИ

Филарет постоянно требовал от подчиненного ему православного духовенства активных и решительных действий по увеличению своих приходов. Например, в своем письме к гаангофскому священнику И.Мемчужину от 24 июня 1846 г. Филарет запрашивал: "Как идет эстское богослужение? Открыл ли он школу? Что сам перевел на эстский язык? Не могу не заметить, что тогда, как священники Кусовский, Полистовский и Полетаев с отличным успехом действуют в поль-

¹ Рапорт Протасова Николаю I от 30 мая 1845 г.- ЦИА СССР, ф.797, оп.15, д.36470, л.103.

² Там же.- Лл.50,63 об., 70,71,81,87,97.

³ "Tas Latvīšu draugs".- 1846.g., 10.janvārī, 2 lapa, 17 janv., 3 lapa, 1946.g. 24.janv., 4 lapa.- Там же.- ф.821, оп.5, д.1528, лл.3-14 об.

⁴ Отношение Протасова Перовскому от 21 февраля 1846 г. - Там же.- Лл.1-2.

⁵ Донесение Головина Перовскому от 28 февраля 1846 г.- Там же.- Лл.32-33; Евангелически-лютеранская генеральная консистория Перовскому от 10 августа 1846 г.- Там же.- л.56.

зу и приращение православия, от Вас доселе не вижу я никаких плодов. Вы посланы не спать, а действовать"¹. Особенно пристальное внимание Филарет уделял знаниям православным духовенством Прибалтики местных языков, постоянно подчеркивая, что "... не умеющий разговаривать с прихожанами на их языке лишен будет всякого места в Лифляндии"².

Следовательно, действия епископа Филарета были продиктованы не проявлением слабости и нерешительности, а скорее наоборот - попыткой обеспечить себе поддержку со стороны правительственных кругов и тем самым придать действиям всего православного духовенства в 1845-1848 гг. вид законности.

Для богослужения на латышском языке в Риге была отведена Покровская церковь на Петербургском форштадте³, а священником в нее, по рекомендации Филарета, был назначен бывший дворовой графа Шереметьева Яков Михайлов, хорошо владевший латышским и немецким языками⁴. Михайлов в течение 25 лет являлся бухгалтером на мызе Песалг (Писбалга)⁵. По просьбе Филарета граф Шереметьев дал Я. Михайлову вольную⁶. 21 апреля 1845 года Яков Михайлов был специальным порядком рукоположен в дьяконы, а 22 апреля - в священ-

¹ Предписание Филарета И. Жемчужину от 24 июня 1846 г. - ЦИА Латв. ССР, ф. 7462, оп. 1, д. 82, л. 27 об.

² Предписание Филарета В. Карзову от 3 декабря 1847 г. - Там же. - д. 170, л. 5.

³ Донесение Филарета в Синод от 6 марта 1845 г. - ЦИА СССР, ф. 796, оп. 123, д. 1188, л. 65.

⁴ Там же. - л. 65 об.

⁵ Донесение Сенявина Перовскому от 14 декабря 1845 г. - Там же. - ф. 821, оп. 5, д. 182, л. 72.

⁶ Там же. - л. 74 об.

ники¹. Причетчиком в эту церковь был назначен в марте 1845 года Давид Балод², которого уже тогда (а официально миропомазан в православие Балод был только 21 апреля 1845 года)³ Филарет рекомендовал в Синод посвятить сначала в дьяконы, а потом в священники⁴. В апреле 1846 года Балод был назначен священником в Лядонскую православную церковь⁵. Показательно, что Давид Балод, несмотря на то, что был одним из инициаторов перехода римской гернгутерской общины в православие, на своем месте не проявил большого служебного рвения и, как жаловался в 1859 году в Синод преемник Филарета архиепископ Платон (Городецкий) (1803-1891), за 13 лет присоединил из лютеранства в православие всего 31 человека⁶. Такое быстрое продвижение по служебной лестнице православного духовенства было достаточно обычным явлением в период перехода прибалтийских крестьян в православие. Например, Павел Павловский, еще один из выдвиженцев Филарета, которому в 1845 году было 22 года, несмотря на то, что как Михайлов и Балод не имел специаль-

¹ Донесение Филарета Протасову от 23 апреля 1845 г.- ЦИА СССР, ф.797, оп.15, д.36470, л.89.

² Донесение Филарета в Синод от 6 марта 1845 г.- Там же. - ф.796, оп.123, д.1188, л.65 об. В своем письме Протасову от 14 мая 1845 г. Филарет так писал с Давиде Балоде: "... он издавна был наставником общества братьев и даже отец и дед были такими. Потому это - человек дорогой". Там же.- ф.797, оп.15, д.36470, л.98 об.

³ Письмо Филарета Протасову от 24 апреля 1845 г.- Там же.- ф.796, оп.123, д.1188, л.90.

⁴ Донесение Филарета в Синод от 6 марта 1845 г.- Там же.- л.65 об.

⁵ Донесение Филарета Протасову от 19 февраля 1847 г.- Там же.- ф.797, оп.17, д.40096, л.7. Православным священником Д.Балод стал 11 февраля 1846 г. - "Описание церквей и приходов Лифляндской и Курляндской губерний 1895-1896 гг." См.:ЛОИААН СССР, ф.4, д.155, л.35.

⁶ Донесение Платона обер-прокурору Синода графу Толстому от 23 февраля 1859 г.- ЦИА СССР, ф.797, оп.29, д.10а, л.7 об.

ного образования, 15 августа 1845 года был рукоположен в священники Мариенбургской (Адуксенской) церкви, где с августа 1845 года по март 1846 года присоединил к православию 1280 латышских крестьян¹. В свою очередь, священников, которые отказывались выполнять его указания, Филарет из Лифляндии решительно удалял. Например, когда перновский (Пярнуский) священник Иоанн Кукин отказался присоединять к православию эстонских крестьян, говоря "... не хочу метать бисера свиньям", он, по требованию Филарета, был спешным порядком переведен в Псковскую епархию².

Слухи о присоединении рижской гернгутерской общины к православию быстро разошлись по всей территории Лифляндской губернии³. Причем слухи о разрешении правительством перехода в православие в сознании крестьян, пусть это они даже не высказывали открыто, соединялись с надеждами через православие улучшить свое социально-экономическое положение. И.Г.Сенявин в своем докладе в МВД в 1845 году отмечал, что "... при восприимчивости народа ко всему, что подает ему надежду улучшить свое состояние ... в некоторых местах распространились слухи о разных выгодах, соединенных, будто бы, с принятием православия. Происхождение их ... нельзя объяснить иначе, как отчасти возвращение надежд 1841 г., когда крестьяне соединяли мысль о перемене веры с надеждою переселиться в

¹ Донесение Филарета в Синод от 2 марта 1846 г. - ЦГИА СССР, ф.796, оп.127, д.499, л.1 об.

² Записки священника Полякова об эйхенагерском приходе // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. - Т. III. - Р., 1880. - С. 518.

³ Рапорт Штакельберга Церовскому от 4 марта 1846 г. - ЦГИА СССР, ф.797, оп.15, д.36470, л.34 об.

другие лучшие губернии"¹. И, в самом деле, уже первые крестьяне, приехавшие весной-летом 1845 года к рижским православным священникам, расспрашивали их не о догматах православия, а жаловались на то, что на местах царит засуха и голод². В этой связи возникает³ вопрос, который был, пожалуй, самым спорным в историографии, опубликованной до Великой Октябрьской социалистической революции - имела или не имела место агитация со стороны самих православных священников в пользу перехода? Разумеется, что апологеты православия в Прибалтике категорически отрицали даже вероятность такой агитации³, в свою очередь, остзейская историография, в целом, придерживалась мнения, что все крестьянское движение за переход в православие было так или иначе спровоцировано самим православным духовенством⁴. Несомненно, что православное духовенство было заинтересовано в усилении своего влияния и увеличении числа православных приходов в Прибалтике. Поэтому вполне естественно, что епископ Филарет и руководимое им духовенство, получая

¹ Донесение товарища министра внутренних дел Сенявина о нынешнем положении Ливонии (1845 г.) // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. 1865.- Кн.4.-М.-С.195.

² Донесение Филарета Протасову от 1 июня 1845 г.- ЦГИА СССР, ф.797, оп.15, д.36470, л.114; Донесение Филарета Протасову от 19 июня 1845 г. - Там же.- л.125; Донесение Филарета Протасову от 17 июля 1845 г.- Там же.- л.149 и др.

³ Лейсман Н. Судьба православия в Лифляндии с 40-х до 80-х годов XIX столетия.- Р., 1908.- 124 с.; Страумит И. Записки православного латыша. // Самарин В. Окраины России.- Прага, 1868.- Вып. II.- С.1-122 и др.

⁴ Напр., Записки Ф.Вальтера о нарушениях законности при переходе в православие. 50-е годы XIX в.- ЦГИА Латв.ССР, ф.233, оп.4, д.1139, лл.21-22; A.Tobien. Die Agrargesetzgebung Lätvlands im 19 Jahrhundert, Bd.II, S.67, Православие и лютеранство в России.- Лейпциг, 1890.- С.16 и др.

на свои действия разрешения из Петербурга, пытались использовать благоприятную ситуацию для укрепления позиций своей конфессии в Прибалтике. Анализ архивных материалов позволяет сделать предположение, что прямой агитации со стороны православных священников в пользу перехода, по-видимому, не было, это было строго запрещено правительством¹, к тому же любая попытка подобной агитации была бы несомненно замечена остзейским дворянством и лютеранскими пасторами, тщательно фиксирующими проступки православного духовенства², однако православные священники, удерживая крестьян от разговоров об экономических выгодах перехода, постоянно, по указаниям сверху, повторяя им, что с переходом в православие их отношения с помещиками не изменятся, тем самым невольно или преднамеренно подталкивали их к принятию православия. Так, епископ Филарет, провожая в 1846 году священника Андрея Полякова в эйхенангернский (Стабегги) приход, посоветовал ему говорить крестьянам, что "... о земле ничего не знаю, а имею поручение присоединить желающих"³. 26 ноября 1845 года православному духовенству Прибалтики было дано специальное распоряжение "... постоянно внушать латышам и эстам, что через принятие православия они ни теперь, ни впоследствии не могут ожидать никаких особых зем-

¹ Предписание Протасова Филарету от 28 августа 1845 г. - ЦИА СССР, ф.797, оп.15, д.36470, лл.172-172 об.

² См., напр., Письмо Мейендорфа Перовскому от 2 апреля 1847 г. - ЦИА СССР, ф.821, оп.5, д.194, лл.43-44 об.; Письмо Мейендорфа Перовскому от 14 апреля 1847 г. - Там же. - лл.54-58; Письмо Мейендорфа Перовскому от 22 мая 1847 г. - Там же. - лл.63-72 об.; Записки Ф.Вальтера о нарушениях законности при переходе в православие. - ЦИА Латв.ССР, ф.233, оп.4, д.1139, лл.21-22 и др.

³ Записки священника Полякова об эйхенангернском приходе. // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. - Т. III. - Р., 1880. - С. 519.

ных выгод"¹.

То же самое касается и неоднократных распоряжений местной администрации о том, что переход в православие не сопряжен с какими-то "светскими" выгодами". Неслучайно, видимо, Е.А.Головин был вынужден в октябре 1845 г. специально подчеркнуть в публикации, обращенной к крестьянам, что как "... этой публикацией, так и другими, которые до того об этом писали, крестьянам немало во все не приказывается и не требуется от них, чтобы в истинную русскую веру переходили"². Незадолго до этой публикации Головин дал ^{же} подробное распоряжение местным органам управления³. Вероятно, постоянные внушения крестьянам со стороны православного духовенства и местной администрации о том, что с переходом в православие не связаны какие-либо материальные выгоды, наталкивали лихорадочно искавших выхода из тяжелого социально-экономического положения крестьян на совершенно противоположную мысль - если об этом говорится так часто и так много, то, несомненно, что какие-то выгоды в этом есть или будут, но от них это просто скрывается⁴.

¹ Рапорт Протасова Николаю I от 26 ноября 1845 г. - ЦИА СССР, ф.797, оп.15, д.36470, л.285.

² Публикация Головина от 10 октября 1845 г. - ЦИА Латв.ССР, ф.3, оп.5, д.2039, лл.60-65.

³ "... изъяснить крестьянам, что сим и предыдущими объявлениями им стидь не приказывается и не вменяется в обязанность присоединение к православной церкви, а только лишь дозволяется это". - Предписание Головина Фелькерзаму от 30 сентября 1845 г. (ЦИА СССР, ф.797, оп.15, д.36470, л.218 об.).

⁴ В докладе Орлову от 25 сентября 1845 г. дерптский (тартуский) штаб-офицер корпуса кандармов Эренстальн писал, что эстонские крестьяне переходят в православие только лишь для того, "... чтобы более не быть подвластными помещикам и чтоб через сие непременно как-нибудь переменить свою участь, хоть священник им иначе сказывает". (ЦИА СССР, ф.797, оп.15, д.36470, л.189 об.).

Первые крестьяне с прошениями присоединить их к православию начали появляться в Риге уже в марте 1845 года¹, т.е. практически сразу же после официального разрешения правительства принять в православие рижских гернгутеров. Вначале крестьяне приходили или непосредственно к самому епископу Филарету, или к священнику Рижской Покровской церкви Якову Михайлову, но с мая 1845 года количество просителей настолько увеличилось, что Филарет дал распоряжение принимать крестьян для присоединения в православие не только Михайлову, но и лемзальскому (Лимбажскому) священнику Стефану Меньшикову, (якобштадтскому) (Екабпилскому) священнику Александру Мutowозову, рапшинскому священнику Ефиму Верхоустинскому и дерптскому (Тартускому) протоиереев Феодору Березкову². С 1 марта 1845 года по 15 июня к православию было присоединено 424 человека³, но количество просителей, видимо, было значительно большим, так как после подачи прошения крестьянам давалось какое-то время на размышление, в период которого духовенство делало запросы в гражданские органы власти для установления личности просителя. Не исключена возможность, что в числе первых присоединившихся к православию наряду с рижскими гернгутерами были крестьяне, проживавшие в Риге, но не имевшие постоянной прописки. Рижский полицмейстер Языков докладывал в июне 1845 г. Е.А.Головину, что в полицию ежедневно приходят крестьяне, которые, объявив, что они стали православными, требуют выдать им "вид на жительство в Риге"⁴.

¹ Донесение Филарета Протасову от 20 марта 1845 г.- ЦИА СССР, ф.797, оп.15, д.36470, л.56.

² Донесение Филарета Протасову от 28 мая 1845 г.- Там же.- л.110.

³ Донесение Ханькова Перовскому от 9 июля 1845 г.- ЦИА СССР, ф.821, оп.5, д.181, л.80 об.

⁴ Рапорт Языкова Головину от 16 июня 1845 г.- Там же. - лл.74-76.

О надеждах крестьян получить постоянную прописку в городе, как одной из целей, толкавших крестьян на перемену вероисповедания, докладывал в мае 1845 г. министру внутренних дел Л.А.Перовскому чиновник МВД Штакельберг¹. 26 июня 1845 г. Головин писал в МВД, что "... крестьяне всегда охотно проживали в Риге, где они находят для себя легчайший способ к заработку денег; ныне они еще более домогаются сего, по причине оказавшейся после прошлогоднего неурожая нужды в хлебе, но встречая ... препятствия многие из них изъявили желание принять русскую веру, в надежде, что этим приобретут себе право оставаться в Риге. Примеры такого домогательства видел я сам между просителями ежедневно ко мне допускаемыми"². Однако тот же Головин отмечал, что среди крестьян, принимавших православие, были распространены также слухи о возможном освобождении от платежа податей, от рекрутской повинности и др.³. 18 июня в Ригу к православному священнику приехали 3 мариенбургских (Алуксненских) крестьянина, которые, вместе с просьбой о присоединении к православию, рассказали священнику о страшном голоде, царившем в их местах⁴. Этот факт примечателен в том отношении, что буквально накануне Филарет встретился с Головиным, который рассказал епископу о донесении губернского чиновника А.Адеркаса⁵ о том, что тот в мариенбургском (Алуксненском) уезде

¹ Рапорт Штакельберга Перовскому. Май 1845 г. - ЦГА ССРС, ф.821, оп.5, д.181, л.25.

² Донесение Головина Перовскому от 26 июня. - Там же.- лл.46-46 об.

³ Донесение Головина Перовскому от 18 июня.- Там же.- л.86.

⁴ Донесение Филарета Протасову от 19 июня 1845 г.- Там же.- ф.797, оп.15, д.36470, л.125.

⁵ Впоследствии по требованию Л.А.Перовского Адеркас был отстранен от выполнения поручений Головина, связанных с переходом крестьян в православие, т.к. "... чиновник сей видимо действует под влиянием местных односторонних идей". - Предписание Перовского Головину от 7 июля 1845 г. (Там же.- ф.821, оп.5, д.181, л.57 об.).

"... слышал слух, будто между некоторыми латышами идет разговор, что с присоединением к православию им дана будет хорошая земля"¹. Несмотря на это Филарет уже 29 июня 1845 года обратился в Синод за разрешением открыть в Мариенбурге (Алуксне) походную православную церковь². Следует отметить, что вообще Филарет и православное духовенство действовали в 1845-1846 гг. достаточно оперативно, и как только из какого-нибудь уезда появлялись просители, сразу же туда направлялась для наглядной пропаганды православная походная церковь со священником, одним чтецом и двумя певцами³. Так было с церковью в Мариенбурге (Алуксне) Валкского уезда, так было и с походными и временными церквями в Шваненбурге (Гулбене)⁴, Сагнице (Сангасте) Дерптского (Тартуского) уезда, Зербене (Дзербене) Венденского (Цесисского) уезда, Аагофе (Лаяспиемс) Валкского уезда, Кокенгузене (Кокнесе) Рижского уезда, Кольцене (Бирини) Рижского уезда, Эйхенангерне (Стабеге) Вольмарского (Валмиерского) уезда, Аймеле (Аймла) Феллинского (Вильяндского) уезда, Куркунде (Киллинга) Перновского (Пярнуского) уезда, Эллист-Фере (Элествере) Дерптского (Тартуского) уезда⁵ и др. По словам непосредственного участника событий 1845-1848 гг. псаломщика Лидерской православной церкви Лапина, на местах присоединение крестьян к православию происходило следующим образом: священник выстраивал во дворе в ряд всех желающих присоединиться (в воскресные дни их

¹ Донесение Филарета Протасову от 18 июня.- ЦГИА СССР, ф.797, оп.15, д.36470, л.124 об.

² Донесение Филарета Протасову от 29 июня 1845 г.- Там же.-л.132.

³ Донесение Филарета Протасову от 13 июля 1845 г.- Там же.- л.142.

⁴ Донесение Филарета Протасову от 19 июля 1845 г.- Там же.-л.147.

Первые просители из Шваненбургского кирхшпилья появились в Риге 11 июля, и уже 19 июля Филарет просил у Протасова разрешения послать в Шваненбургский кирхшпиль походную церковь.

⁵ Донесение Филарета Протасову от 19 февраля 1847 г.- Там же.- Оп.17, д.40096, лл.6-13.

было до 300 человек); давал каждому в руку свечу и читал молитвы совершения обряда присоединения, после чего на шею каждого крестьянина надевали крестик и присоединение к православию считалось законченным. Причем из-за большого наплыва желающих, присоединившихся таким образом к православию крестьян даже не успели записывать в метрические книги¹.

Количество крестьян, приезжавших в Ригу для подачи прошений о присоединении к православию постоянно увеличивалось. С 12 по 28 июня 1845 г. рижское православное духовенство приняло 45 прошений отцов крестьянских семейств², с 4 по 6 июля - 16 прошений эстонских крестьян и 23 прошения латышских³, с 11 по 12 июля - 40 крестьянских прошений⁴, 13-16 июля - 26 прошений латышских крестьян⁵, 17-19 июля - 30 прошений латышских крестьян и 9 - эстонских⁶.

19 июля 1845 г. Е.А.Головин дал циркулярное предписание ордуиунгсрихтерам Лифляндской губернии, что все присоединенные к православию крестьяне "... будут находиться под особым покровительством и под прямой защитой правительства"⁷. Однако в другом воп-

¹ "Описание Лидерского (Лидерского) православного прихода". 1895 г. С. Журавский.-Рукописный архив ЛОИАН СССР, ф.4, д.155, лл.45 об.-46.

² Донесение Филарета Протасову от 29 июня 1845 г.- ЦИА СССР, ф.797, оп.15, д.36470, л.132.

³ Донесение Филарета Протасову от 8 июля 1845 г.- Там же.- л.140.

⁴ Донесение Филарета Протасову от 13 июля 1845 г.- Там же.-л.142.

⁵ Донесение Филарета Протасову от 17 июля 1845 г.- Там же.-л.148.

⁶ Донесение Филарета Протасову от 19 июля 1845 г.- Там же.-л.147.

Необходимо подчеркнуть, что Филарет вместе со сведениями о прошениях крестьян постоянно докладывал в Синод, что крестьяне "... по местам терпят сильный голод". (См.:Там же.- л.149).

⁷ Циркулярное предписание Головина дерптскому, валкскому и верроскому ордуиунгсрихтерам от 18 июля 1845 г.- Там же.- ф.821, оп.5, д.181, л.90.

росе - имеет или не имеет право православное духовенство Прибалтики принимать крестьян в православие без наличия у них документов, удостоверяющих личность, Головин, в свою очередь, полностью поддержал местных помещиков. Спор между епископом Филаретом и губернским правлением о том, надо или не надо требовать с крестьян паспорта, разгорелся практически сразу же после начала перехода латышских и эстонских крестьян в православие в 1845 году¹. Этот спор имел принципиально важное значение, так как отмена распоряжений губернских властей о требовании с крестьян паспортов полностью вырывала переход в православие из-под контроля остзейского дворянства и местного начальства. Епископ Филарет неоднократно жалобами в Синод на действия местных полицейских властей добился поддержки Н.А.Протасова, который написал в МВД, что, по его мнению, "... присоединение иноверцев предоставляется собственному распоряжению епископа"². Министр внутренних дел Л.А.Перовский 14 июня 1845 г. решительно поддержал Синод, а вместе с тем и епископа Филарета, предписав Головину прекратить требовать с крестьян, приходящих в Ригу для присоединения к православию паспорта³, отметив, что, по его мнению, "... вопрос о паспортах есть вопрос чисто гражданский, не имеющий ничего общего с вероисповеданием, следовательно, неимение паспорта не может препятствовать православному духовенству присоединять желающих православия"⁴. Однако разрешение бесконтрольно принимать в право-

¹ Донесение Филарета Протасову от 28 мая 1845 г.- ЦГИА СССР, ф.797, оп.15, д.36470, л.110 об.; Донесение Филарета Протасову от 3 июня 1845 г.- Там же.- л.115; Донесение Филарета Протасову от 3 июля 1845 г.- Там же.- оп.12, д.30743, л.95 и др.

² Отношение Протасова Перовскому от 8 июня 1845 г.- Там же.- оп.15, д.36470, л.116 об.

³ Предписание Перовского Головину от 14 июня 1845 г.- Там же.- ф.821, оп.5, д.181, л.35 об.

⁴ Предписание Перовского Ханькову от 17 июля 1845 г.- Там же.- л.83.

славию крестьян не только слишком очевидно развязывало руки православному духовенству, но и практически узаконило под предлогом перехода в православие самовольный уход крестьян из поместий и прекращение на это время выполнения барщинных повинностей. Это вызвало такое всеобщее недовольство остзейского дворянства, что Е.А.Головин 20 августа 1845 г. был вынужден сделать распоряжение о необходимости наличия у крестьян, просящих перейти в православие, увольнительных билетов от мизных управлений¹. Но, судя по всему, и после этого распоряжения губернского начальства православное духовенство нередко присоединяло к православию крестьян и без наличия у них паспортов и увольнительных билетов². Впоследствии отказ мизных управлений в выдаче крестьянам увольнительных билетов стал активным средством противодействия местных помещиков переходу в православие. Так, например, осенью 1845 г. 20 эстонских крестьян были наказаны приходским судом 60 ударами розог каждый за приход в Дерпт (Тарту) без увольнительных билетов, хотя крестьяне на допросе и показали, что их помещик фон Моллер отказался им эти билеты выдать³.

В июле 1845 г. чиновник МВД Я.В.Ханыков в докладе министру внутренних дел отмечал, что в Прибалтике "... дворянство действительно заведует земским управлением и судом ... пользуется огромным нравственным влиянием, посему нерасположение их и может породить глухое, не претупающее законных форм, но тем не менее крайне вредное противодействие распоряжениям высшего начальства. Сверх

¹ Циркуляр Головина от 20 августа 1845 г.- ЦГА СССР, ф.821, оп.5, д.188, л.57.

² Отношение Головина Филарету от 2 октября 1845 г.- ЦГА СССР, ф.797, оп.15, д.36470, л.217-217 об.

³ Рапорт Липранди Перовскому от 9 ноября 1845 г.- Там же.- ф.821, оп.5, д.188, л.13.

того, при всех усилиях последнего, оно не в состоянии будет защитить обыкновенными законными мерами обращенных крестьян, если помещики решаться притеснять их"¹. Непосредственно сразу же после начала перехода прибалтийскому генерал-губернатору и в МВД стали поступать жалобы лютеранских пасторов и прибалтийских немецких помещиков на незаконные действия православного духовенства². В свою очередь, православное духовенство во главе с Филаретом постоянно жаловалось Головину и в Синод на притеснения, которым подвергались присоединившиеся к православию крестьяне³. Взаимные нападки и обвинения православного духовенства и лютеранских пасторов продолжались на всем протяжении перехода прибалтийских крес-

¹ Донесение Ханькова Перовскому от 22 июля 1845 г.- ЦИА СССР, ф.821, оп.5, д.181, лл.94-94 об.

² Предписание Перовского Головину от 7 июля 1845 г.- ЦИА СССР, ф.821, оп.5, д.181, л.56 об.; Предписание Головина рижскому суперинтенданту Бергману от 4 июля 1845 г.- Там же.- л.88; Донесение Сенявина Перовскому от 13 ноября 1845 г.- Там же.- д.187, л.4-9; Циркуляр Бергмана членам рижской городской консистории от 10 ноября 1845 г.- Там же, л.3,3 об.; Донесение Энгельгардта Фелькерзаму от 26 июля 1845 г.- Там же.- д.181, л.105-107 об.; Предписание Дерптского-Верроского главного церковного попечительства от 3 декабря 1845 г.- ЦИА Латв.ССР, ф.7462, оп.1, д.78, лл.5-8; Письмо Мейендорфа Перовскому от 14 августа 1845 г.- ЦИА СССР, ф.821, оп.5, д.181, лл.114-114 об. и др.

³ Донесение Филарета Протасову от 9 октября 1845 г.- ЦИА Латв.ССР, ф.7462, оп.1, д.11, л.1; Рапорт Е.Верхоустинского Филарету от 30 сентября 1845 г.- Там же.- д.13, л.1-1 об.; Донесение Филарета Протасову от 11 сентября 1845 г.- ЦИА СССР, ф.797, оп.15, д.36470, л.183; Донесение Филарета Протасову от 30 сентября 1845 г.- Там же.- л.207-210 и др.

тъян в православие в 1845-1848 гг. Причем остзейские помещики, заинтересованные в сохранении через лютеранство своего идеологического влияния на местных крестьян¹, неизменно в этом споре, за редким исключением, поддерживали лютеранскую консисторию². В этом отношении особенно характерно донесение лифляндского ландмаршала К.К.Лилиенфельда Л.А.Перовскому в октябре 1845 г., в котором Лилиенфельд, выступая от лица всего лифляндского дворянства, подверг критике действия православного духовенства и самого прибалтийского генерал-губернатора Головина и потребовал от министра внутренних дел "... при существующем в Лифляндской губернии значительном волнении между поселянами, на первый случай и на некоторое время запретить вообще всякое принятие к переходу в православную веру, доколе поселяне вновь не успокоятся и доколе не будут искоренены лживые их ожидания"³. На всем протяжении 1845-1848 гг. в губернское правление регулярно поступали просьбы местного дворянства на присылку воинских соединений для подавления "значительных волнений"⁴ и несмотря на то, что все эти сведения при проверке не подтверждались, губернские власти по первому сигналу,

¹ Примечательны в этом отношении слова, сказанные лифляндским помещиком Фиттинггофом в октябре 1846 г. - "Не крестьяне, но я сам плачу пастору - и какое кому дело до моей собственности". - Рапорт Тивинского Филарету от 25 октября 1846 г. - ЦИА Латв.ССР, ф.7462, оп.1, д.171, л.70.

² См. напр., Отношение супер-интенданта Бергмана рижскому бургомистру П.Бюнгнеру от 30 октября 1845 г. - ЦИА СССР, ф.821, оп.5, д.184, л.7-9; Отношение Бюнгнера Мейендорфу от 6 ноября 1845 г. - Там же, - л.18-19 и др.

³ Донесение Лилиенфельда Перовскому от 3 октября 1845 г. - ЦИА СССР, ф.821, оп.5, д.182, л.4-20 об.

⁴ Донесение Энгельгардта Фелькерзаму от 26 июля 1845 г. - Там же, - д.181, л.195-197 об.; Донесение Ханькова Перовскому от 12 августа 1845 г. - Там же, - л.115 об.-116; Рапорт Буксгевдена Головину от 10 июня 1846 г. - Там же, - д.190, л.110-111; Рапорт Перовского ордунгсгерихта Головину от 24 апреля 1846 г. - Там же, - л.24-28; Донесение Щербачева Куцинскому от 21 июня 1846 г. - ЦИАССР, ф.109, III отд., I эксп., д.158, л. 1 об. и др.

дабы "... не раздражать без необходимости здешних высших сословий"¹, неизменно посылали казаков².

21 июля 1845 г. прибалтийский генерал-губернатор под нажимом жалоб лифляндских помещиков на то, что "крестьяне отлучаются в рабочее время ... и что между ними заметно некоторое движение"³, после совещания с Филаретом дал распоряжение всем местным органам власти Лифляндской губернии объявить крестьянам, что православное духовенство приостановило принятие прошений о присоединении до 1 сентября, т.е. до окончания основных полевых работ⁴. Так закончился начальный этап перехода прибалтийских крестьян в православие в 1845-1848 гг., длившийся с февраля по 21 июля 1845 года. Основным результатом этого этапа было официальное подтверждение царским правительством разрешения на переход прибалтийских крестьян в православие⁵ и, как следствие этого, повсеместное распространение слухов о выгодах перехода, а также разработка формального порядка присоединения к православию⁶: 1) подача прошения (с 20 августа 1845 г. в обязательном порядке стали требовать наличия также паспорта и разрешения от местного начальства, которые выда-

¹ Донесение Ханыкова Перовскому от 22 июля 1845 г.- ЦИА ССР, ф.821, оп.5, д.181, л.96.

² В октябре 1845 г. в Дерпте (Тарту) по распоряжению Головина было размещено 200 казаков, еще 200 казаков были отправлены на границу Псковской и Лифляндской губерний.- Рапорт Перовского Николаю I от 13 октября 1845 г. - Там же.- д.188, л.19 об.

³ Донесение Филарета Протасову от 13 июля 1845 г.- ЦИА ССР, ф.797, оп.15, д.36470, л.144.

⁴ Циркулярное предписание Головина всем приходским судьям от 21 июля 1845 г.- Там же.- ф.821, оп.5, д.181, л.99-99 об.

⁵ См.: резолюцию Николая I на рапорте Палена Орлову от 6 марта 1845 г.- ЦИА ССР, ф.797, оп.15, д.36470, л.40.

⁶ В общих чертах этот порядок был разработан Синодом еще 26 октября 1842 г.- Указ Синода от 30 марта 1844 г. (ЦИА Латв.ССР, ф.7462, оп.1, д.7, л.2 об.- 3).

вались не более одной десятой всех работающих в поместьи)¹; 2) личное присутствие самого просителя (категорически были запрещены коллективные прошения)²; 3) обязательное присутствие при подаче крестьянами прошений представителей местных органов управления³; 4) отбирание от крестьян подписок в том, что они присоединяются к православию только из религиозных побуждений, а все прежние их обязанности к помещикам сохраняются⁴.

Осенью 1845 года слухи о выгодах перехода в православие еще более распространились⁵, как росли, впрочем, постоянно также цены на хлеб и другие продовольственные товары⁶. После 1 сентября переход прибалтийских крестьян в православие продолжался с новой силой. По сведениям, доставленным Филаретом в Синод, с марта 1845 года по первые числа октября - 1575 крестьян перешло в православие (920 латышских и 655 эстонских), прошения же на разрешение на переход были поданы от 3500 отцов крестьянских семейств⁷. К октябрю 1845 года движение за переход в православие охватило уже 50 кирхшилей Лифляндской губернии⁸. Однако, несмотря на то, что 24 сен-

¹ Циркуляр Головина всем ордунгсрихтерам и кирхшильсрихтерам Лифляндской губернии от 20 августа 1845 г. - ЦИА СССР, ф. 821, оп. 5, д. 188, л. 57-57 об.

² Предписание Протасова Филарету от 14 августа 1842 г. - ЦИА СССР, ф. 797, оп. 12, д. 30743, л. 1.

³ Рапорт Штакельберга Перовскому от 23 марта 1845 г. - Там же. - ф. 821, оп. 5, д. 181, л. 16.

⁴ Всеподдан. отчет по управлению Балтийским краем генерал-губернатора Головина с мая 1845 по февраль 1848 г. - Там же. - ф. 908, оп. 1, д. 60, л. 215.

⁵ Рапорт Опочинина Чернышеву от 2 ноября 1845 г. - Там же. - ф. 821, оп. 5, д. 181, л. 140.

⁶ Там же. - ф. 797, оп. 15, д. 36470, л. 236-236 об. ; *Zutis J. Cīpa par agrārām reformām XIX gadsimta pirmā pusē. R., 1945, 37. lpp.*

⁷ Рапорт Протасова наследнику цесаревичу от 12 октября 1845 г. - ЦИА СССР, ф. 797, оп. 15, д. 36470, л. 226.

⁸ Там же. - л. 227.

тября 1845 года Протасов послал Филарету утвержденную Синодом форму показаний, отбираемых у крестьян при присоединении к православию, основной мыслью которых было обязательное внушение крестьянам, что они "... не могут получить ни теперь, ни впоследствии никаких земных выгод, и что они останутся в таком же отношении к своим помещикам, как и теперь"¹, по свидетельству Е.А.Головина среди крестьян все ^{больше} распространялась "... уверенность, будто бы с запискою у русского священника ожидает их перемена землевладельческого их быта, уверенность, от которой ни убеждениями, ни публикациями отклонить их нельзя"².

Особенно много крестьян для перехода в православие приезжало в Ригу и Дерпт (Тарту), поэтому Филарет 28 сентября дал указание принимать крестьян, кроме тех священников, которым это было разрешено ранее, рижским священникам Д.Верецагину, В.Беляеву и С.Светлову, а также дерптскому священнику П.Невдачину³. Одним только Верецагиным с половины сентября до половины октября 1845 года было присоединено к православию около тысячи крестьян.⁴ В начале октября подобные указания получили православные священники 6 городов - Митава (Елгава), Дерпта (Тарту), Якобштадта (Екабпилс), Верро (Выру), Лемзале (Лимбажи) и Пернова (Царну), а также двух миз - Рапшино (Ряпина) и Черной (Мустевез)⁵. Следователь-

¹ Предписание Протасова Филарету от 24 сентября 1845 г. - ЦИА СССР, ф.797, оп.15, д.36470, л.187.

² Донесение Головина Перовскому от 10 мая 1846 г. - Там же. - ф.821, оп.5, д.190, л.40.

³ Донесение Филарета Протасову от 28 сентября 1845 г. - ЦИА СССР, ф.797, оп.15, д.36470, л.197 об.

⁴ Записки священника Полякова об эйхенангернском приходе. // См.: Сборник материалов -Т.III.-Р., 1880.- С.517.

⁵ Рапорт Протасова наследнику-цесаревичу от 12 октября 1845 г. - ЦИА СССР, ф.797, оп.15, д.36470, л.222 об.

но, к октябрю 1845 года к присоединению крестьян в православие были привлечены практически все православные священники Лифляндской губернии и часть священников Курляндской губернии¹. 30 сентября 1845 г. губернские власти, напуганные концентрацией большого количества крестьян в Риге под предлогом присоединения к православию, сделали распоряжение, по которому крестьянам для перехода в православие было разрешено являться только в ближайшую церковь², поэтому начиная с октября 1845 года поток крестьян в Ригу сократился³. С октября 1845 г. центром присоединения крестьян в православие стал Дерпт (Тарту), где контроль со стороны гражданских властей был значительно меньшим, чем в Риге. С 19 сентября по 11 октября 1845 года в Дерпте (Тарту) 2533 крестьянина подали прошения на присоединение к православию⁴, причем в Дерпте запись крестьян в православие вплоть до ноября 1845 г. происходила настолько формально, что местный протоиерей Ф. Березский, не зная даже эстонского языка, присоединял ежедневно к православию до 200 человек, записывая не только просителей, но и всех членов их семейств⁵.

¹ Хотя случаи перехода крестьян Курляндской губернии в православие, в силу относительно более лучшего социально-экономического положения их, были крайне редки, однако яacobштадским (Екабпилским) священником А. Мутавазовым за 1845-1848 гг. было присоединено к православию 381 латышский крестьянин. - ЦИА СССР, ф. 796, оп. 127, д. 449, л. 1 об.

² Предписание Головина Фелькерзаму от 30 сентября 1845 г. - Там же. - ф. 797, оп. 15, д. 36470, л. 218-219.

³ Донесение Филарета Протасову от 9 октября 1845 г. - Там же. - л. 269.

⁴ Рапорт Каниевского от 13 октября 1845 г. - Там же. - л. 264 об. Из 2533 крестьян, подавших прошения, только 230 прошений было от крестьян, живущих на казенных мызах.

⁵ Рапорт Опочинина Чернышеву от 9 ноября 1845 г. - Там же. - ф. 821, оп. 5, д. 181, л. 167-168.

Всего в Ливляндской губернии с марта по 1 декабря 1845 г. было присоединено к православию 11963 крестьянина (4109 латышских и 7854 эстонских)¹, а в целом за 1845 г. в православие перешло 14088 прибалтийских крестьян (4569 латышских и 9519 эстонских)². Зимой 1845-1846 гг. православное богослужение на латышском языке было открыто в Вендене (Цесисе), Лемзале (Лимбажи), Вольмаре (Валмиере), Мариенбурге (Алуксне), на мызах Рамдан (Вискали), Лаудон (Ляудона), Нитау (Нитауре), на эстонском языке - в Дерпте (Тарту), Верро (Выру), на мызах Черной (Мустевез), Сагниц (Саггасте), Обер-Пален (Пелтсамаа), Конгот-Кавелехт (Конгута-Кавилла)³.

Осенью 1845 г. наряду с переходом в православие одной из самых распространенных форм классовой борьбы крестьянства стала подача устных и письменных жалоб местным православным священникам. В этот период крестьяне в основном жаловались на то, что их не пускали к православным священникам и не выдавали им увольнительных билетов. Например, в октябре 1845 г. крестьянка мызы Веро-гор (Выру) Анна Терески обратилась к ряпинскому православному священнику Е.Верхоустинскому с жалобой на своего помещика Филиппа Рота, по приказанию которого в приходском суде 55 ударами розог был наказан ее сын Виллем. По словам матери, Виллем Терески подвергся наказанию за то, что просил у помещика увольнительного билета "на царя и бога"⁴. Несмотря на то, что 26 ноября 1845 г. специальными отношениями Синода к Филарету, утвержденными наследником престола,

¹ Донесение Сенявина Перовскому от 14 декабря 1845 г.- ЦГИА СССР, ф.821, оп.5, д.185, л.67.

² Сведения о числе присоединившихся латышей и эстов. - Там же.- ф.797, оп.18, д.41946, л.53.

³ Отношение Синода в МВД от 12 июня 1846 г.- Там же.- ф.821, оп.5, д.183, л.171.

⁴ Рапорт Верхоустинского Е. Филарету от 23 октября 1845 г.- ЦГИА Латв.ССР, ф.7462, оп.1, д.13, л.10.

православному духовенству Лифляндской губернии еще раз категорически было подтверждено о запрещении принятия от крестьян жалоб на притеснения со стороны помещиков¹, уже осенью-зимой 1845 г. крестьяне повсеместно начали обращаться к православным священникам с просьбами о заступничестве от произвола помещиков².

Вопреки тревогам местных помещиков открытых крестьянских волнений в 1845 году, "... хотя большая часть туземцев переходит к православию с неясными, скрытыми ... ожиданиями, за которыми должно последовать разочарование и желание поправить ошибку"³, не произошло, однако, по выражению И.Г.Сенявина, "... нынешнее стремление народа к перемене веры оказалось слишком сильным и повсеместным, чтоб возможно было ныне остановить его, а посему остается только дать ему правильное направление и предупредить на будущие времена беспокойства"⁴. Именно так, т.е. попыткой придать переходу в православие "правильное" направление, и следует расценивать ряд мер, предпринятых царским правительством в конце 1845 - начале 1846 года. Зимой 1845-1846 гг., обеспокоенные ростом крестьянского движения, его размахом и массовостью, под влиянием признаний практически всех проверяющих о социально-экономи-

¹ Рапорт Протасова наследнику цесаревичу от 26 ноября 1845 г.- ЦИА СССР, ф.797, оп.15, д.36470, л.285.

² Рапорт Верхоустинского Филарету от 16 ноября 1845 г.- ЦИА Латв.ССР, ф.7462, оп.1, д.13, л.18; Предписание Головина Фелькерзаму от 25 ноября 1845 г.- Там же.- ф.3, оп.5, д.51, л.102; Донесение Филарета Протасову от 9 декабря 1845 г.- Там же.- ф.7462, оп.1, д.174, л.9-10; Рапорт Меньшикова Филарету от 19 декабря 1845 г.- ЦИА СССР, ф.797, оп.16, д.38174, л.8 и др.

³ Донесение Головина Перовскому. Октябрь 1845 г.- Там же.- ф.821, оп.5, д.182, л.56.

⁴ Донесение товарища министра внутренних дел Сенявина о нынешнем положении Лифонии (1845).// Чтение ... - Кн.4.- М., 1865.- С.204.

ческой сущности волнений, правительственные круги попытались несколько узаконить, упорядочить переход прибалтийских крестьян в православие (введение 5 декабря 1845 г. 6-месячного срока со времени подачи крестьянами прошения о присоединении к православию до самого присоединения¹, введение 21 февраля 1846 г. шнуровых книг для записи присоединявшихся крестьян и свидетельств о присоединении и т.д.)². Впоследствии апологеты православия в Прибалтике расценили эти меры правительства как попытку затормозить переход прибалтийских крестьян в православие, как уступку местному остзейскому дворянству³. Между тем, отношение царского правительства к вопросу о распространении православия в Прибалтике зимой 1845-1846 гг. не изменилось. Правительство, несомненно, выступало за распространение православия, надеясь тем самым ограничить привилегии остзейских помещиков и более тесно сблизить прибалтийские губернии с остальной Россией, но попыталось обойтись "малой кровью", за счет стихийности крестьянского движения, наивной веры крестьянства в улучшение условий своей жизни через принятие

¹ Донесение Филарета Протасову от 15 декабря 1845 г. - ЦГИА Латв.ССР, ф.7462, оп.1, д.9, л.7; Публикация Головина от 4 января 1846 г. - Там же. - ф.3, оп.5, д.590, л.165.

² Предложение Синода от 6 февраля 1846 г. - ЦГИА СССР, ф.796, оп.127, д.279, л.1-3 об.

³ См.: например, замечание рижского архиепископа Платона о переходе прибалтийских крестьян в православие в 1845-1848 гг.: "... правительство наше не только не принимало никаких мер к распространению православия в прибалтийских губерниях, но еще старалось по возможности приостановить оное ... (доказательством этого - назначение 6-месячного срока)". - Замечания Платона на записках Мейендорфа от 4 декабря 1854 г. (Там же, оп.128, д.121, л.137 об.); Самарин Ю.Ф. Письма из Риги. - Сочинения. - Т.7. - М., 1889. - С.140, 148 и др.

"царской зеры"¹. Но напуганное неожиданной для него массовостью перехода прибалтийских крестьян в православие, находясь под постоянным нажимом со стороны остзейских помещиков, оно попыталось ограничить движение чисто религиозными рамками. Именно этой цели служили как указы конца 1845 - начала 1846 года, так и практически все предыдущие и последующие распоряжения царского правительства в Прибалтике в 1845-1848 гг. Однако попытки искусственного сведения социально-экономического по сути своей крестьянского движения к чисто внешней форме его проявления - смене вероисповедания, неизменно вели к затуханию крестьянского движения, так и обрекали сами старания царского самодержавия во второй половине 40-х годов XIX в. распространить в Прибалтике православие на неудачу.

Неизменность отношения правительственных кругов по вопросу о распространении православия в Прибалтике подтверждается целым рядом поощрительных мер, предпринятых царским правительством в 1846 г. по укреплению позиций православной церкви (увеличение 17 марта 1846 г. жалования лифляндскому православному духовенству², отмена 19 апреля 1846 г. обязательного присутствия при миропомазании крестьян представителей гражданских властей³, разрешение православным крестьянам свободного передвижения без увольнительных билетов и паспортов в пределах прихода⁴, строительство новых

¹ См., например, донесение Ханькова Перовскому от 22 июля 1845 г.: "... успех обращения латышей кажется несомненным, но это именно и делает всякое насильственное содействие ему не только бесполезным, но даже вредным, ослабляя надежность обращения и грозя беспорядками, могущими лишь замедлить развитие православия". (ЦГА СССР, ф. 821, оп. 5, д. 181, л. 96 об.).

² Там же. - ф. 797, оп. 10, д. 27681, лл. 101, 111.

³ Там же. - оп. 15, д. 36470, л. 319-319 об.

⁴ ЦГА Латв. ССР, ф. 7462, оп. 1, д. 86 (1846 г.), л. 1; ф. 3, оп. 5, д. 2042, л. 31-31 об.

православных церквей¹, награждение в 1846-1847 гг. целой группы православных священников и представителей местной администрации за "... испытание и присоединение к православию лифляндских крестьян"² и др.). Судя по всему, эти меры смогли на какое-то время поддержать надежды крестьян на возможность получения от перехода в православие каких-то материальных выгод. В 1846 г. резко увеличилось число крестьянских жалоб православному духовенству на притеснения со стороны помещиков³. Причем, если в 1845 г. крестьяне в основном жаловались духовенству на то, что им запрещают переходить в православие, основная цель крестьянских жалоб 1846-1847 гг. — добиться при содействии православного духовенства улучшения своего тяжелого социально-экономического положения и ограничения произвола помещиков⁴. Например, в жалобе, поданной

¹ ЦГИА СССР, ф.797, оп.10, д.27681, лл.98-100.

² Там же, ф.796, оп.127, д.449, лл.1-24; Там же, ф.821, оп.5, д.198, л.1-7; ЦГИА Латв.ССР, ф.1, оп.12, д.789, л.1-9 и др. В свою очередь в январе 1846 г. был уволен и отдан под суд ассесор рижского уездного суда в Лемзале (Лимбажи) Фрейман, который при записке крестьян в православие попробовал расспрашивать крестьян о причинах, побудивших их на такое решение. — Донесение Головина Перовскому от 4 и 16 января 1846 г. (ЦГИА СССР, ф.821, оп.5, д.189, лл.60,72,76).

³ Напр., по свидетельству лаздонского православного священника В.Мутовозова каждая его беседа с крестьянами заканчивалась жалобами последних на притеснения помещиков. — Рапорт Мутовозова Филарету от 28 октября 1847 г. — ЦГИА Латв.ССР, ф.7462, оп.1, д.91, л.5.

⁴ Рапорт лемзальского (Лимбажского) священника С.Меньшикова Филарету от 19 ноября 1846 г. — Там же, д.175, л.1-2; Письмо Березского Филарету от 26 января 1846 г. — Там же. — л.4-5 об.; Рапорт Меньшикова Филарету от 26 января 1846 г. — Там же. — л.6; Рапорт веровского (Вьрусского) священника А.Малиновского Филарету от 26 января 1846 г. — Там же. — л.7; Рапорт Березского Филарету от 31 мая 1846 г. — Там же. — л.20 и др.

31 июля 1847 г. 61 крестьянином мызы Кабалы (Кабала) обер-паленскому (Пелтсамаа) священнику В.Полистовскому, пересланной им Филарету, эстонские крестьяне просили "... начальство о милосердной защите их от несправедливостей, делаемых им со стороны мызы в непомерных работах для оной, через которые они разорятся. Они должны еженедельно исправлять на мызу по 3 дня пених и по 3 дня конных, и кто из них дней сих не исправит, того наказывают палками ... просят начальство не гневаться на них за такую жалобу, но милосердно защитить ... ибо со стороны мызы их только страшат, они должны ходить туда только на работу"¹.

Епископ Филарет, видимо, понимал, что принятие подобных жалоб значительно повышало авторитет православного духовенства в глазах крестьян, способствовало распространению среди крестьян надежд на реальную материальную помощь через посредничество священников, а вместе с тем, и росту популярности православия, поэтому, несмотря на неоднократные требования гражданских властей прекратить прием крестьянских жалоб, специальным циркуляром от 15 сентября 1846 г. приказал священникам докладывать о каждой крестьянской жалобе непосредственно ему самому². В этот период был разработан порядок разбирательства жалоб : православный священник посылал жалобу крестьян епископу Филарету, епископ пересылал ее генерал-губернатору Е.А.Головину, а Головин, в свою очередь, давал распоряжение о расследовании ее приходским или уездным судом. Но так как, по словам самого же Головина, "... все действия мызных управителей прикрыты благовидными предложениями"³,

¹ Жалоба крестьян мызы Кабалы Полистовскому от 31 июля 1847 г.- ЦИА Латв.ССР, ф.7462, оп.1, д.323, л.6-7 об.

² Циркулярное предписание Филарета от 15 сентября 1846 г. православному духовенству Лифляндской губернии.-Там же.-д.171, л.41.

³ Донесение Головина Перовскому от 19 апреля 1846 г.- ЦИА СССР, ф.821, оп.5, д.190, л.13 об.

а "... местная власть состоит из лиц, более или менее заинтересованных в этом деле"¹, из 110 следственных дел, произведенных до 20 января 1847 г. по сообщениям православного духовенства, 83 не подтвердились². Однако сам факт того, что их жалобы принимались и даже разбирались, несомненно, подавал крестьянам надежду на возможность облегчения их участи³.

В свою очередь, в 1846-1847 гг. развернулась широкая кампания остзейского дворянства и лютеранских пасторов, направленная на удержание прибалтийских крестьян под своим духовным диктатом. По сведениям, доставленным шефу жандармов А.Ф. Орлову в феврале 1846 г. из Пернова (Пярну), остзейские помещики "... с огорчением отзываются о движении крестьян к православию и полагают, что оно основано единственно на вещественных надеждах и происходит от происков сильных людей, ненавидящих немцев, что нововведение сие будет иметь печальные последствия, отделит еще более крестьян от помещиков и даст им попользование к непокорности и притязаниям под защитой священников ... что политическая цель, к которой направлено это движение, ошибочна, не принесет России воображаемой пользы, но будет иметь невольное влияние на чувства безусловной преданности лифляндских дворян к престолу"⁴. По-прежнему регулярно поступали из уездов сигналы об угрозах "бунта"⁵, было уси-

¹ Донесение Головина Перовскому от 20 января 1847 г. - ЦГИА СССР, ф.821, оп.5, д.191, л.155 об.

² Там же. - л.156.

³ По свидетельству Головина православное духовенство, выслушивая жалобы крестьян, "... действительно подает повод крестьянам думать, что оно уполномочено к разбору их претензий". - Донесение Головина Перовскому от 7 июня 1846 г. - Там же. - д.190, л.82 об.

⁴ Предписание Орлова Головину от 25 февраля 1846 г. - Там же. - д.189, л.148 об. - 149.

⁵ Рапорт П.В. Буксгевдена Головину от 10 июня 1846 г. - ЦГИА СССР, ф.821, оп.5, д.189, л.110-111; Рапорт А.К. Гильденштубе Фелькерзаму от 11 июня 1846 г. - Там же. - л.130; Рапорт Перновского ордунигстерихта Головину от 24 апреля 1846 г. - Там же. - л.24; Донесение Головина Перовскому от 14 мая 1846 г. - Там же. - л.47 и др.

лено как экономическое¹, так и идеологическое² давление на присоединившихся к православию крестьян. Руководство лютеранской церкви постоянно обращалось к пасторам с призывами пересмотреть свою позицию по отношению к крестьянам, быть в дальнейшем для крестьян "не господами, а учителями"³. Для переубеждения крестьян широко использовались средства печати. Так, например, в марте 1846 г. в Пернове (Пярну) по распоряжению президента эзельской (Сааремаа) провинциальной консистории А.К.Гильденштубе тиражом в 30 тысяч экземпляров была напечатана на эстонском языке брошюра под названием "Держи, что имеешь, дабы кто не предвосхитил венца твоего"⁴, анонимный автор которой доказывал "любезным поселянам для подкрепления их в истинной ве-

¹ Письмо Полякова Филарету от 3 октября 1846 г. - ЦИА Латв.ССР, ф.7462, оп.1, д.171, л.41; Рапорт В.Ренгаузена Филарету от 15 мая 1847 г. - Там же. - д.188, л.1; Рапорт П.Колыковского Филарету от 14 ноября 1847 г. - Там же. - д.192, л.1; Письмо А.Фасанова Филарету от 29 июня 1846 г. - Там же. - д.90, л.8, 9 и др.

² "Дело о пасторе Мазинге". - ЦИА СССР, ф.821, оп.5, д.1531, л.1-7; "Дело о пасторе Соколовском". - Там же. - д.1532, л.1-29; Донесение Филарета Протасову от 8 июля 1847 г. - ЦИА Латв.ССР, ф.7462, оп.1, д.8, л.14 об.; Рапорт Знаменского Филарету от 6 июля 1847 г. - Там же. - д.139, л.28; "Дело о пасторе Кербере". - ЦИА СССР, ф.821, оп.5, д.1529, л.1-15; Публикация ландрата Бруйнинга от 1 декабря 1845 г. - ЦИА Латв.ССР, ф.233, оп.4, д.1139, л.8-9 и др.

³ Публикация генерал-суперинтенданта эстляндской консистории Христиана Рейна от 13 ноября 1845 г. - ЦИА Латв.ССР, ф.233, оп.4, д.1139, л.6-7.

⁴ Донесение Головина Перовскому от 14 мая 1846 г. - ЦИА СССР, ф.821, оп.5, д.190, л.50.

ре"¹ преимущества лютеранства перед православием.

Зимой 1846 г. царским правительством была предпринята попытка законным путем защитить перешедших в православие прибалтийских крестьян от притеснений со стороны остзейского дворянства. По инициативе Е.А.Головина, И.Г.Семявина и епископа Филарета² 12 декабря 1846 г. было принято решение о выборах в Лифляндской губернии в состав мирских и приходских судов заседателей из числа присоединившихся к православию³. Эта мера была определена как "опытная", только на 3 года⁴. Предполагалось в каждом мирском обществе, где будет 1/4 часть православных, избрать в мирской суд одного православного заседателя, а где будет 1/2 часть православных - православного председателя мирского суда. Такое же соотношение по вероисповедальному признаку распространялось и на выборах в приходские суды⁵. Выборы должны были быть проведены в начале 1847 г., причем списки крестьян, по которым определялось соотношение лютеран и православных, составлялись мирскими судами и подавались в обязательном порядке на проверку православным священникам⁶. Филарет, прекрасно понимая важность данного решения правительства для укрепления престижа православия в Прибал-

¹ "Держи, что имеешь, дабы кто не предвосхитил венца твоего". - ЦГИА Латв.ССР, ф.7462, оп.1, д.241, л.12-40.

² Отношение Головина Филарету от 30 апреля 1846 г. - Там же. - д.322, л.1-4.

³ "Соображение и мнение по предложениям касательного устройства духовной части в Лифляндии". Июнь 1846 г. - ЦГИА СССР, ф.821, оп.5, д.190, л.149-151.

⁴ Там же. - л.149 об.

⁵ Отношение Головина Филарету от 12 декабря 1846 г. - ЦГИА Латв.ССР, ф.7462, оп.1, д.353, лл.11-12.

⁶ Там же. - л.11.

тике, с получением его от генерал-губернатора немедленно циркулярно сообщил об этом решении всем православным священникам, секретно предписав им "... употребить все старания для пользы крестьян - миропомазать всех, кого можно и изъявивших желание православие ... при составлении списков ... включать и тех, которые за недавностью изъявления желания останутся немиропомазанными"¹. Однако, несмотря на все усилия православного духовенства и эта попытка защитить присоединившихся к православию крестьян от произвола помещиков ни к чему не привела. Уже в начале 1847 г. практически все православные священники Лифляндской губернии сообщили епископу, что выборы в мирские суды прошли не по составленным спискам, а по указаниям помещиков или управляющих имений², что во многих местах выборы были проведены еще до составления списков³. К тому же, многие из перешедших в православие крестьян были батраками, а не дворохозяевами, поэтому не имели право баллотироваться в заседатели мирских судов⁴. И даже в тех судах, где выборы прошли в соответствии с утвержденным правительством

¹ Предписание Филарета всем священникам от 18 декабря 1846 г. - ЦГИА Латв.ССР, ф.7462, оп.1, д.353, л.13.

² Рапорт Полякова Филарету от 20 февраля 1847 г. - Там же. - л.47; Рапорт Меншикова Филарету от 5 марта 1847 г. - Там же. - л.64-65; Рапорт А.Полетаева Филарету от 2 марта 1847 г. - Там же. - л.67; Рапорт Д.Балода Филарету от 8 марта 1847 г. - Там же. - л.71; Письмо М.Королева Филарету от 7 марта 1847 г. - Там же. - л.76; Рапорт Полякова Филарету от 17 марта 1847 г. - Там же. - л.123; Рапорт Меншикова Филарету от 19 марта 1847 г. - Там же. - л.147; Рапорт Павловского Филарету от 29 марта 1847 г. - Там же. - л.157; Рапорт В.Мухомозова Филарету от 6 апреля 1847 г. - Там же. - л.159 и др.

³ Рапорт Панова Филарету от 3 марта 1847 г. - Там же. - л.55; Рапорт Балода Филарету от 8 марта 1847 г. - Там же. - л.70 и др.

⁴ Рапорт С.Меншикова Филарету от 5 марта 1847 г. - Там же. - л.62.

порядком, крестьянские заседатели, оставаясь полностью экономически зависимыми от власти местных помещиков, принимали все решения только по их указке¹. Так, лаудонский (Ляудонский) священник Д.Балод писал Филарету в марте 1847 г., что мирские судьи имений, находящихся в его приходе, рассказывали ему, что "... они при рассматривании какого-либо дела почти не участвуют потому, что при рассматривании дел присутствуют помощники с писарями и судят, а мирские судьи стоят при порогах"². Прибалтийский генерал-губернатор Е.А.Головин, начиная с 1846 г. постоянно докладывал в Петербург, что он не уверен в беспристрастии местных органов власти в делах, касающихся перешедших в православие крестьян³. На основании этого Головин просил увеличения хотя бы на год штата чиновников, подчиненных непосредственно ему⁴, однако Николай I, понимая, видимо, что эта мера может быть расценена в Прибалтике как открытое недоверие царского правительства действиями остзейского дворянства, просьбы Головина не удовлетворил⁵. В 1847 г. Е.А.Головин, поддержанный министром внутренних дел Л.А.Перовским, обер-прокурором Синода Н.А.Протасовым и министром

¹ Траат А.М. Волостной суд в Эстонии с середины XVIII века до реформы 1866 г.- Дисс.на соиск.уч.степ.доктора истор.наук.- Таллин, 1978.- С.200,216.

² Рапорт Балода Филарету от 8 марта 1847 г.- ЦГИА Латв.ССР, ф.7462, оп.1, д.353, л.131.

³ Донесение Головина Перовскому от 3 февраля 1846 г.- ЦГИА СССР, ф.821, оп.5, д.189, лл.105-105 об.; Донесение Головина Перовскому от 20 января 1847 г.- Там же.- д.191, лл.155-157; Рапорт Перовского Николаю I от 21 февраля 1846 г.- Там же.- д.189, л.137 и др.

⁴ На 8 человек.- Письмо Головина Перовскому от 16 февраля 1846 г.- Там же.- л.132.

⁵ См.: Резолюцию Николая I на докладе Перовского Николаю I от 24 февраля 1846 г.- Там же.- л.150.

государственных имуществ П. Д. Киселевым, выступила с новым предложением - назначить в Лифляндскую губернию особых чиновников православного вероисповедания в качестве помощников уездных стряпчих, которые занимались бы контролем за ходом следственных дел о притеснении перешедших в православие крестьян местными помещиками¹. Сенат под нажимом Перовского и Киселева утвердил 19 сентября 1847 г. это предложение, но без указания на вероисповедание чиновников². Если учесть, что к должности помощников уездных стряпчих должны были привлекаться чиновники, хорошо знавшие немецкий язык и местные постановления и "обычай", а кандидаты на эти должности подготавливались губернским правлением³, несомненно, что поправка условия о вероисповедании помощников уездных стряпчих предоставила тем же остзейским помещикам возможность занимать эти должности. Таким образом, даже слабые попытки, предпринятые царским правительством в 1846-1847 годы для защиты присоединившихся к православию крестьян, практически потерпели неудачу. Как отмечал в мае 1848 г. прослуживший в Лифляндской губернии 4 года и хорошо знакомый с местными условиями штаб-офицер корпуса жандармов Гильдебрант, противодействовать остзейским помещикам "... установленными административными путями почти невозможно: владельцам слишком много предоставлено произвола, прикрытого законными формами. Влияние крестьян, заседающих в низших инстанциях не может уравновесить помещичьего самовластия"⁴.

¹ Отношение Киселева Перовскому от 18 февраля 1847 г. - ЦИА СССР, ф. 821, оп. 5, д. 194, л. 10-34.

² Указ Сената от 19 сентября 1847 г. - Там же. - л. 215.

³ "Журнал комитета по устройству духовных дел православного исповедания в Лифляндии". - Там же. - лл. 188 об., 189.

⁴ Донесение Гильдебранта дежурному штаб-офицеру корпуса жандармов от 17 мая 1848 г. - ЦГАОР СССР, ф. 109, III отд., 1848 г., I эксп., д. 41, лл. 69-69 об.

В течение 1846 года прошения на переход в православие подали 77836 прибалтийских крестьян (57268 - эстонских и 20568 - латышских), а присоединено к православию 32803 крестьянина (22576 - эстонских, 10227 - латышских)¹. В 1846 г. основными центрами движения стали эстонские уезды Лифляндской губернии. В 1846 г. больше всего желающих перейти в православие было в Аренсбургском (Кингисепи), Феллинском (Вильяндском) и Перновском (Пярнуском) уездах, меньше всего в Дерптском (Тартуском) уезде, больше всего миропомазанных - в Перновском (Пярнуском)². В целом, по сведениям Синода за 1846-1847 гг. в православие перешло 87114 прибалтийских крестьянина (42274 - латышских и 44840 - эстонских)³. Однако, несмотря на значительное количество крестьян, принявших православие, крестьянское движение, начиная с осени 1847 года резко пошла на убыль. Крестьяне убедились, что с переходом в православие их положение не только не улучшилось, а напротив, вследствие репрессивных мер, предпринимаемых прибалтийскими немецкими помещиками против принявших православие крестьян, значительно ухудшилось. К тому же само православное духовенство, завоевав доверие определенной части крестьянских масс, использовало это доверие прежде всего для того, чтобы свести на нет их недовольство существующим социально-экономическим положением. Православное духовенство Прибалтики постоянно внушало латышским и эстонским крестьянам, что "православные своей верой обязуются быть кроткими, миролюбивыми и покорными властям над ними поставленным" и всеми силами "способствовало сохранению между прихожанами повиновения помещикам"⁴.

¹ Донесение Головина Перовскому от 22 февраля 1847 г. - ЦИА СССР, ф.821, оп.5, д.194, лл.5 об.- 6.

² Там же. - л.6-6 об.

³ ЦИА СССР, ф.797, оп.18, д.41946, л.53.

⁴ Указ Синода от 15 апреля 1848 г. - ЦИА Латв.ССР, ф.7462, оп.1, д.319, л.9 об.

Царское правительство не смогло даже сколько-нибудь последовательно обеспечить крестьянам предоставление тех немногих реальных материальных выгод, которые давал переход в православие, а именно освобождение православных крестьян от уплаты повинностей в пользу лютеранских пасторов. Несмотря на распоряжение Николая I от 19 октября 1846 г., что "... тех жителей, которые перешли в православие, изъять от обязанностей их пасторам"¹, несмотря на публикации об этом прибалтийского генерал-губернатора от 29 октября 1845 г. и 15 сентября 1846 г.², помещики и управляющие имений повсеместно заставляли православных крестьян отработывать на пасторатских землях и уплачивать налог на содержание лютеранских церквей и школ³. Уже в 1847 г. наблюдались случаи, когда крестьяне просили православное духовенство о помощи в обратном переходе в лютеранство, или же после окончания данного им после подачи прошения шестимесячного срока отказывались переходить в православие⁴. Например, в феврале 1847 г. отказались переходить в православие после истечения шестимесячного срока, сдав свои свидетельства в мызное управление, 24

¹ Рапорт Перовского Николаю I от 19 октября 1846 г.- ЦИА СССР, ф.821, оп.5, д.614, л.14.

² Отношение Головина Филарету от 15 сентября 1846 г.- ЦИА Латв.ССР, ф.7462, оп.1, д.171, л.18.

³ Рапорт П.Дубровского Филарету от 10 ноября 1848 г.- Там же.- д.207, л.1-5 об.; Письмо И.Соловского Филарету от 1 ноября 1847 г.- Там же.- д.324, л.20; Рапорт И.Жемчужина Филарету от 20 ноября 1847 г.- Там же.- л.36; Письмо К.Муравейского Филарету от 21 ноября 1847 г.- Там же.- л.57; Рапорт П.Павловского Филарету от 30 августа 1848 г.- Там же.- д.211, л.1; Рапорт А.Лекарева Платону от 16 ноября 1850 г.- Там же.- д.210, л.1; Рапорт Меншикова Платону от 13 мая 1853 г. - Там же.- д.172, лл.2-3 и др.

⁴ Рапорт П.Знаменского Филарету от 30 марта 1847 г.- Там же.- д.353, л.148; Письмо А.Мухоморова Филарету от 18 ноября 1847 г.- Там же.- д.91, л.6 об.

крестьянина мизы Буртниеки Вольмарского (Валмиерского) уезда¹ и 28 крестьян мизы Руткасмуйжа Венденского (Цесисского) уезда². В начале 1847 г. из 1411 крестьян лайзбергского (Лейси) прихода, подавших летом 1846 г. прошения на присоединения к православию, действительно присоединилось по истечению 6-месячного срока только 713 человек³. В этот период сдача свидетельств о желании перейти в православие в мизные управления, волостные или приходские суды стала повсеместным явлением⁴.

В феврале 1847 года более 400 крестьян Верроского (Вырусского) и Дерптского (Тартуского) уездов, разуверившись в возможности через переход в православие улучшить свое социально-экономическое положение, под влиянием слухов о предоставлении в южной России земли, продало все свое имущество за бесценок и переехало в Псковскую губернию для дальнейшего переселения⁵, якобы на Украину⁶. По соглашению между лифляндским и псковским генерал-губернаторами в апреле 1847 года эти крестьяне силой, под надзором полиции, были возвращены на родину⁷.

¹ Свидетельства крестьян мизы Буртниеки Вольмарского уезда о желании их перейти в православие.- ЦГИА Латв.ССР, ф.233, оп.1, д.668, лл.1-55.

² Протокол заседания волостного суда мизы Руткасмуйжа от 5 февраля 1847 г. - Там же.- л.67.

³ Описание Лайзбергского прихода Аренбургского уезда.- Рукописный архив ЛОМААНСССР, ф.4, д.155, л.150-151.

⁴ Свидетельства крестьян о желании их перейти в православие, сданные в мизные управления, волостные или приходские суды в январе-феврале 1847 г.-ЦГИА Латв.ССР, ф.233, оп.1, д.668, лл.1-368.

⁵ Всенеддан. отчет лифл. гражд. губернатора о состоянии Лифляндской губернии за 1847 г.- ЦГИА СССР, ф.1281, оп.4, д.36, л.70-71. Следует отметить, что урожай в Верроском и Дерптском уезде в 1847 г. был самым низким в губернии.

⁶ Сообщение неизвестного пастора о массовом переходе лифляндских крестьян в православие и эмиграцию на Украину.-1845-1847 гг. - ЦГИА Латв.ССР, ф.233, оп.4, д.1197, л.2 об.

⁷ Там же.

О начале спада крестьянского движения свидетельствует резкое уменьшение осенью 1847 г. количества крестьянских прошений на присоединение к православию. В октябре 1847 года на присоединение к православию было подано всего 291 крестьянское прошение, в ноябре - 279, в декабре - 371¹. И если за 4 первых месяца 1848 года в православие перешло 5509 прибалтийских крестьян², то с 1 апреля по 31 декабря 1848 - 7199, причем за весь 1848 год было подано всего 531 крестьянское прошение на присоединение³.

Спаду крестьянского движения за переход в православие способствовала также смена политического курса царского самодержавия по отношению к прибалтийским губерниям в 1848 г. Царское правительство, напуганное революционным движением в Западной Европе не только окончательно запретило православному духовенству принимать жалобы крестьян на притеснение помещиков⁴, но и полностью прекратило всякую деятельность по укреплению позиций православной церкви в Прибалтике, резко усилив свое покровительство прибалтийско-немецким помещикам⁵. Царское самодержавие боялось, что недовольные действиями правительства в Прибалтике в 1845-1848 гг., остзейское дворянство выступит в поддержку буржуазных преобразований в странах Западной Европы, но, по словам жандармского штаб-офицера в Лифляндской губернии Гильдебранта "... угрожающий анархией демократический характер народных волнений в Европе не по мыслям рижан и возбуждает как у них, так и у лифлян-

¹ ЦГИА СССР, ф.797, оп.18, д.41946, л.53.

² Там же, лл.53-54.

³ Там же, л.54.

⁴ Предписание Суворова Филарету от 22 марта 1848 г.- ЦГИА Латв.ССР, ф.7462, оп.1, д.319, лл.3-5 об.

⁵ Нифонтов А.С. Россия в 1848 году. - М., 1949.- С.94-95.

дских дворян скорее опасение, чем сочувствие"¹. Более того, выступив с полной поддержкой реакционного курса царского самодержавия по подавлению революционных движений в Европе, остзейские дворяне всех прибалтийских губерний весной 1848 г. поднесли Николаю I верноподданейшие адреса, заверив его в "чувстве непоколебимой верности и преданности здеднего края престолу"². 13 апреля 1848 г. Николай I выразил "свою особую признательность" лифляндскому дворянству за поставку 300 лошадей для артиллерийских парков и пожертвование денег на покупку лошадей для других войск, а также за обеспечение семей 1643 отпускных нижних чинов, призванных на действительную воинскую службу из Лифляндской губернии в связи с революционным движением в Западной Европе³. Царское правительство не оставило надежды на ограничение сепаратизма остзейского дворянства, однако, напуганное широтой и массовостью крестьянского движения 1845-1848 гг., боясь влияния в Прибалтике революционных событий в Западной Европе, изменило в 1848 г. свою тактику. Она стала более умеренной, рассчитанной на длительный срок. По словам А.А.Суворова, назначенного весной 1848 г. прибалтийским генерал-губернатором, "... все преобразования, будучи неизбежно сопряжены с нарушением каких-либо частных выгод или преимуществ, должны возбуждать частные неудовольствия и более или менее упорное противодействие. Это особенно ощутительно в Балтийских губерниях при проявляющемся в них духе провинциализма и под влиянием неясных и часто превратных понятий о

¹ Донесение Гильдебранта Орлову от 12 марта 1848 г.- ЦГАОР СССР, ф.109, III отд., 1848 г., I эксп., д.51, ч.4, л.4.

² Там же.- л.80,88,90,94,95,98.

³ Отчет лифляндского гражданского генерал-губернатора за 1848 г.- ЦГИА Латв.ССР, ф.3, оп.10, д.6, лл.59,178-179; Черовский лифляндскому гражд.губернатору от 9 апреля 1848 г.- Там же.- оп.1, д.2278, л.122.

местных привилегиях. Но цели правительства тем не менее могут быть достигнуты без употребления крайних мер и без чрезвычайных усилий ... удобнейшие средства для теснейшего соединения Балтийского края с Россией заключаются, вообще, в точном и неуклонном соблюдении подлежащих законоположений, в раскрытии действительных потребностей края и в устранении законодательных и административных недостатков общим для всей империи законодательным порядком¹.

Как и всем крестьянским волнениям, крестьянскому движению 1845-1848 гг. было характерно нежелание крестьянина уйти далеко от своего хозяйства, стихийная тяга ограничить арену действий небольшим районом, локализовать ее². В силу относительно более лучшего положения крестьян Курляндской губернии (значительное количество государственных крестьян, более стабильные урожаи, менее болезненное влияние неурожая 1844 г.)³, случаи перехода курляндских крестьян в православие в 1845-1848 гг. наблюдались крайне редко⁴. К тому же власти Курляндской губернии, опасаясь вспышки крестьянского движения и напуганные примером Лифляндии, не объявили крестьянам о разрешении перехода⁵. В 1848 году епископ Филарет попытался послать походную православную церковь в Тальсен (Талси) для присоединения к православию

¹ Проект всепод. рапорта Суворова к представлению в СПб. Декабрь 1848 г. - ЦИА СССР, ф. 908, оп. I, д. 85, ч. II, лл. 147-147 об.

² Поршнев Б. Ф. Феодализм и народные массы. - М., 1964. - С. 289.

³ Strods N. Lauksaimniecība Latvijā... R., 1972, 83, 86, 96, 113. lpp.

⁴ Письмо Якобштадтского священника Н. Васильева Филарету. Сентябрь 1846 г. - ЦИА СССР, ф. 797, оп. 15, д. 36470, лл. 321-322; Памятная записка президента лифляндской еванг.-лютеранской консистории Фр. Самсона И. Г. Сенявину от 12 ноября 1845 г. - ЦИА Латв. ССР, ф. 233, оп. 2, д. 14, л. 2.

⁵ Письмо Якобштадтского священника Н. Васильева Филарету. Сентябрь 1846 г. - ЦИА СССР, ф. 797, оп. 15, д. 36470, л. 322.

крестьян 8 курляндских имений, однако прибалтийский генерал-губернатор А.А.Суворов, боясь недовольства курляндского дворянства, запретил ему это делать¹. Осенью 1845 г. наблюдались отдельные попытки крестьян Эстляндской губернии перейти в православие², однако массовый характер это движение здесь не получило, так как петербургский митрополит, в епархию которого входила Эстляндская губерния, запретил православному духовенству принимать эстляндских крестьян в православие³. Вообще, следует отметить, что крестьянские волнения в Прибалтике в первой половине XIX века редко распространялись за пределы одной губернии⁴. Во многом это объясняется тем обстоятельством, что в Прибалтике царское правительство и местные помещики проводили свои аграрные реформы отдельно по губерниям. Те или иные слухи о намечающихся улучшениях материального положения крестьян сравнительно быстро распространялись по губернии и часто служили поводом для стихийных волнений крестьян^{ства}, однако не перекидывались даже на соседнюю губернию, хотя крестьяне ее жили совершенно в таких же тяжелых условиях⁵.

¹ Донесение Гильдебранта Орлову от 27 октября 1848 г.- ЦГАОР СССР, ф.109, III отд., 1848 г., I эксп., д.41, л.84 об.

² Публикация эстляндского гражданского губернатора И.Гриневаляда от 10 декабря 1845 г.- ЦГИА Латв.ССР, ф.233, оп.4, д.1139; л.10; Публикация генерал-суперинтенданта эстляндской консистории Х.Рейна от 13 ноября 1845 г.- Там же, л.6.

³ История Эстонской ССР.- Т.1.- Таллин, 1961.- С.765.

⁴ Каж Ю.Ю. О территориальной распространенности крестьянских волнений в Эстонии в XVIII и первой половине XIX века.- Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы.1961.- Рига,1963.- С.319-320.

⁵ Каж Ю. Крестьянское движение и крестьянский вопрос... - С.355-356.

2.4. Результаты массового перехода латышских и эстонских крестьян в православие в 1845-1848 годах

В целом, по сведениям Синода, за 1845-1848 гг. в православие перешло 113910 прибалтийских крестьян (62895 латышских и 47324 эстонских)¹, т.е. 17,24 % всех живущих в этот период на территории Лифляндской губернии латышских и эстонских крестьян. В отдельных имениях в православие перешло до 70 % всех крестьян². Если в 1843 году в уездах Лифляндской губернии находилось только 3 православных прихода - в селе Черном (Мустевеэ), мызе Раппин (Ряпина) Верровского (Вырусского) уезда и в погосте Нос Дерптского (Тартуского) уезда³, то к концу 1848 года сеть православных церквей раскинулась по всем уездам губернии: на 67 православных церквей (43 постоянных и 24 временных)⁴, 49 находилось в уездах губернии⁵. Православные церкви появились также во всех городах губернии⁶. Во многих православных приходах были открыты церковно-приходские школы⁷. Следовательно, в результате крестьянского движения за переход в православие в 1845-1848 годах православная церковь в Прибалтике значительно окрепла и увеличила численность как своих прихожан, так и приходов.

¹ ЦГИА СССР, ф.797, оп.18, д.41946, л.53-54. Разница в 3691 человек между общей суммой перешедших в православие и количеством перешедших по национальности появляется в ведомости за 1848 г. и объясняется, видимо, количеством детей, рожденных уже от православных родителей.

² Svarāne M. Saimnieks un kalps Kurzemē un Vidzemē XIX gadsimta vidū. R., 1971, 183.-184.lpp.

³ ЦГИА СССР, ф.797, оп.13, д.32711, лл.2-14.

⁴ Всеподдан. отчет о состоянии Лифляндской губернии гражданского губернатора Эссена от 6 марта 1849 г.-Там же.- ф.1263, оп.1, д.2017, л.1526.

⁵ Там же.- ф.797, оп.18, д.41946, лл.2-11.

⁶ Там же.

⁷ Березский В.П. Бедственное положение Прибалтийской православной церкви в условиях теперешнего ее положения. // Православные народные школы в Прибалтийских губерниях. Историческое значение их и современное бедственное положение.-Спб., 1914.-С.39.

Следует отметить, что сведения, которые доставляло православное духовенство Прибалтики в Синод, не всегда отвечали действительности и сравнительно часто завышались. Уже в начале 50-х годов XIX века целой группе прибалтийских крестьян было разрешено вернуться в лютеранство, так как проверкой, предпринятой Синодом, было доказано, что они только подали прошения на присоединение, однако, несмотря на записи в шнуровых книгах, сделанные духовенством, официально присоединены к православию не были¹.

Движение 1845-1848 годов затронуло практически все социальные прослойки латышского и эстонского крестьянства 40-х годов XIX века. Однако вследствие своего более угнетенного и несправедливого положения самое активное участие в переходе в православие приняли прежде всего батраки. Так, например, из перешедших в православие в 1846 г. 392 эйхенангерских (Стабеги) крестьян число дворохозяев не превышало 30 человек². К 1 сентября 1847 г. в уббенормском (Умургском) православном приходе числилось 715 крестьян, из которых только 20 дворохозяев³. Сунцельский (Сунтажский) православный приход с момента его открытия в 1847 г. состоял только из батраков⁴. Дворохозяева наиболее экономически зависели от помещиков, поэтому в дальнейшем, под нажимом широких экономических санкций, предпринятых прибалтийско-немецким дворянством против перешедших в православие крестьян, количество дворохозяев в православных приходах уменьшилось до минимума. Так, в 1869 г. приход эйхенангерской православной церкви состоял из 1207 чело-

¹ ЦГИА СССР, ф.796, оп.128, д.121, лл.87-113, 189, 305, 324; ЦГИА Латв.ССР, ф.7462, оп.1, д.103 (1851 г.), л.1.

² Записки священника Полякова об эйхенангерском приходе.// Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края.- Т.III.-Р., 1880.-С.525.

³ Описание Уббенормской Успенской церкви. 1895 г.- Рукописный архив ЛОИААН СССР.- ф.4, д.976, лл.4 об.- 5.

⁴ Описание Сунцельского православного прихода.- Там же.- д.973, л.3.

век, из которых дворохозяев - 25 человек¹. К 1895 году количество дворохозяев в уббенормском православном приходе уменьшилось до 6 человек². В лембургском (Малшицком) православном приходе в 1861 г. было 15 дворохозяев и 700 батраков, к 1880 г. количество дворохозяев уменьшилось до 7 человек, а к 1895 году в данном приходе числился уже только один дворохозяин³.

Несмотря на религиозную форму, движение 1845-1848 годов, несомненно, носило антифеодальный характер. О том, что далеко не религиозные цели преследовали прибалтийские крестьяне, меня вероисповедание, достаточно красноречиво свидетельствуют многочисленные крестьянские прошения в 50-х годах XIX века к рижскому архиепископу Платону и в Синод с просьбами возвратить обратно их в лютеранство, в которых они указывали, что несмотря на перемену вероисповедания, по-прежнему ходили в лютеранские церкви или участвовали в герингутерских собраниях⁴, то есть считали переход в православие формальностью, не придавая этому догматического значения.

Уже преемник Филарета архиепископ Платон был вынужден признать, что, по словам крестьян, они перешли в православие, надеясь улучшить свое социально-экономическое положение⁵. Не отрицая "возможности материальных причин движения крестьян к правосла-

¹ Записки священника Полякова об эйхенайгернском приходе...., с.525.

² Описание Уббенормской Успенской церкви. 1895 г. - Рукописный архив ЦИИАН СССР, ф.4, д.976, л.5.

³ Историко-статистическое описание Лембургского прихода. - Там же, д.967, л.4.

⁴ ЦИИАН СССР, ф.796, оп.128, д.121, лл.87,156-157; ЦИИАН Латв.ССР, ф.7462, оп.1, д.100, л.1; д.131, л.1; д.286, лл.1-4 и др.

⁵ "Отчет рижского архиепископа Платона об обозрении Рижской епархии в 1864 г." - ЦИИАН СССР, ф.908, оп.2, д.16, л.15.

вию¹ и преемник Протасова на посту обер-прокурора Синода А.В.Толстой. Он же в отношении к рижскому архиепископу Платону обвинил православное духовенство Прибалтики в неприязни к местным владельцам имений, которая по мнению Толстого тем вредна, что священники не могут поэтому действительно защитить крестьян от притеснений помещиков, а между тем крестьянин "ищет в священнике ... ходатая и защитника перед помещиком"².

Классовая борьба прибалтийского крестьянства в 1845-1848 годах против усиления феодально-крепостнической эксплуатации не вылилась в открытые формы сопротивления. Объективно это была борьба за капиталистический путь развития сельского хозяйства, принявшая своей внешней формой переход в православие. Крестьянство, в силу своей политической незрелости, не смогло сбросить религиозную оболочку движения, не пошло дальше демонстративной смены вероисповедания. Крестьянство не могло создать свою собственную идеологию, но вместе с тем в движении 1845-1848 гг. открыто заявило, что не хочет думать так, как заставляли их прибалтийско-немецкие помещики и лютеранское духовенство. Характеризуя "стихийный элемент" в раннем рабочем движении, В.И. Ленин писал, что "и примитивные бунты выражали уже собой некоторое пробуждение сознательности: рабочие теряли исконную веру в неизблемость давящих их порядков, начинали ... не скажу понимать, а чувствовать необходимость коллективного отпора, и решительно порывали с рабской покорностью перед начальством. Но это было все же гораздо более проявлением отчаяния и мести, чем борьбой"³. Это ленинское

¹ Представление Толстого в комитет министров от 12 апреля 1859 г.- ЦИА СССР, ф.796, оп.128, д.121, л.252.

² Отношение Толстого Платону от 23 февраля 1859 г.- ЦИА СССР, ф.797, оп.29, д.10^а, л.2.

³ Ленин В.И. Что делать? // Полн.собрание соч.- Т.6.- С.29-30.

определение в известной мере подходит и для характеристики движения латышских и эстонских крестьян в православие в 40-х годах XIX века. Переход в православие был следствием кризиса феодально-барщинной системы хозяйствования и проявился наиболее сильно прежде всего там, где этот кризис был наиболее отчетливым и положение крестьян было наиболее тяжелым^I. Отсутствие у крестьянства осознанной классовой цели борьбы давало царскому самодержавию широкую возможность для лавирования, укрепления и развития в крестьянстве иллюзий "наивного монархизма", позволило правительству, не меняя социально-экономического и политического положения крестьянства, сделать попытку проведения через крестьянское движение своих собственных политических интересов в Прибалтике. Крестьянское движение непосредственно влияло на все действия как царской администрации, так и остзейского дворянства в 1845-1848 годах. С приближением крестьянского движения к кульминации угроза "снизу" стала оказывать прямое и к тому же решающее воздействие на поведение царского правительства и прибалтийских помещиков, заставив их пересмотреть "Положение о лифляндских крестьянах 1819 года" и разработать так называемое "Лифляндское крестьянское поземельное уложение 9 июля 1849 года".

^I Напр., одними из первых подали прошения на переход в православие крестьяне Мариенбургского (Алуксенского), Шваненбургского (Гулбенского) и Оппекальнского (Апекальнского) приходов, в которых, по словам лифляндского гражд.губернатора Фелькерзама, положение крестьян из года в год было "самое плачевное".-- Всеподдан. отчет бывшего лифляндского гражданского губернатора Фелькерзама от 25 февраля 1847 г. о состоянии Лифляндской губернии за 1846 г.- ЦГИА СССР, ф.1263, оп.1, д.1856, л.174 об.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Антифеодалная борьба латышского и эстонского крестьянства в 40-х годах XIX века выполнила важную историческую задачу. Она заставила царское правительство и прибалтийских помещиков заниматься крестьянским вопросом, вынуждала их прибегать к одному маневру за другим, дать крестьянству пусть незначительные, но уступки. Под давлением требований экономического развития и классовой борьбы крестьянства, вопреки своей собственной воле господствующие классы были вынуждены в 40-50-х годах XIX века путем проведения ряда аграрных реформ установить относительный предел феодальному производству помещиков и создать реальные возможности для распространения денежной аренды.

Переход в православие был одной из основных внешних форм классовой борьбы прибалтийского крестьянства в 40-х годах XIX века, однако эта форма достаточно тесно переплеталась, особенно в 1841 году, с другими формами крестьянского протеста против усиления помещичьей эксплуатации - попытками крестьян переселиться в другие губернии или перейти в положение государственных, отказом от выполнения барщинных повинностей, подачей жалоб на произвол помещиков и др. Как в антифеодалной борьбе крестьянства вообще, так и в движении за переход в православие чередовались периоды кульминации (август 1841 года, 1845-1846 года), так и периоды относительного затишья (1842-1844 годы) и спада движения (1847-1848 годы), которые характеризовались наступлением реакции со стороны остзейских помещиков. На приливы и отливы в революционном движении указывая В.И. Ленин, давая обзор истории революционного движения в России в XIX веке^I.

^I Ленин В.И. Гонимые земства и Аннибалы либерализма.// Полн. собр.соч.- Т.5.- С.44-45.

По своему объективному содержанию движение латышского и эстонского крестьянства за переход в православие в 40-х годах XIX века было борьбой против барщинной эксплуатации, явилось продуктом обостряющегося кризиса феодально-крепостнического строя. В этом движении ярко отразились две характерные черты всех крестьянских волнений предреформенного времени: демократический по сути своей антипомещичий характер и субъективное представление крестьянства о справедливости верховной власти, на котором и основывалась вся идея об улучшении своего материального положения через принятие "царской веры". Своеобразная внешняя форма, которую приняла классовая борьба крестьянства в 40-х годах XIX века в Прибалтике являлась следствием специфического положения, которое занимала лютеранская церковь в Прибалтике в рассматриваемый период. Ф. Энгельс отмечал, что "... всякая борьба против феодализма должна была тогда принимать религиозное облачение, направляться в первую очередь против церкви"¹. Лютеранство было не только господствующей конфессией в Прибалтике, но и основным защитником идей об идеологических устоях власти прибалтийского немецкого дворянства. Оно настолько ассоциировалось в представлении крестьян с властью остзейских помещиков, что переход в православие крестьянство рассматривало как возможность освободиться от помещичьей эксплуатации, принять "царскую веру" и жить под властью только царя. Царю приписывали желание освободить принявших православие крестьян от барщинных повинностей, наделить их государственной землей и т.п. В свою очередь, противодействие остзейского

¹ Энгельс Ф. Введение к английскому изданию "Развитие социализма от утопии к науке". - К. Маркс, Ф. Энгельс. - Соч. - Т. 22. - С. 307.

дворянства распространению православия среди латышских и эстонских крестьян и, наоборот, поощрительные меры царского правительства по укреплению позиций православной церкви в Прибалтике еще больше поддерживали противопоставление в сознании крестьян "власти царской" власти местных помещиков, уверенность крестьянства, что от них просто скрывают те материальные выгоды, которые им якобы принесет переход в "царскую веру". Крестьяне еще не могли понять, что православная церковь, как и церковь лютеранская, слепо служила интересам самодержавной власти и господствующих классов в общем деле притеснения и эксплуатации народных масс, выполняя основную социальную функцию религии в антагонистическом обществе - "... утешать угнетенных, рисовать им перспективы ... смягчения бедствий и жертв при сохранении классового господства, а тем самым примирять их с этим господством, отвлекать их от революционных действий, подрывать их революционное настроение, разрушать их революционную решимость"^I. Наивный монархизм в ходе движения временами даже становился активной силой, придавая антифеодалным требованиям крестьян в их собственных глазах авторитет.

Если в 1841 году прибалтийское крестьянство практически не скрывало связи попыток перехода в православие с надеждами на улучшение своего материального положения, то в движении 1845-1848 годов крестьяне открыто говорили только о своем желании переменить вероисповедание. Однако и в 1845-1848 годах из-за религиозной оболочки движения явно проступала действительная направленность перехода латышских и эстонских крестьян в православие - стремление

^I Ленин В.И. Крах II Интернационала // Полн.собр.соч. - Т.26.- С.237.

освободиться от векового социально-экономического и национального гнета прибалтийско-немецких помещиков, получить землю. Именно поэтому все попытки царского правительства искусственного сведения социально-экономического по сути своей крестьянского движения к чисто внешней форме его проявления - смене вероисповедания, неизменно вели как к спаду крестьянского движения, так и обрекали сами старания царского самодержавия во второй половине 40-х годов XIX века распространить в Прибалтике православие на неудачу.

Политическая незрелость, стихийный характер движения не позволили латышскому и эстонскому крестьянству в 1845-1848 годах пойти дальше демонстративной смены вероисповедания. Вместе с тем, отсутствие у крестьянства осознанной классовой цели борьбы давало царскому правительству широкую возможность для маневров, позволило ему, не меняя социально-экономического и политического положения крестьянства, сделать попытку проведения через крестьянское движение своих собственных политических интересов в Прибалтике, направленных на ограничение сепаратистских тенденций остзейского дворянства и более тесное сближение прибалтийских губерний с остальной Россией. Однако общность классовых интересов русских и остзейских защитников старых устоев неизменно превалировала над некоторыми шероховатостями в отношениях между ними, поэтому в одном вопросе они неизменно сходились - в паническом страхе перед массовыми антифеодальными крестьянскими движениями, перед лицом которых они забывали свои разногласия и сплоченно боролись по подавлению народных выступлений. Это проявилось как в репрессиях осенью-зимой 1841 года, так и в событиях весной-летом 1846 года в Перновском (Пярнуском) уезде и на

острове Эзель (Сааремаа).

В.И. Ленин подчеркивал, что "крестьянские бунты", возрастая с каждым десятилетием перед освобождением, заставили первого помещика, Александра II, признать, что лучше освободить сверху, чем ждать, пока свергнут снизу"¹. Крестьянские волнения 40-х годов XIX века в Прибалтике сливаются с общим потоком подъема антифеодальной борьбы в предреформенный период в России. Кроме местного, регионального значения классовая борьба латышского и эстонского крестьянства в 40-х годах XIX века сыграла определенную историческую роль в масштабах всей страны, так как показала несовершенство законодательства 1816-1817 и 1819 годов в Прибалтийских губерниях и заставила господствующие классы, отбросив в сторону как неудавшийся так называемый "остзейский опыт"², искать новые пути решения крестьянского вопроса в России.

¹ Ленин В.И. "Крестьянская реформа" и пролетарски-крестьянская революция // Полн. собр. соч. - Т. 20. - С. 173.

² Захарова Л.Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России. 1856-1861. - М., 1984. - С. 172, 233.

Приложение

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. Труды классиков марксизма-ленинизма

- I.1. Маркс К. Вопрос об отмене крепостного права в России // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., -2-е изд., -Т.12., -С.605-608.
- I.2. Маркс К. Об освобождении крестьян в России // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., -2-е изд., -Т.12., -С.692-701.
- I.3. Энгельс Ф. Введение к английскому изданию "Развитие социализма от утопии к науке" // Маркс К., Энгельс Ф. С., -2-е изд., -Т.22.
- I.4. Энгельс Ф. Крестьянская война в Германии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., -2-е изд., -Т.7., -С.343-437.
- I.5. Ленин В.И. Аграрный вопрос в России к концу XIX века // Полн. собр. соч., -Т.17., -С.57-137.
- I.6. Ленин В.И. Гонимые земства и Аннибалы либерализма // Полн. собр. соч., -Т.5., -С.21-72.
- I.7. Ленин В.И. Духовенство и политика // Полн. собр. соч., -Т.22., -С.80-81.
- I.8. Ленин В.И. Крах II Интернационала // Полн. собр. соч., -Т.26., -С.209-265.
- I.9. Ленин В.И. "Крестьянская реформа" и пролетарски-крестьянская революция // Полн. собр. соч., -Т.20., -С.171-180.
- I.10. Ленин В.И. Лев Толстой, как зеркало русской революции // Полн. собр. соч., -Т.17., -С.206-213.
- I.11. Ленин В.И. О праве наций на самоопределение // Полн. собр. соч., -Т.25., -С.255-320.
- I.12. Ленин В.И. Об отношении рабочей партии к религии // Полн. собр. соч., -Т.17., -С.415-426.

- I.13. Ленин В.И. Памяти Герцена // Полн.собр.соч.- Т.21.-
С.255-262.
- I.14. Ленин В.И. По поводу юбилея // Полн.собр.соч.- Т.20.-
С.161-170.
- I.15. Ленин В.И. Пятидесятилетие падения крепостного права //
Полн.собр.соч.-Т.20.- С.139-142.
- I.16. Ленин В.И. Развитие капитализма в России // Полн.собр.соч.-
Т.3.- С.1-609.
- I.17. Ленин В.И. Социализм и религия // Полн.собр.соч.- Т.12.-
С.142-147.

2. Книги

- 2.1. Арбузов Л. Очерк истории Лифляндии, Эстляндии и Курляндии.-
Спб.-1912.- У1.-296 с.
- 2.2. Беляев И.Д. Очерк истории Северо-западного края.- Вильна,
1867.- 123 с.
- 2.3. Бирон А.К., Дорошенко В.В. Советская историография Латвии.-
Рига, 1970.-498 с.
- 2.4. Буганов В.И., Преображенский А.А., Тихонов Ю.А. Эволюция
феодализма в России. Социально-экономические проблемы.- М.,
1980.- 342 с.
- 2.5. Веймарн Ф. Лифляндская губерния /Материалы для географии
и статистики России.- Спб., 1864.- 707 с.
- 2.6. Выграб Г.И. Прибалтийские немцы. Их отношение к русской го-
сударственности и к коренному населению края в прошлом и
настоящем.- Юрьев, 1916.- 187 с.
- 2.7. Вилкс Б.Я. Формирование промышленного пролетариата в Латвии
во второй половине XIX века.- Рига, 1957.- 205 с.

- 2.8. Высоцкий И.И. Очерки по истории объединения Прибалтики с Россией (1710-1910). - Вып. 3, ч. II. - Рига, 1910. - 43 с.
- 2.9. Герцен А.И. О развитии революционных идей в России. - М., 1958. - 159 с.
- 2.10. Голубинский Е. История русской церкви. - Т. 2. - М., 1900.
- 2.11. Добрышин Б.К. К истории православия в Прибалтийском крае. - Спб., 1911. - 220 с.
- 2.12. Дорошенко В.В. Очерки аграрной истории Латвии в XIX веке. - Рига, 1960. - 323 с.
- 2.13. Дружинин Н.М. Генезис капитализма в России. - М., 1955. - 79 с.
- 2.14. Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. - Т. I. - М., 1946. - 635 с.
- 2.15. Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. - Т. 2. - М., 1958. - 617 с.
- 2.16. Дружинин Н.М. Революционное движение в России в XIX веке. - М., 1985. - 485 с.
- 2.17. Дружинин Н.М. Русская деревня на переломе. 1861-1880 гг. - М., 1978. - 287 с.
- 2.18. Духанов М.М. Остзейцы. Явь и вымысел. - Рига, 1970. - 402 с.
- 2.19. Дьяков В.А. Освободительное движение в России, 1825-1861 гг. - М., 1979. - 288 с.
- 2.20. Ершкин Н.П. Крепостническое самодержавие и его политические институты /Первая половина XIX в./ - М., 1981. - 252 с.
- 2.21. Записка о реальных повинностях в пользу лютеранской церкви в Лифляндии. - Рига, 1885. - 91 с.
- 2.22. Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. - М., 1968. - 364 с.

- 2.23. Захарова Л.Г. Самодержавие и отмена крепостного права в России. 1856-1861 .- М., 1984.- 253 с.
- 2.24. Зутис Я. Основные направления в историографии народов Восточной Прибалтики (XIX-XX вв.).- М., 1955.- 45 с.
- 2.25. Зутис Я. Остзейский вопрос в XVIII веке.- Рига, 1946.-648 с.
- 2.26. Игнатович И.И. Крестьянское движение в России в первой четверти XIX века.- М., 1963.- 466 с.
- 2.27. Игнатович И.И. Помещичьи крестьяне накануне освобождения.- Л., 1925.
- 2.28. Историко-статистическое описание церквей и приходов Рижской Епархии.- Вып. II, ч. I.- Рига, 1894.- 218 с.
- 2.29. Историко-статистическое описание церквей и приходов Рижской Епархии.- Вып. III, ч. I.- Рига, 1902.- 141 с.
- 2.30. История Латвийской ССР.- Т. I / Под ред. Я. Зутиса.- Рига, 1952.- 661 с.
- 2.31. История Эстонской ССР.- Т. I./Под ред. А. Вассара.- Таллин, 1961.- 955 с.
- 2.32. Кабузан В.М. Изменения в размещении населения России в XVIII - первой половине XIX в. (По материалам ревизий).- М., 1971.- 190 с.
- 2.33. Кабузан В.М. Народонаселение России в XVIII-первой половине XIX в. (По материалам ревизий).- М., 1963.- 230 с.
- 2.34. Какх Ю. Крестьянское движение и крестьянский вопрос в Эстонии в конце XVIII и первой четверти XIX века.- Таллин, 1962.- 475 с.
- 2.35. К истории православия в Прибалтийском крае. 1844-1850 гг.- М., 1887.- 15 с.
- 2.36. Клибанов А.И. Народная социальная утопия в России. XIX век.- М., 1978.- 342 с.

- 2.37. Коваленко И.Д. Русское крепостное крестьянство в первой половине XIX века.- М., 1967.- 399 с.
- 2.38. Козин М.И. Латышская деревня в 50-70-е годы XIX века. - Рига, 1976.- 370 с.
- 2.39. Корзун М.С. Русская православная церковь на службе эксплуататорских классов. X век - 1917 год.- Минск, 1976.-225 с.
- 2.40. К столетию революции 1848 года / Под ред. Поршнева Б.Ф., Бендриковой Л.А. - 2-е изд.- М., 1949.- 351 с.
- 2.41. Лейсман Н.А. Судьбы православия в Лифляндии с 40-х до 80-х годов XIX столетия.- Рига, 1910.- 124 с.
- 2.42. Летопись церковных событий и гражданских, поясняющих церковные.- Вып.3.- Спб., 1871.- 248 с.
- 2.43. Линков Я.И. Очерки истории крестьянского движения в России в 1825-1861 гг.- М., 1952.- 277 с.
- 2.44. Литвак Б.Г. Опыт статистического изучения крестьянского движения в России. XIX в.- М., 1967.- 126 с.
- 2.45. Литвак Русская деревня в реформе 1861 года. Черноземный центр 1861-1895 гг.- М., 1972.- 423 с.
- 2.46. Манасеин И.А. Крестьянское дело в Лифляндской губернии. Исторический очерк по данным Сенаторской ревизии 1882-1883 гг.- С.673-705.
- 2.47. Марьяна В.В. Крестьянство в революциях 40-х годов в странах Центральной и Юго-восточной Европы. - М., 1984.-311 с.
- 2.48. Мельгунов С. Из истории религиозно-общественных движений в России XIX в. Старообрядчество. Религиозные гонения. Сектанство. - М., 1919.- 237 с.
- 2.49. Мороховец Е.А. Крестьянская реформа 1861 г.- М., 1937.- 164 с.
- 2.50. Никольский Н.М. История русской церкви. Изд.3-е.-М., 1985.- 447 с.

- 2.51. Нифонтов А.С. Россия в 1848 году.- М., 1949.-315 с.
- 2.52. Оржеховский И.В. Самодержавие против революционной России (1826-1880 гг.).- М., 1982.- 207 с.
- 2.53. Очерки экономической истории Латвии 1860-1900 / Под ред. Козина М.И.- Рига, 1972.- 557 с.
- 2.54. Поммер Православие в Латвии.- Рига, 1931.- 102 с.
- 2.55. Поршнев Б.Ф. Феодализм и народные массы.- М., 1964.-519 с.
- 2.56. Православие и лютеранство в России.- Лейпциг, 1890.-16 с.
- 2.57. Православие и лютеранство в Прибалтийском крае.- Спб., 1911.- 139 с.
- 2.58. Православные народные школы в Прибалтийских губерниях. Историческое значение их и современное бедственное положение.- Спб., 1914.- 66 с.
- 2.59. Пшеничников П.Г. Русские в Прибалтийском крае. Исторический очерк.- Рига, 1910.- 27 с.
- 2.60. Религия и церковь в истории России.- М., 1975.- 253 с.
- 2.61. Рихтер А. История крестьянского сословия в присоединенных к России Прибалтийских губерниях.- Рига, 1860.- 250 с.
- 2.62. Рындзинский П.Г. Городское гражданство дореформенной России. - 1958.- 559 с.
- 2.63. Рындзинский П.Г. Утверждение капитализма в России, 1850-1880 годы.- М., 1978.- 295 с.
- 2.64. Рябков Г.Т. Крестьянское движение в Смоленской губернии в период разложения крепостничества. Конец XVIII-первая половина XIX в.- Смоленск, 1957.- 156 с.
- 2.65. Самарин Ю.Ф. Окраины России. Русское Балтийское поморье.- Вып. I.- Берлин, 1869.- 187 с.
- 2.66. Самарин Ю.Ф. Окраины России.- Вып. III.- Берлин, 1871.-196 с.

- 2.67. Самарин Ю.Ф. Окраины России. Серия первая : Русское балтийское поморье.- Вып.УІ.- Берлин, 1876.- 433 с.
- 2.68. Самарин Ю.Ф. Православные латыши. Период первый.- Соч.- Т.8.- М., 1890.- с.419-622.
- 2.69. Самарин Ю.Ф. Православные латыши. Период второй. 1845-1848 гг.- Соч.- Т.10.- М., 1890.- С.409-486.
- 2.70. Самарин Ю.Ф. Письма из Риги. Соч.- Т.7.-М., 1889.-С.3-163.
- 2.71. Сахаров С.П. Рижские православные архипастыри за сто лет (1836-1936). Популярно-исторический очерк.- Краслава, 1937.- 68 с.
- 2.72. Семевский В.И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. - Т.ІІ.- Спб., 1888.
- 2.73. Тобин А. Аграрное положение Лифляндской губернии в освещении г.Земцева.- Рига, 1909.- С.99.
- 2.74. Тобин А.Э. Аграрный строй материковой части Лифляндской губернии.- Рига, 1906.- 36 с.
- 2.75. Тобин А. Лифляндское аграрное законодательство в 19 столетии. - Т.І.- Рига, 1900.- 445 с.
- 2.76. Феодализм в балтийском регионе. Сборник научных трудов : ЛГУ им.П.Стучки.- Рига, 1985.- 147 с.
- 2.77. Федоров В.А. Крестьянское движение в Центральной России. 1800-1860 (По материалам центр.-пром.губерний).- М., 1980.- 167 с.
- 2.78. Федоров В.А. Первый период революционного движения в России (1825-1861 гг.).- М., 1957.- 40 с.
- 2.79. Федосов И.А. Революционное движение в России во второй четверти XIX века / Революционные организации и кружки.- М., 1958.- 415 с.
- 2.80. Чепко В.В. Классовая борьба в белорусской деревне в первой половине XIX века.- Минск, 1972.- 267 с.

- 2.81. Штайгервальд Р. Марксизм, религия, современность.- М., 1976.- 190 с.
- 2.82. Кинг-Штиллинг. О сельском быте ливонских крестьян.- СПб., 1868.- 124 с.
- 2.83. Ābers B. Vidzemes zemnieku stāvoklis XIX gs. pirmajā pusē. Rīga, 1936.-346 lpp.
- 2.84. Ābers B. Vidzemes zemnieku brīvlaišana un 1819.g. 26.marta likums. Rīga, 1936. 185 lpp.
- 2.85. Ādamovičs L. Latvieši un evaņģēliskā baznīca// Latvieši, I.Rīga, 1936. 204.-411.lpp.
- 2.86. Ādamovičs L. Latviešu brāļu draudze dzimtbūšanas laikos. Rīga, 1932. 48.-86.lpp.
- 2.87. Ādamovičs L. Latviešu ieaugšana kristietībā. Rīga, 1939. 153 lpp.
- 2.88. Ādamovičs L. Kristīgās baznīcas vēsture. Rīgā, 1937. 392 lpp.
- 2.89. Ādamovičs L. Vidzemes baznīca un latviešu zemnieks 1710-1740. Rīga, 1933. 659 lpp.
- 2.90. Asars J. Kā Baltijas muižniecība tikusi pie savām privilēģijām? Pēterburga, 1907. 180 lpp.
- 2.91. Birkerts A. Latviešu inteliģence savās cīņās un gaitās. II daļa. Rīga, 1927.- 162.-200.lpp.
- 2.92. Bischof, Dr.Ferdinand Valter, seine Landtagspredigten und sein Lebenslauf. Nach Briefen und Aufzeichnungen, 1.Leipzig, 1891.
- 2.93. (Buchholtz A.) Deutsch-protestantische Kämpfe in den Baltischen Provinzen Russlands. Leipzig, 1888.
- 2.94. Dreimanis P. Vidzemes saimniecība un sabiedrība latvju tautiskās atmodas laikmētā.Rīga, 1930. 113 lpp.

- 2.95. Dreimanis P. Vidzemes zemnieku cīpas par savām tiesībām XIX gs. Rīga, 1927. 61 lpp.
- 2.96. Eck S. Die kirchliche Lage in den Baltischen Provinzen Russlands. Vortrag... Danstadt, Waitz, 1891, 47 S.
- 2.97. Eckardt I. Die baltischen Provinzen Russlands. Leipzig, 1868. 460 S.
- 2.98. Endzeliņš H. Skati Valmieras pilsētas draudzes un novada pagātnē. Valmiera, 1932.
- 2.99. Foelkersahm H. Baltischer Adel und lettische und estnische Landbevölkerung in ihren gegenseitigen Beziehungen // Baltische Hefte, Bd.II, 1965.
- 2.100. Garve H. Konfession und nationalität. Ein Betrag zum Verhältnis von Kirche und Gesellschaft in Livland im 19. Jahrhundert. I.G.Herder-Institut, Marburg / Lahn, 1978.
- 2.101. Gernet A. Geschichte und System des bäuerlichen Agrarrechts in Estlands, Bd.I. Reval, 1901.
- 2.102. Kozins M. Zemnieku kustība Latvijā XIX gs.60.gadās. Rīga, 1958. 268 lpp.
- 2.103. Krodznieks J. Zemnieku nemieri 1841.gadā. Rīga, 1922. 122.lpp.
- 2.104. Krogger G. Die evangelische lutherisch Landkirche und das Griechischen - orthodoxe Stadtkirchentum 1840-1918. Baltische Kirchengeschichte. Göttingen, 1956.
- 2.105. Kruus. Talurahva käärimine Lõuna-Eestis XIX sajandi 40 - ndail. Tartu, 1930.
- 2.106. Landers K. Letvijas vēsture. XIX gadsimtenis, III d. Pēterburga, 1909. 264 lpp.
- 2.107. Menniks A. Luterticība. Rīga, 1976. 69 lpp.

- 2.I08. Mierīņa A. Agrārās attiecības un zemnieku stāvoklis Kurzemē 19.gs. II pusē. Rīga, 1968. 255 lpp.
- 2.I09. Mortensen H. und G. Über die Entstehung des ostdeutschen Grossgrundbesitzes // Nachrichten der Akademie in Göttingen. Phil.-hist.Klasse, 1955, Nr.2.
- 2.I10. Prutz H. Der Kampf um die Leibeigenschaft in Livland // Sitzungsberichte der Königl. Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch - philologische und historische Klasse, Jahrgang 1916, 1. Abhandlungen. München, 1916. 54 S.
- 2.I11. Rauch G. Der deutsche Orden und die Einheit des baltischen Landes. Hamburg, 1961.
- 2.I12. Rathfels H. Reich, Staat und Nation im deutschbaltischen Denken // Schriften der Königsberger gelehrten Gesellschaft. Geistes - wissenschaftliche Klasse. 7.Jahrgang, H.4, 1930.
- 2.I13. Rozīš Fr. Latviesu zemnieks // Rakstu izlase, II sēj. Rīga, 1964. 324 lpp.
- 2.I14. Stael-Holstein R. Fürst Paul Lieven als Landmarschall von Livland. Riga, 1906.
- 2.I15. Stöckl G. Osteuropa und die Deutschen. Geschichte und Gegenwart einer spannungreichen Nachbarschaft. Oldenburg und Hamburg, 1967.
- 2.I16. Stepermanis M. Latviesu stāvoklis XVII un XVIII gs. un apgalstotāju kustība Latvijā. Rīga, 1935. 23 lpp.
- 2.I17. Stepermanis M. Zemnieku nemieri Vidzemē 1750-1784. Rīga, 1956, 399 lpp.

- 2.II8. Strods H. Kurzemes kroņa zemes un zemnieki 1795-1861. Rīga, 1987. 237 lpp.
- 2.II9. Strods H. Laiksaimniecība Latvijā pārejas periodā no feodālisma uz kapitālismu (18.gs. 80.gadi - 19.gs.60.gadu sākums). Rīga, 1972. 434 lpp.
- 2.I20. Svarāne M. Saimnieks un kalps Kurzemē un Vidzemē XIX gadsimta vidū. Sociālekonomisks apcerējums. Rīga, 1971. 287 lpp.
- 2.I21. Švābe A. Latvijas vēsture 1800-1914. Stokholma, 1958. 206 lpp.
- 2.I22. Švābe A. Zemes attiecību un zemes reformu vēsture Latvijā. Rīga, 1930. 161 lpp.
- 2.I23. Tobien A. Die Agrarrevolution in Estland. Berlin, 1923. 51 S.
- 2.I24. Tobien A. Die Bauerbefreiung in Livland. Tübingen, 1905. 45 S.
- 2.I25. Tobien A. Die Agrargesetzgebung Livlands im 19. Jahrhundert, Bd.II Rīga, 1911. 461 S.
- 2.I26. Tobien A. Die livländische Ritterschaft in ihrem Verhältnis zum Zarismus und russischen Nationalismus, Bd.V.1925. 523 S.
- 2.I27. Wittren R. Rückkehr ins Rech. Vorträge und Aufsätze aus den Jahren 1393-1940. Posen, 1942.
- 2.I28. Zutis J. Cīņa par agrārām reformām XIX gadsimta pirmā pusē. Rīga, 1945. 44 lpp.
- 2.I29. Zutis J. Vidzemes un Kurzemes zemnieku brīvlatīšana XIX gadsimta 20.gados. Rīga, 1956. 226 lpp.

3. Статьи

- 3.1. Вахтре С.Х. Динамика численности крестьянского населения Эстонии в 1782-1858 гг. // Проблемы исторической демографии СССР /сб.статей/ Под ред. Пуллата Р.Н. - Таллин, 1977.- С.141-147.
- 3.2. Гутнова Е.В. Некоторые проблемы идеологии крестьянства эпохи средневековья //Вопросы истории.- 1966.- №4.- С.56-67.
- 3.3. Движение латышей и эстов в Ливонии с 1841 г. // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете.- 1865.- Кн. III.- С.109-143.
- 3.4. Дружинин Н. Антикрепостническое движение 1826-1860 гг. Внутренняя политика царизма // История СССР с древнейших времен до наших дней.- Т.4.- Гл.4.- 1960.- 72 с.
- 3.5. Духанов М. Из истории отмены барщины в Лифляндской губернии // Известия АН Латвийской ССР.- 1973.- №10.-С.79-90.
- 3.6. Кабузан В.М. Крепостное крестьянство России в XVIII -50-х годах XIX века. Численность, состав и размещение // История СССР.- 1982.- №3.-С.67-86.
- 3.7. Кажк Ю.Ю. Эстония в общероссийской революционной ситуации конца 1850 - начала 1860 годов //Рев.ситуация в России в 1859-1861 гг./ Под ред. М.В.Нечкиной.- М., 1965.- С.259-283.
- 3.8. Козин М.И. Развитие производительных сил в сельском хозяйстве Лифляндской и Курляндской губерний в 20-50-х годах XIX века //Известия АН Латвийской ССР.- 1957.- №4.-С.5-19.
- 3.9. Лооне Л.А. Развитие производительных сил в сельском хозяйстве Эстонии в первой половине XIX века //Об истории народного хозяйства.- Таллин, 1956.- С.139-154.

- 3.10. Нечкина М.В. Реформа 1861года как побочный продукт революционной борьбы // Революционная ситуация в России в 1859-1861 годах.- М., 1962.
- 3.11. Ниедре О. Два подхода прибалтийско-немецких историков к аграрным проблемам Прибалтики начала XX века// Сб.научн. трудов: Германия и Прибалтика.- Рига, 1983.- С.103-108.
- 3.12. Революционная ситуация в России в середине XIX века // Сб. статей /Под ред. М.В.Нечкиной.- М., 1978.- 439 с.
- 3.13. Рындзюнский П.Г. Идеиная сторона крестьянских движений 1770-1850-х годов и методы ее изучения // Вопросы истории.- 1983.- №5.- С.10-16.
- 3.14. Сваране М. Социальная психология латышских крестьян в период развития капитализма (30-60-е годы XIX века) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы.- Рига, 1977.- С.157-166.
- 3.15. Steprāne I. Vidzemes zemnieku kustība 1841.gadā // Daugavpils Valsts Ped.In-ta raksti. Daugavpils, 1959. IV sēj. 29.-53.lpp.
- 3.16. Strods H. Baltijas zemnieki un pareizticība (1841.g.- 1864.g.)//Latvijas agrārās vēstures jautājumi. Zinātnisko rakstu krājums. Rīga, 1984. 79.-125.lpp.
- 3.17. Strods H. Vidzemes muižnieku cīņa XIX gs.40.gados pret G.Budenbroka projektu par klausu atcelšanu un zemes pārdošanu zemniekiem // Latvijas agrārā vēsture (XVI-XIX gs.). Lauksaimniecība un tirgus feodālisma laikā. Rīga, 1966. 53.-77.lpp.
- 3.18. Svarāne M. Kurzemes un Vidzemes zemnieku saimniecības XIX gs.40.-50.gados (pēc pagastu arhīvu materiāliem)//Latvijas agrārā vēsture (XVI-XIX gs.).Lauksaimniecība un tirgus feodālisma laikā. Rīga, 1966.79.-162.lpp.

- 3.19. Zeids T. Jāņa Zuša nozīme Latvijas historiogrāfijā // Akademiķis Jānis Zutis. Rīga, 1964. 35.-141.lpp.

4. Авторефераты

- 4.1. Байдин В.И. Старообрядчество Урала и самодержавие. Конец XVIII- середина XIX века. Автореф.дисс.на соиск.уч.степ. канд.ист.наук.- Новосибирск, 1983.
- 4.2. Браславский Л.Ю. История религиозных движений среди населения Чувашского края /Процессы секуляризации и трансформации религиозного сознания/. Автореф.дисс.на соиск.уч.степ.канд. ист.наук.- Горький, 1983.
- 4.3. Державина Т.Г. III отделение и его место в системе государственного строя абсолютной монархии в России (1826-1855). Автореф.дисс. на соиск.уч.степ.канд.ист.наук.- М., 1973.
- 4.4. Липовская Т.Д. Антикрепостническое движение помещичьих крестьян Левобережной Украины в 40-50-е годы XIX века. Автореф. дисс.на соиск.уч.степ.канд.ист.наук.- Днепропетровск, 1972.
- 4.5. Мирошниченко П.Я. О народных истоках утопического социализма в России (Исторический аспект проблемы). Автореф.дисс. на соиск.уч.степ.докт.ист.наук.- Саратов, 1979.
- 4.6. Михайлов Г.А. Критика современной богословской концепции роли православия в истории России. Автореф.на соиск.уч.степ. канд.филос.наук.- М., 1973.
- 4.7. Носов С.Н. Развитие исторических взглядов славянофилов в 40-50-х годах XIX века. Автореф.дисс.на соиск.уч.степ.канд. ист.наук.- Л., 1982.
- 4.8. Попова Р.М. Социально-экономическое положение и борьба помещичьих крестьян южных губерний Украины накануне падения крепостного права (1841-1860 годы). Автореф.дисс.на соиск. уч.степ.канд.ист.наук.- Днепропетровск, 1972.

- 4.9. Рижский С.В. Церковь и крестьянская реформа 1861 года. Автореферат на соиск.уч.степ.канд.ист.наук.^{дисс.} - Ростов-на-Дону, 1982.
- 4.10. Степране И.Я. Крестьянское движение в Лифляндии в 40-х годах XIX века. Автореф.дисс.на соиск.уч.степ.канд.ист.наук.- Рига, 1966.
- 4.11. Траат А.М. Волостной суд в Эстонии с середины XVIII века до реформы 1866 года. Автореф.дисс.на соиск.уч.степ.докт.ист.наук.- Таллин, 1978.
- 4.12. Уйбу Х.Э. О социальной структуре и мобильности эстонского крестьянства в первой половине XIX века. Автореф.дисс. на соиск.уч.степ.канд.ист.наук.- Таллин, 1981.
- 4.13. Фирсова Е.М. Кризис крепостнического хозяйства Белоруссии и крестьянское движение в 40-50-х годах. Автореф.дисс.на соиск.уч.степ.канд.ист.наук.- Минск, 1956.
- 4.14. Чхаидзе Г.Е. Развитие антикрепостнических идей в крестьянском движении в дореформенной Грузии XIX века. Автореф. дисс.на соиск.уч.степ.канд.ист.наук.- Тбилиси, 1979.
- 4.15. Янель З.К. Социально-экономическое развитие дворянских поместий Лифляндской губернии во второй половине XIX века. Автореф.дисс.на соиск.уч.степ.канд.ист.наук.- М., 1961.

5. Опубликованные источники

- 5.1. Всеподданный отчет по управлению Балтийским краем с мая 1845 по февраль 1848 года. Его императорскому величеству генерала от инфантерии Головина 1-го // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете.- М., 1871.- Кн. II.- Апрель-июнь.- С. 97-137.

- 5.2. Донесение товарища министра внутренних дел Свиягина о нынешнем положении Ливонии // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете.- М., 1865.- Кн. IV.- Октябрь-декабрь.- С. 179-205.
- 5.3. Записки священника Полякова об эйхенангернском приходе // Сб. материалов и статей по истории Прибалтийского края.- Т. 3.- Рига, 1880.- С. 515-564.
- 5.4. Из архива князя С. В. Шаховского. Материалы для истории прошлого Прибалтийской окраины (1885-1894 гг.).- Т. 3.- Спб., 1910.- 334 с.
- 5.5. Из истории общественно-политического движения в России XIX века (Материалы Отд. писем-источников Гос. ист. музея). /Под ред. Дмитриева С. С. - М., 1967.- 71 с.
- 5.6. Исторический обзор мер правительства для усиления в Остзейском крае способов к изучению русского языка.- Спб., 1866.- 72 с.
- 5.7. Крестьянское движение в России в 1826-1849 годах /Под ред. А. В. Предтеченского.- М., 1961.- 984 с.
- 5.8. Крестьянское движение 1827-1869 годы /Под ред. Е. А. Мороховца.- М., 1931.- Вып. I.
- 5.9. Крестьянское движение в России в 1861-1869 годах: Сб. док. /Под ред. Л. М. Иванова.- М., 1964.- 952 с.
- 5.10. Крестьянское движение в России в 1850-1856 годах : Сб. док. /Под ред. С. Б. Окуня.- М., 1962.- 828 с.
- 5.11. Крестьянское движение в России в 1786-1825 годах : Сб. док. /Под ред. С. Н. Валка .- М., 1962.- 828 с.
- 5.12. Обзор Лифляндской губернии за 1909 год.- Рига, 1910.- 39 с.
- 5.13. Обзор Лифляндской губернии за 1906 года.- Рига, 1907.- 64 с.

- 5.14. Обзор русской периодической печати. - Спб., 1911.-Вып.XIV
(с мая 1908 г. по сент.1910).- 139 с.
- 5.15. Обозрение епархии Пресвященным Арсением, епископом Рижским и Митавским в 1888 г.- Рига, 1889.- 33 с.
- 5.16. Отмена крепостного права : Доклады министров внутренних дел о проведении крестьянской реформы 1861-1862 годов./ Отв.ред. С.Н.Валк.- М.-Л., 1950.- 312 с.
- 5.17. Сборник статистических сведений по Лифляндской губернии /Под ред. Н.Карлберга.- Рига, 1886.- 88 с.
- 5.18. Сборник узаконений и местных постановлений касательно главных церковных попечительств и церковных попечителей в Лифляндской губернии.- Рига, 1888.- 75 с.
- 5.19. Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края.- Т.3.- Рига, 1880.- 638 с.
- 5.20. Специальное сообщение Государственного Советника Липранди о движении перехода к православию в Лифляндии Николаю I во время его путешествия по Италии //Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете.- М., 1868.-Кн.3.
- 5.21. Страумит И. Записки православного латыша// Самарин Ю.Ф. Окраины России.- Прага, 1868.- Вып.II.-122 с.

6. Неопубликованные архивные документы

6.1. Центральный государственный исторический архив СССР (ЦГА СССР)

- 6.1.1. Ф.1261 - II отделение собственной е.и.в.канцелярии.
- 6.1.2. Ф.673 - Личный фонд Липранди И.П.
- 6.1.3. Ф.796 - фонд канцелярии Синода.
- 6.1.4. Ф.797 - фонд канцелярии Обер-прокурора Синода.

- 6.1.5. Ф.1286 - департамент полиции исполнительной.
- 6.1.6. Ф.1281 - Совет министра Министерства внутренних дел.
- 6.1.7. Ф.908 - фонд графа Валуева П.А.
- 6.1.8. Ф.821 - департамент духовных дел иностранных вероисповеданий МВД
- 6.1.9. Ф.1263 - Комитет министров Российской империи.
- 6.1.10. Ф.832 - личный фонд Филарета (Дроздова) митрополита Московского.

6.2. Центральный государственный архив Октябрьской Революции СССР (ЦГАОР СССР)

- 6.2.1. Ф.109 - III отделение собственной его и.в.канцелярии.

6.3. Центральный государственный исторический архив Латвийской ССР (ЦГИА Латв.ССР)

- 6.3.1. Ф.1 - канцелярия ливляндского, курляндского и эстляндского генерал-губернатора
- 6.3.2. Ф.3 - канцелярия Ливляндского губернатора.
- 6.3.3. Ф.214 - архив Ливляндского дворянства.
- 6.3.4. Ф.233 - ливляндская евангелически-лютеранская консистория
- 6.3.5. Ф.7462 - канцелярия (православного) епископа рижского и митавского.

6.4. Рукописный архив Ленинградского отделения Института археологии АН СССР

- 6.4.1. Ф.4. - "Описание церквей и приходов Ливляндской и Курляндской губерний". 1895-1896 гг.